

Выпуск 3, 2021

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ISSN 2219-5254

ISSN 2500-2791 (online)

Вестник Ивановского государственного университета

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

2021. Вып. 3

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78823

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИЯ:

- Е. М. Тюленева*, д-р филол. наук (*главный редактор серии*) (Россия, Иваново)
Г. С. Смирнов, д-р филос. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
В. М. Тюленев, д-р ист. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
О. С. Горелов, канд. филол. наук (*ответственный секретарь*) (Россия, Иваново)
А. Ю. Алексеев, д-р филос. наук (Россия, Москва)
М. В. Белов, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
К. В. Воденко, д-р филос. наук (Россия, Новочеркасск)
Н. Ю. Гвоздецкая, д-р филол. наук (Россия, Москва)
Д. И. Дубровский, д-р филос. наук (Россия, Москва)
А. И. Жеребин, д-р филол. наук (Россия, Санкт-Петербург)
А. А. Житнев, д-р филол. наук (Россия, Воронеж)
Ф. И. Карташкова, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
Е. В. Маринова, д-р филос. наук (Болгария, София)
Р. Я. Подоль, д-р филос. наук (Россия, Рязань)
Д. И. Польшанский, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
Ф. А. Селезнев, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
Д. Г. Смирнов, д-р филос. наук (Россия, Иваново)
Ц. Й. Степанов, д-р ист. наук (Болгария, София)
А. А. Федотов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
В. Н. Финогентов, д-р филос. наук (Россия, Орёл)
З. А. Харитончик, д-р филол. наук (Беларусь, Минск)
Ю. Л. Цветков, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
В. Л. Черноперов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
К. А. Юдин, канд. ист. наук (Россия, Иваново)

Адрес редакции:

153025 Иваново,
ул. Тимирязева, 5, к. 304
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2021

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOV STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

2021. Issue 3

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication,
Information Technology and Mass Communications.
Registry entry III № ФС 77-78823 of July 30, 2020

Founded by Ivanovo State University

EDITION:

- E. M. Tyuleneva*, Doctor of Philology (*Chief Editor of the Series*) (Russia, Ivanovo)
G. S. Smirnov, Doctor of Philosophy (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)
V. M. Tyulenev, Doctor of History (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)
O. S. Gorelov, Candidate of Science, Philology (*Secretary-in-Chief*) (Russia, Ivanovo)
A. Yu. Alekseev, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
M. V. Belov, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
K. V. Vodenko, Doctor of Philosophy (Russia, Novocherkassk)
N. Yu. Gvozdetskaya, Doctor of Philology (Russia, Moscow)
D. I. Dubrovsky, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
A. I. Zherebin, Doctor of Philology (Russia, Saint-Petersburg)
A. A. Zhitenev, Doctor of Philology (Russia, Voronezh)
F. I. Kartashkova, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
E. V. Marinova, Doctor of Philosophy (Bulgaria, Sofia)
R. Ya. Podol, Doctor of Philosophy (Russia, Ryazan)
D. I. Polyvyanny, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
F. A. Seleznev, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
D. G. Smirnov, Doctor of Philosophy (Russia, Ivanovo)
C. Y. Stepanov, Doctor of History (Bulgaria, Sofia)
A. A. Fedotov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
V. N. Finogentov, Doctor of Philosophy (Russia, Orel)
Z. A. Kharitonchik, Doctor of Philology (Belarus, Minsk)
Yu. L. Tsvetkov, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
V. L. Chernoperov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
K. A. Yudin, Candidate of Science, History (Russia, Ivanovo)

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo,
Timiryazew str., 5, office 304
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512
Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

- Андреянова Е. Е.** Реализация идейно-феноменологического пространства в поэтическом сборнике Н. Сафонова «Разворот полем симметрии» 5
- Анцыферова О. Ю.** Взаимодействие исторической правды и художественного вымысла в метамодернистском романе Али Смит «Как быть двумя» 13
- Муравьева А. В.** Абсурд как рецепция в пьесе Д. Данилова «Человек из Подольска» 21
- Богданова А. А., Золина Е. Н., Хуснутдинов А. А.** О содержании понятия «коренной сельский житель» в применении к авторскому словарю (на основе материалов словаря «Фразеологический лексикон коренного сельского жителя Ивановской области») 34

История

- Балдин К. Е.** Экологические проблемы города Иваново-Вознесенска на рубеже XIX—XX вв. 43
- Красовицкая Т. Ю.** «Тайная моя мысль, что только инородцы умеют Россию любить...» 53
- Ладанова А. А.** Особенности системы снабжения Иваново-Вознесенского государственного текстильного треста в 1921/22—1926/27 гг. 62
- Садвокасова З. Т.** Православные миссионерские учреждения в Казахстане (XIX — начало XX века) 71
- Точенов С. В., Цаплина Н. С.** Организация работы Ивановского отделения БММТ «Спутник» по развитию международного молодежного туризма в 1973—1991 годах 79
- Тюленев В. М.** Кассиодор — человек, создавший о себе миф 89

Философия

- Аксенов Г. П.** В. И. Вернадский: от истории науки к неперемennomу будущему 98
- Белюсов П. А.** Общечеловеческая (планетарная) идентичность как проблема современной ноосферологии 111
- Кондорский Б. М.** Россия как государство-ойкумена 124
- Когаловский С. Р.** Формальная логика как носитель креативности 134
- Сведения об авторах* 146
- Информация для авторов журнала «Вестник Ивановского государственного университета»* 149

CONTENTS

Philology

Andreyanova E. E. Implementation of the ideo-phenomenological space in a poetry collection by N. Safonov “Reversal by the field of symmetry”	5
Antsyferova O. Yu. Fictionalizing and telling historical truth in the metamodernist novel <i>How to be both</i> by Ali Smith	13
Muraveva A. V. The absurd as a reception in D. Danilov’s piece “The man from Podolsk”	21
Bogdanova A. A., Zolina E. N., Khusnutdinov A. A. About the content of the concept “indigenous villager” in application to the author’s dictionary (based on the materials of the dictionary “Phraseological lexicon of the indigenous villager of the Ivanovo Oblast”)	34

History

Baldin K. E. Environmental problems in Ivanovo-Vosnesensk at the turn of the 19th and 20th centuries	43
Krasovitskaya T. Yu. “My secret thought is that only foreigners can love Russia...”	53
Ladanova A. A. Characteristic features of the supply system of Ivanovo-Voznesensky state textile trust in 1921/22—1926/27	62
Sadvokassova Z. T. Orthodox missionary institutions in Kazakhstan (XIX — early XX centuries)	71
Tochenov S. V., Tsaplina N. S. Organization of work of the Ivanovo branch of BIYT “Sputnik” on development of international youth tourism in 1973—1991	79
Tyulenev V. M. Cassiodorus: a man who created a myth about himself	89

Philosophy

Aksenov G. P. V. I. Vernadsky: from the history of science to the indispensable future	98
Belousov P. A. Universal (planetary) human identity as a problem of modern noospherology	111
Kondorskii B. M. Russia as a state-oikumena	124
Kogalovskii S. R. Formal logic as a carrier of creativity	134
<i>Information about the authors</i>	146
<i>Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin»</i>	149

УДК 821.161.1-14
ББК 83.3(2=411.2)6-45
DOI: 10.46726/H.2021.3.1

Е. Е. Андреевна

РЕАЛИЗАЦИЯ ИДЕЙНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОЭТИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ Н. САФОНОВА «РАЗВОРОТ ПОЛЕМ СИММЕТРИИ»

В статье рассматриваются субъектно-пространственные модели текстов Н. Сафонова в сборнике «Разворот полем симметрии». Подход автора можно охарактеризовать как философско-идеологический, так как в роли основного пространства следует обозначить концептуальное. Поэт осмысляет языковую реализацию идей и механизмов мышления. Н. Сафонов продолжает работать с абсолютными пространствами, осмысляя не только их значение, но и предельность реализации. Сафонов размышляет о семантике симметрии и невозможности реализации этого понятия в реальном мире. Актуальным становится вопрос реализации потенциального значения и различий его функционирования с абсолютным пространством.

Ключевые слова: субъектно-пространственные модели, спекулятивный реализм, феноменология, инновативная поэзия.

Е. Е. Andreyanova

IMPLEMENTATION OF THE IDEO-PHENOMENOLOGICAL SPACE IN A POETRY COLLECTION BY N. SAFONOV “REVERSAL BY THE FIELD OF SYMMETRY”

The article deals with the subjective-spatial models of N. Safonov's texts in the collection “Reversal by the field of symmetry”. The author's approach can be characterized as philosophical and ideological, since the conceptual space should be designated as the main one. The poet comprehends the linguistic implementation of ideas and mechanisms of thinking. N. Safonov continues to work with absolute spaces, comprehending not only their meaning, but also the ultimate realization. Safonov reflects on the semantics of symmetry and the impossibility of realizing this concept in the real world. The question of the realization of the potential value and the differences in its functioning with the absolute space becomes relevant.

Key words: subjective-spatial models, speculative realism, phenomenology, innovative poetry.

Книга стихов Н. Сафонова «Разворот полем симметрии» состоит из нескольких разделов, озаглавленных «Закрытия», «Копия названия», «Идея круга», «Точки расхода», «A.S.X.», «Записи к речам», «Страницы одних и тех же картин», «Шрам соответствий». Заложенный в названии «Разворот полем

симметрии» указатель на концептуальный подход к осмыслению пространств и их взаимодействий реализуется на протяжении всей книги.

Тексты «разворачиваются» в языковом пространстве, составляя семантическое поле структур и пространственных типов. Сергей Огурцов в предваряющем книгу эссе «Вместо предисловия» характеризует поэтику сборника следующим образом: «В самом общем виде, поле этой поэтики определяется соотношениями плоскостей и процессов, кругов и линий, сцен и сценографий: иными словами, (не)видимого и записанного» [4, с. 7].

Сафонов создает объемную карту пространственных взаимодействий, используя язык в качестве материала. Через поэтическое реализуется пространство когнитивное, сложность в изображении которого заключается в его герметичности и нестабильности. Пространство материализуется, рассматривается в совокупности линий, предметов, стратегий, заключенных в различные формы, находящиеся в процессе постоянного изменения. При этом в пространственном взаимодействии важен не столько результат изменений, сколько сама возможность изменений, наличие у пространств потенциальной способности преломляться в зависимости от интенции текста.

Немаловажным фактором является работа с абсолютным пространством, идеологическим полем, в котором все механизмы и структуры представлены в предельном проявлении, лишенном вещественной реализации. Понятие границ, осмысливаемое автором, важно не как разделения пространственных типов, а как допустимый предел, который символизирует области мышления и представления. Сафонов работает не только с пространством, но и с самой идеей пространства, существовавшей до субъекта и продолжившей существовать после него. Данный подход в большинстве своем основан на философских идеях Квентина Мейясу: «действительная возможность для каждой сущности — будь то событие, вещь или закон — появляться или исчезать без всякого основания для бытия или небытия. Безосновность (*unreason, itreason*) становится свойством абсолютного времени, способного уничтожать или творить любую конкретную сущность без какой-либо причины для ее творения или уничтожения» [2].

Языковое пространство определяется Сафоновым как функциональная система реакций и обозначений, поле вариаций, в котором абсолютные пространства могут быть материализованы. Ян Выготский в эссе «Вскрытие видимости» характеризует подобное отношение Никиты Сафонова к тексту следующим образом: «объект овеществляется в процессе письма и порождает поле, которое начинает дискурсивно множиться, создавая новые смыслы внутри овеществленного мышления, в котором сама поэтическая машина выполняет функцию ориентира в создаваемом пространстве, тем самым придавая порождаемому тексту свободный выбор единиц, состоящих не только из предложений со строгим интонационным расположением на поверхности листа, но и числовых единиц номеров страниц не-существующих источников, формул, а точнее логических структур, рождающихся в возникающем поле» [1].

Важной особенностью пространств является их способность множиться и изменяться в пределах самих себя. Новое значение возникает в небольшом промежутке между задуманным и произнесенным, представленным и описанным. Поэзия становится механизмом, фиксирующим малейшие сдвиги значений и форм, которые одновременно являются носителями семантики целого и самостоятельными фигурами, балансирующими на разнице функционирования пространств. Огурцов описывает данную поэтическую особенность

книги в предисловии: «Мир “Разворота...” находится в непрерывном движении: “перемещаются” не только герои, грамматические единицы и референты, но и сами законы означивания: в момент, когда наблюдатель сталкивается с объектом, тот уже-всегда не то, чем только что назван/увиден, — а то, чем (не)был когда-то или (не)станет однажды» [4, с. 9].

Субъект проявляется через фиксацию пространств, с которыми он взаимодействует, используя механическую оптику последовательного перемещения. Для Сафонова становятся актуальными образы камеры и экрана, так как границы кадра нейтральны по отношению к пространствам, изображенным внутри, и субъектно-ориентированы для того, кто находится с другой стороны. Безучастная интонация хроники конструирования поэтического выступления в качестве альтернативы субъектного восприятия мира.

Вариативность и условность пространств подчеркивается использованием архитектурных ландшафтов, воспринимающихся как метафоры когнитивного пространства. Стены, окна, комнаты, дома становятся границами языкового пространства, связывая мышление и субъекта в пределах поэтического текста:

Где находилась цитата, которую только что можно было поставить на место другого, на плоскость предмета? В похожем запрете на взгляд в сторону стен, определяющих зону решения света, будет необходимо различие между первым и крайним сомнением, расположенным между первым и крайним, граничным изображением того, что могло быть сюжетом, но не местом, в котором выписаны кривые условий. Тем самым можно расположить эти «предметы», названные так только в силу их формы и угрозы объему потерять себя, на любой гладкой поверхности, прямо посреди «полей» [5, с. 18].

Цитата выступает в роли части языкового пространства, несущая в себе воспоминания о целом тексте, но функционирующая и воспринимаемая обособленно. В ней отражается двойственность воспоминаний о полноценном смысле и потенциальная способность рождения нового значения. Язык материализует когнитивное пространство, учитывая разницу между задуманным и произнесенным, между сомнением и изображением. Абсолютность пространств позволяет им реализовываться в любых семантических полях, сохраняя возможность существовать, независимо от субъектного восприятия. Отдельно стоит остановиться на фразе «в похожем запрете на взгляд в сторону стен, определяющих зону решения света». Субъект проявляется через мотивы света и зрения, которые выделяют тот или иной пространственный тип. Стены выступают в роли тех самых пределов, символизирующих присутствие субъекта в процессе работы механизма языка.

Природное пространство, которое практически всегда выступает в качестве сопутствующего субъекту пространственного типа, в текстах Сафонова становится частью идеологического поля, провоцирующего возникновение потенциального значения. Природное пространство овеществляет законы мышления, контрастируя с вариативностью языкового материала:

Та самая цитата, тот самый предмет (Тот самый экран)

Мы объяснились предположением в разговоре о том, что где-либо в подобных условиях можно вести беседу о, например, сложении солнца, или безветрии, или о нумерации строк, сокращенных в бездну цитаты

Белый камень, стесанный с одной стороны на четверть и половина страницы, внесенной после в отправленное письмо; прежде, чем отправить его, на обратной стороне было указано, что «это и есть цитата», но что именно — камень, его осколок?

Когда от ситуации осталось только постепенное нарушение речи, подобное повторению слов, начинающихся на определенную букву, или перечислению предметов и дат, собранных в пересчет избытков, сложно было не чувствовать: «сложенность солнца», «безветрие», «бездна строк» [5, с. 20].

Природа в текстах также абсолютизируется и предстает в качестве идеи. Природное пространство становится частью когнитивного поля, оно делится и расщепляется, встраиваясь в механизм мышления. Наличие образов, связанных с миром естественным, необходимо не для противопоставления одного пространства другому, а для внедрения окружающей действительности в мир схем и структур, в котором идея предмета важнее, чем его материальное воплощение. Белый камень приравнивается к цитате, так как сам является частью природного, но может интерпретироваться в отрыве от привычного значения, при этом поле возможных смыслов огромно: «сокращенных в бездну цитаты». Динамическая сущность пространств приводит к их постоянным изменениям в пределах собственного значения, которое не меняется полностью, но сдвигает оптику восприятия: «постепенное нарушение речи, подобное повторению слов, начинающихся на определенную букву, или перечислению предметов и дат, собранных в пересчет избытков».

Категория времени в текстах Сафонова также обусловлена пространственным восприятием. В данном контексте необходимо вспомнить понятие абсолютного времени или гипер-хаоса, о котором писал Мейясу: «Гипер-хаос отличен от того, что мы обычно называем хаосом. Мы имеем в виду под хаосом беспорядок, случайность, вечное становление всего. Но это не качества Гипер-хаоса: его контингентность столь радикальна, что даже становление, беспорядок или случайность могут быть уничтожены им и заменены порядком, детерминизмом и стабильностью. Вещи настолько контингентны в этом времени, что оно может уничтожить даже становление вещей. При абсолютной фактичности контингентность больше не означает необходимости разрушения или беспорядка, но, скорее, речь идет о равной контингентности порядка и беспорядка, становления и вечности» [3].

В доме, над домом, где-либо, так сложно определив положение, середину, из которой можно войти в описание, не было ни одного предмета, кроме окон, стола, одних названий для комнат: светлая, дальняя, темная; мертвый рот, пытающийся разложить эти наименования поверхностей ауры места по алфавиту, очертить нить времени, под которой движимое было прекращено, превращено в то, что мы находились во времени (мы, сложенные, как солнца, как осложнения сюжета, сам сюжет)

Находясь во времени
Не двигались больше

Запись на обороте: объяснили безветрие с позиции ненаблюдателя. Не цитируя переписанное от руки стекло, помещенное под стекло
Черновик соответствий [5, с. 24].

Через взаимодействие языкового и архитектурного пространства возникает поле свободных интерпретаций, в котором возможно создание текста. Время находится в состоянии движения и покоя одновременно, балансируя между разными пространственными типами: «очертить нить времени, под которой движимое было прекращено, превращено в то, что мы находились во времени». Сафонов также обращается к понятию симметрии, вынесенному в заголовок. Учитывая теорию Бруно Латура, согласно которой время и пространство бинарные категории, так как одно обратимо, а другое нет, то реализация симметрии невозможна. Она возникнет только в том случае, если одна из категорий изменит свою функциональную составляющую. Так как пространство существует за счет своей подвижности, то надделение его инертностью и конечностью остановило бы движение мира, поэтому времени ничего не остается кроме как стать частью пространственных моделей, превратившись в абсолют. Симметричность же пространств будет зависеть от субъекта, помещенного в поле значений: «не цитируя переписанное от руки стекло, помещенное под стекло».

Телесное пространство также абсолютизируется и становится субъективной границей, разделяющей пространство когнитивное и реальное. Данный вид пространства используется не в качестве субъективной территории, а в качестве идеи тела как сосуда, хранящего язык:

Изображение,
касающееся тела и языка, тела, пребывающего в перманентном разрыве с языком (произношение, понимание, обращение),
изображение не самого ли тела, изначально не определенного в символах события [5, с. 35].

Сафонов использует тело как концепт, минуя его функцию чувственного восприятия действительности. Телесность становится вторичным пространством по отношению к языковому полю:

Название чего копирует это
тело, эта неизвестная материя, названная полем, органом,
кроме названия изображения, название которому она
(эта материя) дать не может? Копия названия, как компенсация
невозможного: невозможности пересилить исчисление
символического в движении фильма, отсчет времени текста,
бессильно падающего на границы плоти [5, с. 35].

Копия названия — это еще одна попытка создать симметричное пространство, состоящее из дубликатов друг друга, отличающееся минимальным различием. Таким образом, и поэтический текст становится дубликатом мышления, его копией, заключенной в границы. Как пишет С. Огурцов в предисловии к книге, «воображение-как-мышление становится попыткой пройти сквозь зеркало текста в преисподнюю языка, пока все говорящие живые спят, — или подсмотреть, что же происходит в книге поэзии, когда она лежит закрытой на каждом столе в мире, где она лежит закрытой» [4, с. 13]. Сафонов пробует создать мир до-субъектный, в котором концепты и идеи взаимодействуют между собой в той полноте и целостности, в которой они были задуманы. Так как языковые границы изменить невозможно, то можно представить, как существовало языковое пространство до появления этих границ:

Когда здесь не было совсем ничего — ни нас, вымеряющих расстояния от тела, ни лица, ухваченного синтезом кадра и рассуждением, прежде, о нем, ни прежнего затвора, сдерживающего постоянно время съемки, кажется, именно тогда имелось нечто, неподвластное постоянному забыванию, постоянной трагедии мысли [5, с. 49—50].

Использование образов кинематографического и фотографического необходимо для обозначения субъекта. Несмотря на то, что он не возникает в тексте как говорящий, он выведен в позицию наблюдателя, который фиксирует пространства, однако их выбор полностью подчинен его мотивации.

Важной категорией при работе с пространствами становится категория потенциального. Части целого воспринимаются не как недостаточные обломки, а как свободное поле вероятных значений, пустой знак, который можно наполнить новым смыслом. Об этом размышляет и Огурцов: «Использование пустых знаков позволяет разорвать корреляции языка и мышления, мышления и мира, и радикально отличает поэтику Сафонова от близких на первый взгляд методов, изматывающих референциальность языка в полисемии, бесконечном семиозисе и деконструкции (как, например, деконтекстуализирующее перечисление и наложение означаемых, свойственное поэтике А. Драгомощенко)» [4, с. 12—13].

В одну из теней дороги
ты вписываешь с одной стороны молчащую фигуру
с оторванным языком, с другой — дыру в надписи,
растворяющей ожидание блокнота. Получая отрезки,
по которым можно высчитать сопротивление масштаба,
чтобы исключить попытку чтения карты.

Выстраивая на одном из темных участков
образы освещения в форме трактата,
смыкая страницы картин, увеличенные сами собой:

Остается просвет [5, с. 57].

Пространство недосказанности провоцирует преобразование языкового материала в пределах собственных границ, выход поэтического за рамки узаконенных интерпретаций: «ты вписываешь с одной стороны молчащую фигуру с оторванным языком, с другой — дыру в надписи, растворяющей ожидание блокнота». Невозможность речи часто обусловлена набором предсказуемых значений, составляющих топографию поэтической местности, за границы которых язык не выходит. Работая с абсолютными пространствами, Сафонов пробует расширить семантическое поле не наложением на язык новых вариаций, а путем стирания предыдущих путей чтения: «Получая отрезки, по которым можно высчитать сопротивление масштаба, чтобы исключить попытку чтения карты». В процессе подобных взаимодействий остается просвет — область потенциального.

Свободное пространство необходимо для реализации не только языкового, но и когнитивного пространства. Так как Сафонов отводит субъекту роль камеры-наблюдателя, то именно через последовательную фиксацию пространственных изменений можно наблюдать проявление чувственного восприятия:

На поперечном срезе силуэта склонившейся головы, словно все остальное спущено к белой спине, нагреваемой солнцем, незаметны глаза, на берегу оставлено наспех сколоченное помещение для обнаружения перспективы, сквозь щели которого силуэт поправляет ровную гладь воды. Можно узнать знакомую ясность темного профиля с тем, что остается, как шрам, вне тела [5, с. 81].

Взгляд субъекта неотрывно следует за силуэтом, меняя фокус с близкого изображения на панорамный план: «на берегу оставлено наспех сколоченное помещение для обнаружения перспективы, сквозь щели которого силуэт поправляет ровную гладь воды». Смена точки зрения создает пустые пространства, оставляющие место для интерпретаций.

Процесс мышления показан через взаимодействие пространств друг с другом, их взаимопроникновения и изменения. При этом важной оказывается метафора масштаба: сравнение, расширение, уплотнение пространств:

Появляясь в полуокне, лицо повторяет черты росписи, растягиваясь в ширину, пока между рук, на высоте плоскости рамы, никак не заканчивается стекло. Со стороны, называясь именем или значением, заметно движение: северный створ прямоугольника здания заметен, когда затемненные уровни швов переводят автоматизм определенности в доступный принцип дыхания. Знакомые времени фонари пролегают от незаконченного наклона новых настенных портретов тел до того как он уходит к разности белого, к ним самим [5, с. 130].

Взаимопроникновение архитектурного и телесного пространства изображается через изменение объемов пространственных типов и смены ракурсов: «Появляясь в полуокне, лицо повторяет черты росписи, растягиваясь в ширину, пока между рук, на высоте плоскости рамы, никак не заканчивается стекло». К ним последовательно добавляется пространство языковое, сшитое с предыдущими типами пространств: «затемненные уровни швов переводят автоматизм определенности в доступный принцип дыхания». И так как все типы динамичны и пластичны, то в результате движения пространств в поле мышления они возвращаются к своему абсолютному значению: «он уходит к разности белого, к ним самим».

Виртуальный предмет — отпечаток, объект и дистанция во владении сосуда с водой, непрестанно широким жестом, пропадающие в глубинах между нашествием и приближением переписи

выполнен из шлифованного камня серого цвета, с множеством разнонаправленных рубцов небольшой толщины, равномерно расположенных на нижней поверхности так, чтобы вода постоянно могла заполнить количество промежутков, указанное в таблицах, в зависимости от расстояния до фиксирующей машины (его возможного взрыва) [5, с. 143].

На примере этого текста, входящего в цикл «Шрам соответствий», можно наглядно проиллюстрировать пространственный метод Сафонова. Превалирующим пространством, которое он осваивает в своих текстах, является когнитивное пространство, содержащее в себе идеи, концепты,

структуры. Когнитивное пространство проявляется через пробелы значений, разницу копий и пластичность языкового материала: «отпечаток, объект и дистанция во владении сосуда с водой, непрерывно широким жестом, пропадающие в глубинах между нашествием и приближением переписи». Основной функцией пространственных типов является их движение и изменение, создающее поэтический текст: «чтобы вода постоянно могла заполнить количество промежутков». Субъект же находится за пределами текста, он фиксирует пространственные конфигурации, используя множественность точек зрения: «в зависимости от расстояния до фиксирующей машины (его возможного взрыва)».

Таким образом, обобщая все выше сказанное, концептуализация пространства в текстах Никиты Сафонова проявляется через взаимодействие феноменологического и идеологического пространств. Данный подход реализуется в сборнике «Узлы» и абсолютизируется в книге «Разворот полем симметрии». Поэтика автора достаточно герметична и формируется под влиянием современных философских идей, особенно спекулятивного реализма.

Список литературы

1. *Выговский Я.* Вскрытие видимости // Дискурс. 2016. 6 янв. URL: <https://discours.io/articles/theory/vskrytie-vidimosti/> (дата обращения: 09.09.2021).
2. *Мейясу К.* Время без становления. 2008. URL: http://www.ncca.ru/app/mediatech/file/Quentin_Meillassoux.pdf (дата обращения: 09.09.2021).
3. *Мейясу К.* После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
4. *Огурцов С.* Вместо предисловия // Сафонов Н. Разворот полем симметрии. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 5—13.
5. *Сафонов Н.* Разворот полем симметрии. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 152 с.

УДК 821.111-311.6
ББК 83.3(4Вел)6-444.2
DOI: 10.46726/H.2021.3.2

О. Ю. Анцыферова

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ
И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВЫМЫСЛА
В МЕТАМОДЕРНИСТСКОМ РОМАНЕ АЛИ СМИТ
«КАК БЫТЬ ДВУМЯ»**

В статье анализируются функции историко-биографического нарратива в романе британской писательницы Али Смит «Как быть двумя» (*How to Be Both*, 2014), что помогает пересмотреть доминирующую в российском литературоведении постмодернистскую трактовку романа. Художественная интерпретация биографии ренессансного художника Франческо дель Косса (ок. 1430 — 1477) рассматривается в связи с мировоззрением и эстетикой Али Смит, ее трансмедийными и нарратологическими экспериментами, сделавшими писательницу одной из примечательных фигур современной британской прозы, а также в связи с иконологической интерпретацией фресок дель Косса Аби Варбургом. Влиятельная на Западе метамодернистская интерпретация романа Смит дополняется рефлексией над его жанровой природой (*Bildungsroman*, *biofiction*, *fiction-cum-biography*). Делается вывод о том, что фигура Франческо дель Косса создается более нарративными средствами, нежели с помощью традиционного биографического инструментария, а также через сочетание миметических художественных средств с метареференциальными; при этом авторская интенциональность реализуется в привлечении читателя к активной практике чтения, аналогом чему является спасительное взаимопроникновение жизни и искусства, помогающее персонажам преодолеть одиночество, травму и скорбь. Эта активизация читателя и несомненная этическая составляющая позволяет рассматривать роман в культурной логике метамодернизма.

Ключевые слова: биографический нарратив, метамодернизм, Али Смит, герменевтика жанра, *biofiction*.

O. Yu. Antsyferova

**FICTIONALIZING AND TELLING HISTORICAL TRUTH
IN THE METAMODERNIST NOVEL *HOW TO BE BOTH*
BY ALI SMITH**

Functioning of the historical and biographical narrative is analyzed in the novel *How to be both* (2014) by the British writer Ali Smith, which helps to reconsider the postmodernist interpretation of the novel prevailing in Russian literary criticism. Ways and the degree of fictionalizing in the biographical narrative of the Renaissance artist Francesco del Cossa is accorded with the worldview and aesthetics of Ali Smith, with her transmedial and narratological experiments and, also, in the light of Abi Varburg's iconological interpretation of his frescoes. The metamodernist reading of Smith's novel, influential in the West European countries, is complemented by reflection on its genre nature (*Bildungsroman*, *biofiction*,

© Анцыферова О. Ю., 2021

fiction-cum-biography). The conclusion is made that the figure of Francesco del Cossa is represented more by narrative means than with the help of traditional biographical tools, and also through complex interaction of mimeticity with metareferentiality. The authorial intentions aim at involving the reader into the active reading practices, analogy of which is to be found in the celebration of life and art interosculation, helping the protagonists to overcome loneliness, trauma and mourning. Involving the reader into the narrative through an “affective encounter with art” (Y. Liebermann) allows to perceive the metamodernist structure of feeling in the novel.

Key words: biographical narrative, metamodernism, Ali Smith, genre hermeneutics, biofiction.

На современном «литературном олимпе» Великобритании уроженка Шотландии Али Смит (род. 1962) по праву занимает одно из ведущих мест, став лауреатом многочисленных литературных премий. Ее произведения подкупают читателя сочетанием смелого художественного эксперимента с редким даром сопереживания, умением писать одновременно об остро злободневном и вечном, обнаруживать нерв современности в полузабытых произведениях искусства или текстах культуры, сочетать лирическую экспрессию с иронической отстраненностью. Игра с различными нарративными инстанциями, нелинейность повествования, подчеркнутая интерсемиотичность ее текстов делает их остросовременными и привлекает внимание как простых читателей, так и искушенных литературоведов.

В русскоязычном научном пространстве освоение творчества Али Смит еще только начинается, и его доминантой является единодушное «вписывание» его в парадигму постмодернизма [2; 3; 7]. В западной критике роман рассматривается как парадигматический метамодернистский текст [10; 11]. Обе эти работы написаны по следам коллективной монографии «Метамодернизм: историчность, аффект и глубина после постмодернизма» [4], десятая глава которой, озаглавленная «Реконструируя глубину: аутентичная литература и ответственность», написанная немецкими учеными Ирмтрауд Губер и Вольфгангом Функом, содержит подробный анализ романа Али Смит и иллюстрирует на его материале основные свойства метамодернистского текста. Второй подход кажется мне более продуктивным, во всяком случае при исследовании работы писательницы с биографическим материалом и особого функционирования биографического нарратива в прозе шотландской писательницы.

Говоря об эстетике и онтологии текстов Али Смит, необходимо отметить, что для нее искусство — это не вторичная, фикциональная, «рукотворная» реальность. Для нее и ее любимых героев оно выполняет функцию, которую американский литературовед Кеннета Берка в 1937 году определил как «equipment for living» [8, p. 167]. Это совсем, правда, не означает, что герои занимаются искусством профессионально. Литература (и шире — искусство) для Али Смит и ее героев — это необходимое «оснащение для жизни», конститутивная часть реальности. В романе «Как быть двумя» фрески и картины раннеренессансного художника из Феррары Франческо дель Косса (как и поп-арт коллажи авангардной художницы Полин Бути в написанной чуть позже «Осени» (2016) становятся **важнейшим фактором личностного становления главных героинь**, наших современниц. Именно потому, что интермедальность текстов Али Смит становится основополагающим принципом

и конструирования художественного мира произведения, и самоидентификации персонажа, она (интермедиальность) не может анализироваться исключительно как конститутивное свойство *постмодернистского* текста¹.

Искусство становится неотъемлемой частью бытия для героев Али Смит, источником важнейших интуиций и прозрений. Точно так же и для автора классические (или постклассические) произведения искусства не являются лишь источником экфрастических упражнений (в которых она по-настоящему виртуозна). Неслучайно писательницу и в «Осени», и в «Как быть двумя» в равной степени интересуют не только произведения искусства, но и личность художника, его/ее биография и психология творчества. Неслучайно в романе «Как быть двумя» биографический нарратив о Франческо дель Косса разрастается в отдельную сюжетную линию, становится одной из двух равнозначных частей книги, а понимание искусства как своеобразного медиума между миром живых и ушедших получает выражение в фигуре повествователя, который с одной стороны, будучи художником феррарской раннеренессансной школы, принадлежит прошлому, с другой — обретает статус незримого свидетеля событий, происходящих в современности.

Авторская интенция и ее полиграфическое исполнение в романе основаны на двух важнейших принципах: это расчет на активность читателя, который мыслится важнейшим сотворцом текста и опора на визуальные образы. Оба принципа определяют полиграфическое оформление и структуру текста. Обе части книги маркированы как «Первая» (One), обеим предшествует некая графическая эмблема визуальности. На титульном листе части, посвященной современной девочке-подростку Джордж(ии), размещено схематическое изображение видеокамеры как отсылка к реалиям современного *surveillance society* — «общества всеобщего надзора», и в многочисленных критических исследованиях романа этот раздел обозначается для удобства различения как «Видеокамера». Другая часть, повествовательным фокусом которой является сознание ренессансного художника Франческо Дель Косса, открывается причудливой эмблемой — это то ли глаз в виде лорнета, то ли глаза на цветочном стебельке, внимательно всматривающиеся в окружающее. Этот раздел называется критиками «Глаза». Оба изображения в равной степени нагружены смыслами, множественность которых нарастает по мере погружения в текст. Видеокамера первоначально воспринимается как эмблема всепроникающего наблюдения, надзора, которому подчинена жизнь в высокотехнологичном обществе. Однако после прочтения части о ренессансном художнике, незримо наблюдающем с позиции своего времени за героиней — нашей современницей, видеокамера как эмблема всепроникающего контроля начинает странным образом ассоциироваться и с незримым присутствием (не надзирающим, но сочувственным) духа ренессансного художника, или — шире — искусства прошлых веков в нашей современности. Погружаясь в мир книги, читатель узнает, что глаза на стебельке — это фрагмент картины дель Косса,

¹ Хотелось бы отметить удивительное в своем роде совпадение. В том же 2014 году увидел свет роман Донны Тарт «Щегол» (The Goldfinch), в котором арт-объект — картина Карла Фабрициуса — также становится не только двигателем сюжета, но и, в известной степени, катализатором нравственного самосознания героя. В обеих книгах инициация подростка связана с миром искусства, происходит благодаря матери, и искусство в обоих случаях становится своего рода медиумом между погибшей матерью и ребенком, преодолевающим травму потери.

на котором изображена святая Лючия. По легенде, она была лишена зрения преследователями, и традиционно ее изображали с глазами на блюде. Феррарский же художник смело изменил канон, придав агиографическому изображению несколько сюрреалистический оттенок.

Последовательность чтения двух частей отдается на откуп читателю. С этой целью половина тиража в издательстве Penguin Books была выпущена в виде книги, где на первое место было поставлено повествование о Франческо дель Косса, другая половина тиража начиналась с повествования о Джордж. «Видеокамера» представляет собой нарратив о современной девочке-подростке Джордж (уменьшительное от Джорджии), чья мать Кэрол — искусствовед, феминистка, блоггер — внезапно уходит из жизни. Мать и дочь связывают глубокие, исполненные любви, духовности и взаимопонимания отношения, чем-то напоминающие цикл о семье Глассов у Дж. Д. Сэлинджера. Незадолго до смерти Кэрол, очарованная картиной дель Косса, которую она случайно увидела в журнале, проникается творчеством этого художника и везет дочь и младшего сына в Феррару, чтобы они «вживую» могли увидеть поразившие ее образы фресок дворца Скифанойя.

«Глаза» представляют собой беллетризованный историко-биографический нарратив, основанный на повествовательной перспективе Франческо дель Косса, который, по художественному замыслу Али Смит, оказывается девушкой: чтобы реализовать свой талант живописца, она вынуждена жить в мужском облике. Таким образом, она является такой же писательской креатурой, как Джудит Шекспир, изобретенная Вирджинией Вулф, но гораздо более счастливой в реализации своего таланта (поручкой тому служат сохранившиеся замечательные произведения дель Косса, в чем может убедиться каждый читатель книги Смит). Гендерная неоднозначность становится одним из важнейших тематических и проблемных компонентов книги; она, как и сексуальная ориентация автора, бросает вызов гетеронормативности.

Оба возможных варианта прочтения имплицитно подразумевают собственную логику восприятия: нарратив ренессансного художника хронологически предшествует истории Джордж, и именно эта «модель для сборки» была выбрана, к примеру, украинскими издателями [6]. В издании Penguin может случиться так, что читатель вначале ознакомится с историей Джордж, важнейшей частью которой являются болезненно-ностальгические воспоминания о поездке с матерью и маленьким братом в Феррару, в дворец Скифанойя, фрески которого наполнены для матери совершенно особым смыслом. Тогда, возможно, важнейшие нарратологические загадки другой части («Глаза») — от чьего лица ведется в ней повествование? что за мальчик находится в поле зрения Франчески? и т. д. — гораздо скорее перестанут быть загадками, стимулирующими читательскую активность, и интерес читателя сфокусируется на чем-то другом, например, на достаточно тонко и проникновенно изображенном строе чувств девочки-подростка.

В любом случае, нельзя не согласиться с предлагаемой литературным обозревателем Кэйти Гест практикой чтения текстов Али Смит: «Вам захочется прочитать ее книгу по крайней мере трижды: сначала в горячке влюбленного в ее манеру поклонника, потом — отыскивая необходимую информацию в интернете... и, наконец, отгородившись от внешнего мира кругом настольной лампы, отключив телефон, смакуя великолепную языковую игру писательницы [9].»

Одной из ключевых проблем интерпретации романа А. Смит является вопрос о том, как взаимосвязаны два повествовательных пласта, восходящих соответственно к Джордж и Франческо (если мы остаемся в рамках художественного мира книги) — или, если начинаем размышлять в категориях фикционального (вымышленного) и реального (документального, non-fictional) — как соотносится историко-биографический нарратив реального итальянского художника Франческо дель Косса — с рассказом о взрослении вымышленной героини, 16-летней девочки из Кембриджа Джордж.

Итак, почему именно дель Косса?

Об этом феррарском художнике известно немного: даже годы его жизни (ок. 1430 (1435?) — 1477) реконструируются лишь приблизительно. После ранней смерти (предположительно от чумы) его имя кануло в забвение и вклад в искусство Ренессанса оставался неоцененным до начала XIX века. Свои подлинные шедевры художник создал, работая по заказу феррарского герцога Борсо д'Эсте над фресками для Зала месяцев дворца Скифанойя. После упадка рода д'Эсте дворец был продан, и фрески заштукатурили. Только в 1840 г. сквозь обвалившийся слой белой штукатурки работники фабрики увидели, что «за ними украдкой следят чьи-то глаза», как пишет Али Смит в своем эссе, посвященном художнику [12].

Фрески Зала Месяцев дворца Скифанойя в Ферраре занимают весь периметр парадного (второго) этажа и представляют собой сложную аллегорическую композицию, посвященную двенадцати знакам зодиака. Фреска каждого знака состоит из трёх блоков. Верхний изображает триумф соответствующего языческого бога. Нижний блок отдается сценам придворной жизни герцога Борсо. В среднем ярусе изображены те самые загадочные фигуры, которые взбудоражили и писательницу, и ее героиню — Кэрол, мать Джорджии.

Знаменитый немецкий историк искусства Аби Варбург (1866—1929) первым открыл во фресках дель Коссо в Зале Месяцев любопытное сочетание античной, азиатской, ближневосточной и христианской мифологий и культур. Неслучайно именно на их примере он впервые продемонстрировал свой метод иконологического анализа на Десятом Международном конгрессе историков искусства в Риме (1912). Позже он посвятил им специальную главу в своей знаменитой книге «Великое переселение образов. Исследование по истории и психологии возрождения античности». Хотя Варбурга интересует в основном проблема античного влияния на художественную культуру Раннего Ренессанса, в своей искусствоведческой рефлексии он определяет специфику «запутанной, фантастической символики» образов дель Косса через *культурную многослойность*: «На первый слой греческих созвездий наложился сначала египетский культ деканов; последний был несколько видоизменен под влиянием индийской мифологии и далее, вероятно через посредничество персов, приспособлен для арабского восприятия. Затем, в процессе еврейского перевода, появился ряд затрудняющих понимание вторичных смысловых наслоений, пока, наконец, эта конструкция не вылилась через французов в латинский перевод сочинения Абу Машара, выполненный Пьетро д'Абано. Греческая карта звездного неба воплотилась в монументальную космологию раннего итальянского Ренессанса в образе тридцати шести таинственных фигур центрального яруса феррарских фресок» [1, с. 184—186].

Расшифровка Варбургом таинственных образов фресок Скифанойя не имеет непосредственного отношения к роману Али Смит и ее восприятию

фресок дель Косса, хотя, полагаю, она с ней знакома. Интересно другое: обнаруживаемая Варбургом палимпсестная множественность смыслов несомненно коррелирует с временной глубиной, к которой Кэрол хочет приобрести с помощью фресок и архитектуры Феррары свою дочь и таким образом увести ее от бездумного дрейфования между «плавающими означающими» повседневности — к глубине. Чтобы почувствовать это, достаточно сопоставить два эпизода. Первый происходит за шесть месяцев до смерти матери. Воскресный вечер. Джордж смотрит по телевизору фильм. Но поскольку она включила поздно и пропустила начало, то параллельно смотрит его в записи на ноутбуке. Одновременно Джордж просматривает фотожабы и гифки в телефоне... [13, р. 41; 6, с. 35]. «Мигрант в собственном бытии», — так называет мать свою дочь, относя это определение и к себе, и к современной жизни вообще, имея в виду поверхностность, легковесность и, возможно, отсутствие глубоких привязанностей.

Второй эпизод опять-таки связан с визуальным восприятием, но совершенно иного свойства и насыщенности. Описывается первое посещение дворца Скифанойя в Ферраре. Многослойности изображаемого соответствует многослойность эмоционального отклика, который вызывают фрески дель Косса у матери. Своим уникальным сочетанием душевной щедрости и сарказма фрески напоминают Кэрол ее дочь — колючего, ранимого и чуткого подростка. Искусство помогает матери и дочери понять друг друга и дает им язык для выражения своих чувств. Многослойность фресок соответствует многослойности эмоций и отношений. Глубина и эмпатия (тепло, гуманность) — то, что отличает настоящее искусство, — позволяет автору и героям пробиться к сердцевине бытия, не переставая вопрошать, в чем его суть.

П. П. Муратов в своей книге «Образы Италии» пишет о дель Косса: «В искусстве XV века фрески Коссы отмечают минуту бодрой и полной веры в себя, в свободу и правду творчества. Их могло создать только *искусство, находящееся в стремительно восходящем движении*» [5, с. 75; курсив мой. — О. А.] Создавая фигуру Франческо дель Косса больше нарративными средствами, нежели с помощью традиционного биографического инструментария, Али Смит удивительным образом передает это «стремительно восходящее движение», с которым ассоциируется дель Косса у зрителя. Гомодиегетический повествователь части «Глаза» буквально материализуется на страницах книги, прилетая из царства небытия в современную Англию, и организация текста визуально и метафорически передает это процесс: от коротких ритмизованных эллиптических строк, незаконченных фраз и оборванных слов — к абзацам из одной фразы, не обремененным знаками препинания, — и только после этого, постепенно, к более или менее пространным пассажам, соответствующим более спокойному и глубокому погружению повествователя в новую среду (которую он поначалу воспринимает как Чистилище).

Ситуацию Франческо в книге можно определить как «заброшенность» — и в пространственном, и в экзистенциальном смысле слова. Хотя художник и изъясняется совершенно современным языком (как если бы его рукой водила школьница Джордж), его нарративное поведение стилизуется в соответствии с речевыми жанрами его времени. Гомодиегетический повествователь части романа, фокализованной на художнике, составляет письмо анонимному адресату, от которого зависит его нынешнее местоположение в универсуме — на проницаемой границе сфер бытия и небытия, жизни и смерти. И мы можем только гадать: кто эта «святейшая и наисветлейшая милость», к которому

обращается дух-повествователь? Богатый покровитель, от которого зависела жизнь дель Косса-художника? Господь Бог, распоряжающийся вопросами жизни и смерти? Автор романа, во власти которого только и пребывают судьбы персонажа? Нарративный металеписис смыкается с онтологическим металеписисом, а танатология оборачивается метареференциальностью. И все это полиграфически и синтаксически оформляется как миметическое воспроизведение того, что известно об историческом прототипе.

Вероятно, стремление определить жанровую природу произведений Али Смит, в которых одна из сюжетных линий соотносится с биографией реально-исторического художника — не самая легкая и благодарная задача, которая, однако, естественным образом возникает на фоне множащихся жизнеописаний разной степени беллетризованности, которые уже породили специфический жанр *biofiction*.

Али Смит не пишет *biofictions*. В ее художественных произведениях биографическая сюжетная линия носит, как правило, вспомогательный характер и имеет статус вставной истории или экфрастических включений («Как быть двумя» с его равноправием частей — исключение). В 2013 г. Кэйти Гест предлагает самое удачное, на мой взгляд, определение жанра, в котором работает Али Смит — *fiction-cum-biography* [9].

Особый прием работы Али Смит с биографическим материалом и особое его использование, как мне представляется, продуктивно рассматривать в уже упомянутой парадигме метамодернизма, который определяется его создателями как «структура чувства». Авторы главы, посвященной роману «Как быть двумя», И. Губер и В. Функ уподобляют призрак художника Франческо дель Косса призраку отца Гамлета в интерпретации Ж. Деррида (в книге «Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый Интернационал» (1994): «Этот призрак, без конца колеблющийся между прошлым и настоящим, между отсутствием и присутствием, производит отчуждение финала и требует вовлеченности» [4, с. 357]. Подобные колебания (осцилляции) и рассматриваются как определяющая характеристика специфической «структуры чувства», которая приходит на смену постмодернизму и нарекается *метамодернизмом*. Основной посыл текста Али Смит немецкие ученые видят именно в новых и оригинальных формах «вовлеченности, обусловленной колебаниями в произведении искусства, вовлеченности, вызывающей к истинной ответственности читателя при его контакте с текстом» [4, с. 357]. Отдавая должное очевидному наследованию Али Смит принципам «постмодернистской эстетики игрового самосознания и подрывной критики ключевых нарративов» [4, с. 358], ученые вместе с тем настаивают, что, в отличие от постмодернистских текстов, здесь «вымышленность и метареференциальность могут способствовать попыткам реконструировать некий смысл, обеспечивающий intersubjectивную коммуникацию, взаимосвязь между людьми и парадоксальную аутентичность» [4, с. 360].

Этот вполне убедительный литературоведческий сюжет трансформации постмодернизма в метамодернизм, который эксплицируется на материале книги Али Смит, думается, не является единственно возможной ее интерпретацией. Воздавая должное сложности нарративной структуры, эмоциональной насыщенности, этической и эстетической глубине, плодотворности взаимопроникновения жизни и искусства, следует в заключение подчеркнуть, что онтологическая двойственность, заявленная на всех уровнях — и паратекстуальном, и композиционном, и образном, и гендерном, —

успешно сочетается в книге с чрезвычайно ценным и вполне однозначным посылом: одиночество и скорбь преодолимы. Погруженная в траур и скорбь героиня не одинока, т. к. за спиной ее незримо присутствует дух любимого художника ее матери. Восприятие и интерпретация его фресок навсегда останутся самыми дорогими и духоподъемными воспоминаниями Джордж, связанными с матерью, ее своеобразным заветом дочери. Само присутствие Франчески дель Косса в книге — это и своего рода «охранная грамота» Джордж, и запечатленная память о матери.

Список литературы

1. *Варбург А.* Великое переселение образов. Исследование по истории и психологии возрождения античности / сост. и пер. с нем. Е. Козиной, пер. с итал. Н. Булаховой; пер. с латин. Д. Захаровой. СПб.: Азбука-классика, 2008. 381 с.
2. *Лушников Г. И., Осадчая Т. Ю.* Постмодернистская игра на разных категориальных уровнях текста в романе Али Смит «THERE BUT FOR THE» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1 (77). С. 232—241.
3. *Лушников Г. И., Осадчая Т. Ю.* Реализация проблематики «реальное/иллюзорное» в постмодернистском романе Али Смит «Зима» // Филология и человек. 2020. № 2. С. 114—126.
4. *Метамодернизм: историчность, аффект и глубина после постмодернизма* / под ред. Р. Ван ден Аккера, Э. Гиббонс и Т. Вермюлена; пер. с англ. В. М. Липки. М.: РИПОЛ классик, 2019. 494 с.
5. *Муратов П. П.* Образы Италии. М.: Республика, 1994. 592 с.
6. *Смит А.* Как быть двумя / пер. А. Яновской. Харьков: Ранок: Фабула, 2018. 336 с.
7. *Тимошенко Г. Д.* Экфрасис в романе Али Смит *How to be both* (2014) // Практики и Интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2016. № 1 (1). С. 69—84.
8. *Burke K.* Literature as Equipment for Living (1937) // *Contemporary Literary Criticism: Literary and Cultural Studies* / Ed. by Robert Con Davis, Ronald Schleifer. New York; London: Longman, 1994. P. 167—173.
9. *Guest K.* Review: *Shire*, By Ali Smith, with images by Sarah Wood. Bewitching, at least three times over // Independent. Sunday 30 June 2013. <https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/books/reviews/review-shire-by-ali-smith-with-images-by-sarah-wood-8679825.html> (дата обращения: 25.06.2021).
10. *Lavery N.* Consciousness and the Extended Mind in the «Metamodernist» Novel // *English Studies*. 2018. № 99. Vol. 7. P. 755—765.
11. *Lieberman Y.* The return of the 'real' in Ali Smith's *Artful* (2012) and *How to Be Both* (2014) // *European Journal of English Studies*. 2019. № 23. Vol. 2. P. 136—151.
12. *Smith A.* «He looked like the finest man who ever lived» // *The Guardian*. Sun 24 Aug, 2014. <https://www.theguardian.com/books/2014/aug/24/ali-smith-the-finest-man-who-ever-lived-palazzo-schifanoia-how-to-be-both> (дата обращения: 25.06.2021).
13. *Smith A.* *How to be both*. Penguin Random House (UK), 2014. 372 p.

ББК 83.3(2=411.2)6-462
УДК 821.161.1-21
DOI: 10.46726/H.2021.3.3

А. В. Муравьева

АБСУРД КАК РЕЦЕПЦИЯ В ПЬЕСЕ Д. ДАНИЛОВА «ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОДОЛЬСКА»

Статья посвящена внутритекстовой рецепции абсурдной ситуации пьесы Дмитрия Данилова «Человек из Подольска». Акцент ставится на техниках и приёмах абсурдизации драматургического текста, их появлении в тексте драмы, возможных формах и вариантах их создания и бытования. В ходе исследования отмечается расширение понятия субъекта: за счёт внедрения в текст абсурдистского комплекса в качестве субъекта выступает и автор, и субъект действия, и следующий за ними читатель. Абсурдный компонент приводит субъекта к остранению. В свою очередь, частотность абсурдных ситуаций способствует формированию пространства, где абсурд воспринимается как должное, где абсурдное и понятное становятся взаимозаменяемыми, где субъекту последовательно объясняется относительность его жизни в целом, а значит, утверждается моделирование как способ организации окружающего его пространства. В результате делается вывод о трансформации ситуации рецепции: абсурд, смоделированный в тексте, проживается/проигрывается персонажем, воспринимающим это как реальность, с которой нужно и можно работать, и одновременно через остранение открывает герою возможность для нового видения/прозрения/обнаружения собственной идентичности. Так внутритекстовое восприятие субъектом (героем, персонажем) абсурда демонстрирует различие между абсурдом экзистенциальным и абсурдом смоделированным.

Ключевые слова: абсурд, рецепция, новая драма, постдрама, текстопорождающие механизмы.

A. V. Muraveva

THE ABSURD AS A RECEPTION IN D. DANILOV'S PIECE «THE MAN FROM PODOLSK»

The article is devoted to the intra-textual reception of the absurd situation of Dmitry Danilov's piece «The Man from Podolsk». The emphasis is placed on the techniques and techniques of absurdization of the dramatic text, their appearance in the text of the drama, possible forms and variants of their creation and existence. In the course of the study, the expansion of the concept of the subject is noted: due to the introduction of an absurdist complex into the text, both the author and the subject of the action, and the reader following them, are accepted as subjects. The absurd component leads the subject to detachment. In turn, the frequency of absurd situations contributes to the formation of a space where the absurd is taken for granted, where the absurd and understandable become interchangeable, where the relativity of his life as a whole is consistently explained to the subject, which means that modeling is approved as a way of organizing the space around him. As a result, a conclusion is made about the transformation of the reception situation: the absurdity modeled in the text is lived/played by the character, who perceives it

© Муравьева А. В., 2021

as a reality with which it is necessary and possible to work, and at the same time, through detachment, opens the hero the opportunity for a new vision/insight/discovery of his own identity. Thus, the internal perception of the absurd by the subject (hero, character) demonstrates the indistinguishability between the existential absurdity and the modeled absurdity.

Key words: absurd, reception, new drama, post-drama, text-generating mechanisms.

Пьеса Дмитрия Данилова «Человек из Подольска» [1], написанная в 2016 году, продолжает линию абсурдизации текстового пространства, актуальную для драматургии рубежа XX—XXI веков. Однако абсурдная составляющая пьесы несколько отличается от абсурда текстов других авторов этого периода [2; 3; 4; 5].

Действующими лицами здесь выступают Человек из Подольска, Человек из Мытищ, Первый полицейский, Второй полицейский и Женщина-полицейский. Характеристика персонажей ограничивается наименованиями, вследствие чего ещё до погружения читателя в действие ему представляется круг лиц, обычно задействованных в целом комплексе ситуаций различных правонарушений. Этот же список лиц размывает географию событий: пространство, пока не обозначенное явно, через Человека из Подольска и Человека из Мытищ отсылает одновременно к двум географическим объектам, находящимся, однако, в относительной близости друг от друга.

Следующим за списком действующих лиц композиционным элементом оказывается текстовый отрезок, как бы дублирующий афишу и вносящий в неё определённые коррективы: персонажи наделяются возрастной и гендерной характеристиками (Человек из Подольска — парень лет тридцати; Человек из Мытищ, Первый Полицейский и Второй Полицейский — постарше, 35—40 лет; Женщина-полицейский — красивая и ухоженная женщина «без возраста»). Уже здесь обращают на себя внимание несколько моментов: во-первых, сам процесс дублирования — повторное именование с уточнением; во-вторых, принцип характеристики героя, ограниченной возрастной составляющей (уточнение без уточнения); в-третьих — именование Женщины-полицейского, выбивающееся из общего ряда характеристик. Тавтологизация афиши замедляет процесс прочтения, акцентируя внимание читателя на деталях, незначительных по своей сути (возраст действующих лиц не определяет характера и не формирует комплексное представление о персонаже); с другой стороны, именно тавтология устанавливает темп чтения — медленный и ориентирующий на деталь.

Пространство в пьесе (примечательно, что в тексте отсутствует деление на акты/части, а значит, именно таким оказывается пространство на протяжении всего действия) ограничивается минимальным набором компонентов. Происходящее «в обычном московском отделении полиции», оно включает элементарный набор предметов, определяющих «интерьер» участка: «За столом в кресле сидит Первый полицейский и заполняет протокол. Напротив, на приставленном к столу стуле, сидит Человек из Подольска. В “обезьяннике” на скамейке сидит Человек из Мытищ» [1]. Минимализм в интерьере участка вторит минимализму афиши: перед читателем предстаёт схематичное, предельно обобщённое, близкое макетному пространство, включающее в себя лишь самые необходимые для разворачивания действия элементы. Ремарочная

составляющая, столь же минималистичная, не предполагает расширения/наполнения пространства, вследствие чего при первичном знакомстве с текстом пьесы смысловая нагрузка автоматически перекладывается на действия/речь героев.

Уже схематизация пространства частично роднит «Человека из Подольска» с пьесами абсурдистского толка: во-первых, читателю представляется одна из типичных ситуаций жизни социума (именно апелляция к социальному — моделям действий, состояний и форм коммуникаций — становится точкой отсчёта в представлении абсурда жизни); во-вторых, именно очищение текста от деталей провоцирует восприятие текста в качестве типизированного, а значит, представляющего иллюстрацию события частотного и подобного многим.

Начало пьесы демонстрирует момент составления полицейским протокола. Однако уже первые реплики показывают, что главное действующее лицо находится в ситуации, лишённой определённости:

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ (молча пишет что-то в протоколе)

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОДОЛЬСКА: А все-таки, за что меня задержали?

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ (поднимает глаза на Человека из Подольска, смотрит некоторое время, потом продолжает молча писать)

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОДОЛЬСКА: Товарищ милиционер... [1]

Человек из Подольска не понимает, за что его задержали, более того — он последовательно сталкивается с ситуацией намеренного нарушения коммуникации — игнорированием обращения и пассивной агрессией. Ситуация составления протокола, происходящая без участия лица, предположительно совершившего правонарушение, нарушает логику события (собственно протокола); эмотивность же коммуникации (точнее, замена коммуникации невербальным элементом) в данной ситуации оказывается и вовсе неприемлемой. То, с чем сталкивается Человек из Подольска, иллюстрирует частую как для реальности, так и для литературы ситуацию неосуществимой коммуникации при взаимодействии гражданина с правоохранительными органами — острую, проблемную и лишённую логики — полную абсурда.

Следующие за последней реплики запускают процесс коммуникации, иллюстрирующей одновременное следование нормативному, протокольному общению сотрудника органов правопорядка и правонарушителя и разрушение этих шаблонов посредством введения дополнительного, отчасти иллюстративного материала, представляющего собой цепочку ассоциаций, возникающих при произнесении тем или иным персонажем реплик: «Товарищ милиционер... — Что? Товарищ? ... Товарищей всех в девяносто третьем порешили» [1]. Запущенный ранее процесс коммуникации, приобретший вербальную форму, остаётся коммуникацией лишь внешне: персонаж получает ответ, однако он не соответствует заданному ранее вопросу. В это же время пассивно-агрессивная форма общения, установленная ранее, выходит за рамки невербального и распространяется на высказывание Первого полицейского: дублирование вопроса и парцеллирование конструкции, дополненное риторичностью («Что? Товарищ?»), вкупе с подключением стилистически сниженной лексики («порешили») продолжает линию давления на коммуниканта. Примечательно, что подобный коммуникативный ход имеет свои результаты: если для Человека из Подольска общение с полицейским и сама ситуация нахождения его в участке лишены смысла, то для Первого полицейского, знающего коммуникативные условия, задачи и цель, всё будто идёт по некому стандартному плану. Для одних участников коммуникативной

ситуации предмет и мотивы дискуссии вполне понятны, они органично вписываются в контекст, другой же, собственно Человек из Подольска, находясь вне его, оказывается в ситуации постоянного эмоционального и когнитивного диссонанса. Так, обращение «Товарищ милиционер...», законченное многоточием, а также ремарка «издаёт неопределённый мычащий звук», замещающая ответную реплику, говорят об эмоции, испытываемой персонажем вследствие коммуникативного действия/бездействия Первого полицейского: Человек из Подольска, попав в ситуацию, лишённую, с его точки зрения, логики, «издает звук, обозначающий нерешительность, непонимание, с чего начать высказывание» [1], чем, соответственно, выражает свою растерянность.

Правила коммуникации в пространстве участка обозначаются Первым полицейским постепенно («Правильно говорить так: господин старший лейтенант»). Но, даже принимая их, Человек из Подольска вновь сталкивается с коммуникативной преградой:

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОДОЛЬСКА: Господин старший лейтенант, за что меня задержали? Я же не пьяный, просто шел...

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Да, вроде, не пьяный (продолжает писать).

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОДОЛЬСКА: А за что тогда?

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Это мы сейчас выясним.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОДОЛЬСКА: Как выясним? В каком смысле? [1]

Способ обращения оказывается недостаточным. Взятый в качестве исходного кода, он лишь настраивает Человека из Подольска на определённую форму отношения к слушающему. Построенный не на взаимоуважении, а на принципе начальник/подчинённый (или агрессор/подавляемый), он разрушает принятый персонажем стереотип, связанный с представлением об отношении человека и власти: исходным состоянием для него оказывается унижение и подавление. Разрушение стереотипа не заканчивается эмотивной сферой: изменению подлежит и способ восприятия ситуации, и форма её проработки. Так, в процессе диалога Человек из Подольска выясняет, что причина задержания отсутствует («Это мы сейчас выясним»). Понимая абсурдность ситуации («Я же не пьяный, просто шёл...»), он не принимает её («Как выясним? В каком смысле?»).

Уже в данном фрагменте обозначается основная цель коммуникации: разрушение стереотипного мышления, нивелирование основных коммуникативных и поведенческих моделей и установление новой логики событий — логики, лишённой однозначности, предопределённости и ситуативности. Человек из Подольска, попав, с точки зрения коммуникации, в чужеродную для себя среду, отрицает саму возможность существования иных структур; Первый полицейский в этой ситуации становится «проводником» в иную, новую для персонажа реальность.

Мышление Человека из Подольска соответствует модели, принятой в том мире, в котором он пребывает: это мышление, подчинённое логике вещей, соответствующее реальному событию, психологии человека и опыту взаимодействий; оценивание им ситуации происходит исходя из формы и способа этого мышления. И чем жёстче он старается оценивать среду и находящиеся в нём объекты, тем алогичнее и попросту страннее кажется ему происходящее:

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Ну как выясним. Очень просто. Я буду задавать вопросы, вы будете на них отвечать. Так и выясним, за что мы вас задержали.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОДОЛЬСКА: Как это так? Вы сначала задерживаете, а потом выясняете, за что? [1]

После погружения Человека из Подольска в абсурдный мир участка действия полицейского, его речь, а следом и происходящие вокруг события резко меняют свою направленность и начинают строго соответствовать принятой в обыденной ситуации логике: напряжённое молчание, ироничные ответы Первого полицейского сменяются чередой шаблонных вопросов о личности задержанного. Логичность, последовательность и ожидаемость вопросов усыпляют бдительность главного героя, отчего повторным и ещё более сильным непониманием встречается так же резко возникший вопрос полицейского о населении Подольска: «Население Подольска. — Что население Подольска? — Назовите численность населения Подольска. Желательно с точностью хотя бы до десятков тысяч» [1].

Начиная с этого момента основой диалога будут являться понятия, полностью не соответствующие ситуации: население, получение статуса города и другие исторические и экономические характеристики Подольска. Подобные сведения органически включаются Первым полицейским в список позиций, необходимых для заполнения протокола, и стоят в одном ряду с именем, датой рождения и местом жительства и регистрации задержанного. Причём именно они, с его точки зрения, оказываются основными в характеристике лица и подчеркнута логичными: «Странно жить в городе и не знать, сколько в нем народу живет» [1]. Так сначала введением разных оснований для перечня фактов о подозреваемом, а затем симуляцией логичности умозаключений последовательно размываются представления о логичности или структурности вообще.

Все последующие вопросы, адресованные Человеку из Подольска, а также комментарии Первого Полицейского, характеризующие ответ задержанного, направлены на последовательное разрушение представления Николая Степановича (именно так, оказывается, зовут героя) о своём городе, жизни в нём, принадлежности отдельной социальной группе (собственно жителям города Подольска), а также жизни в целом. В диалоге персонажей снова наблюдаются различные виды коммуникативных нарушений — причём с обеих сторон. Человек из Подольска пытается, отвечая вопросом на вопрос, сменить тему разговора и узнать правила «игры» («А я-то тут при чем? Почему вы меня спрашиваете про население Подольска?» [1]). Примечательно, что в качестве игры ситуацию не расценивает ни одно из действующих лиц: для Человека из Подольска это — произвол правоохранительных органов, для полицейского — нарушение, пусть и не прописанное в каком-либо регламентирующем права гражданина источнике. Для Первого полицейского нарушением оказывается уже несоблюдение условий коммуникации: несоответствие ответа вопросу, излишняя риторика, эмоциональность речи Человека из Подольска сталкивается с пассивно-агрессивным поведением полицейского («В каком хотя бы веке? Ну это вы должны знать» [1]), исправлением и развенчанием манипуляций и/или выдачей реплик персонажа за попытку манипуляции, то есть с ответной манипуляцией («А вы точно из Подольска, Николай Степанович? Такое впечатление, что из одного южного города у моря. Зачем вы все время отвечаете вопросом на вопрос? Я четко спросил: когда Подольск получил статус города? Просто отвечайте, Николай Степанович, не надо переспрашивать» [1]). Более того, именно с введения дополнительных вопросов в диалог персонажей врывается третье лицо — Человек из Мытищ.

Его появление так же способствует расшатыванию коммуникативной ситуации, но уже посредством открытой агрессии с постоянными прерываниями речи Человека из Подольска («Ты debil, что ли, совсем?! Какие сто пятьдесят?! У вас там уже почти триста! Климовск присоединили!»; «Ну ты тупой! В каком двадцатом? При Екатерине! Куча городов при ней появилась!» [1]).

Именно с появлением третьего действующего лица мы понимаем, что пространство, в которое попадает Человек из Подольска, не становится абсурдным с его появлением: пространство участка изначально обладает определённым способом организации, абсурдным для героя, но понятным и органичным для остальных. Реплика Человека из Мытищ «Если бы мне такие вопросы задавали, я бы тут не сидел» предполагает, во-первых, протяжённость во времени (то есть присутствие последнего в участке задолго до появления Человека из Подольска), а во-вторых — способность принятия пространства и спокойного в нём пребывания. Если до этого абсурдной могла оказаться как жизнь Человека из Подольска, так и жизнь (как совокупность абсурдных действий) полицейского, то теперь (и при численном перевесе, и при активном утверждении правомерности действий полицейского) двойственной характеристике и сомнению подвергается образ жизни и способ мировосприятия самого Человека из Подольска.

Появление Человека из Мытищ выводит на поверхность несколько важных для понимания пространства участка позиций. Во-первых, внимание на себя обращает форма общения Первого полицейского с Человеком из Мытищ и Человеком из Подольска. Если с новым задержанным полицейский в равной степени вежлив, порой даже услужлив, но тут же — пассивно-агрессивен, то в диалогах с «давним жителем» отделения он уже не церемонится: «Ты там не вякай. С тобой у нас отдельный разговор будет»; «(встает, подходит к “обезьяннику”, в котором сидит Человек из Мытищ, держа в руке наручники): Ты, похоже, подзабыл болевые ощущения в области запястий?» [1]. Хотя в этой сдвинутой логике явное превышение должностных полномочий в отношении к Человеку из Мытищ уже выглядит естественным, обыденным и даже не страшным в сравнении с отстраненной вежливостью и безразличием в обращении с Человеком из Подольска.

Смягчение тона и/или перевод темы в смежную область происходят попеременно, однако каждый раз касаются тематик, кажущихся абсурдными. Подобные формы общения часто оказываются взаимозаменяемыми и продолжают друг друга: «...отдельный разговор будет. Про экономику Мытищ. Готовился? Википедию читал?» [1]. Прямая агрессия вкупе с погружением в ситуацию дознания создают двойственное впечатление у героя: утверждение правомерности существования подобного пространства, спокойное, последовательное погружение в него пусть и не принимаются человеком из Подольска, но вызывают лишь недоумение; однако тут же утверждение абсурдности происходящего как нормальности и последовательности разрезается событиями, иллюстрирующими, в силу своей чрезмерной жестокости, крайнюю степень алогичности события. Последовательное чередование ситуаций (точнее, постоянное — грубое и резкое — погружение ситуации в чужеродный ему контекст) способствует повторному возникновению диссонанса в восприятии ситуации персонажем.

Маятниковое развитие действия не позволяет Человеку из Подольска принять новый образ жизни и мысли. Однако если относительно понятным кажется герою происходящее в начале действия (по крайней мере, понятно

то, что жизнь вне стен участка — жизнь «реальная» — «нормальна» во всех её проявлениях, а ситуация внутри этих стен полна абсурда), то совсем нарушается логика происходящего с появлением Второго полицейского. Его присутствие лишней раз утверждает типичность ситуации, происходящей с Человеком из Подольска («Смотри, Михалыч, снова подольский», «Подольские все тупые... Самые нормальные — химкинские» [1]). Усложнение ситуации происходит после долгой паузы, когда герой, будто очнувшись, обращаясь уже ко всем присутствующим, спрашивает: «Я... я не понимаю. Почему это все? Почему вы меня спрашиваете про какой-то Подольск, про статус города? Мы где? Это вообще полиция?» — и далее заключает: «Задержали меня просто так, ничего не объяснив, и спрашиваете, какое население. Какое это имеет отношение к делу? Почему вы спрашиваете? Абсурд какой-то...» [1]. Именно с прямого определения персонажем пространства и ситуации в качестве абсурдных разрушается та стена, что отделяла его от ему подобных — Человека из Мытищ и других, уже внесценических персонажей, фигурирующих в речи полицейских. Отношение их к Человеку из Подольска полностью меняется: Первый полицейский «встает, снимает с вешалки висящую на ней резиновую дубинку, подходит к Человеку из Подольска», затем, обращаясь к нему «только на “ты”... несильно бьет [его] дубинкой по плечу» [1]. Из диалога, разворачивающегося параллельно, мы узнаём, что «понятно, логично, как положено» — это когда героя «должны были бы отмудохать в мясо, потом найти [у него] пять граммов белого порошкообразного вещества... а потом повесить [на него] пару висяков» [1].

Именно в этот момент происходит повторное деление пространства пьесы с точки зрения нормальности/ненормальности происходящего. Если ранее ненормальным, абсурдным, с точки зрения Человека из Подольска, было нарушение протокола его задержания, то теперь ненормальной оказывается ситуация «нормативного» задержания — нормативного и ожидаемого с точки зрения обыденного сознания, стереотипа об органах правопорядка, шаблона, связанного с процессом задержания преступника или подозреваемого. Логика восприятия ситуации переворачивается: одна и та же ситуация оказывается алогичной с точки зрения обоих субъектов, однако один — Человек из Подольска — действительно не понимает и не принимает её, а другой — полицейский — иронизируя и играя со стереотипом, предлагает выход, хотя и тоже странный. По сути, новая «норма» для этих полицейских — разговор с задержанным как способ заставить его заглянуть в себя и пересмотреть свою жизнь.

В этот момент происходит подмена понятий: «Не любишь абсурд? Тебе не нравится, что мы с тобой говорим об истории твоего города, не херачим тебя по яйцам и не подкидываем наркоту?» [1]. Под действием физического и психологического насилия Человек из Подольска вынужденно принимает точку зрения оппонента: «Любишь абсурд? — Да. Да!». Принятие логики вещей героем воспринимается как подавление. Диалог отныне строится таким образом, что внешне персонажи существуют в одной парадигме, однако внутренне Человек из Подольска всё так же отрицает возможность происходящего (нелепость момента, когда «все четверо ... хлопают» в знак радости от его принятия «абсурда», а также следующая за этим действием череда вопросов, ответов и реакций указывают на настойчивое неприятие героем ситуации).

Именно здесь также обнаруживается ещё одна важная характеристика пьесы — её перформативность. Ситуация абсурда — абсурда с точки зрения

наполнения события смыслом — обрамляется словом-действием, усиливающим диссонанс восприятия. Если вначале утверждение событийного абсурда сопровождалось аплодисментами (вполне логичной реакцией на обнаружение нового или успех в предприятии, уже, однако, неприемлемой для ситуации задержания), то впоследствии «нормальность» и «естественность» абсурда усиливается многократным повторением конструкции, завышением эмоционального фона и/или введением звукового элемента, лишённого смысла в купе с действием, не являющимся логическим продолжением слова. Так, в процессе выяснения места работы Человека из Подольска Первый полицейский заставляет персонажа скандировать название газеты префектуры «Голос ЮАО», непременно делая ударение на «а». Конструкция, ранее казавшаяся понятной, вхожей в контекст, становится лишённой смысла: цель человека, её проговаривающего, — в самом проговаривании. Более того, скандирование выражения дополняется действием: Первый полицейский «делает два быстрых хлопка, после паузы еще четыре быстрых хлопка», а затем приказывает персонажу включать движение в процесс озвучивания. Появившегося в помещении Второго полицейского смущает не сам процесс: «Это че такое? Что за голос?» [1]. Ситуация в целом вновь иллюстрирует органичность существования действующих лиц в пространстве полицейского участка и утверждение ими собственной логики вещей. Сцена за сценой пространство пьесы становится всё более абсурдным с точки зрения Человека из Подольска, однако всё более определяется в собственных принципах организации: принятым в нем оказывается менее ожидаемое или вовсе неожиданное, а стереотипное и шаблонное утрируется и травестируется.

Действия персонажей оказываются нацеленными на расшатывание стереотипного мышления Человека из Подольска, причём свою задачу они видят не столько в изменении представления героя об окружающей действительности, сколько во введении его в состояние неопределённости, где всё оказывается равнозначным: любезность сменяется жестокостью («Боишься? — Д-да... — Правильно боишься. Расслабляться никогда нельзя, особенно если имеешь дело с ментами. Вернее, с работниками полиции»), бессмысленные действия — формальной, соответствующей ситуации работой («Ты там всё по описи проверил? — Да, всё нормально. Сошлось» [1]), скандирование лишённых смысла выражений — формульными, шаблонными ответами на вопрос. Характеристики действию дают сами персонажи:

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Весело тут у вас.

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Как всегда, Михалыч, как всегда. Разгоняем тоску бытия. [1]

Простой на первый взгляд, комический ответ Первого полицейского на реплику Второго полицейского как нельзя более полно отражает основную проблематику пьесы: именно процессу осмысления бытия, определению фундаментальных, базовых жизненных категорий и оказывается посвящён текст. Эти же реплики определяют основной принцип проработки контекста: помимо деформации мировоззренческой модели, он базируется на смене эмоционального фона — смещении и/или замещении эмоции.

Поворот в развитии действия наблюдается с появлением Женщины-полицейского. Если Первый и Второй полицейские с точки зрения принадлежности пространству реальности/нереальности представляют собой гибридное образование, то поведение и действия героини полностью абсурдны с позиции формальной принадлежности положению и ситуации. Она настаивает

на обращении к ней по имени («Можно просто — Марина. Не стесняйтесь!»), кокетничает с героем («Или просто госпожа. (Издаёт игривый хохоток)»), неформально, мягко и дружелюбно ведёт себя с ним («Человек из Мытищ неловко протягивает руку, Женщина-полицейский некоторое время держит его руку в своих руках и смотрит Человеку из Мытищ в глаза» [1]). Героиня в данной ситуации становится чем-то вроде антипода Первому полицейскому (отыгрывая стереотипные роли Доброго полицейского или Женщины-полицейского), но если Человек из Мытищ, представляющий собой элемент структуры, реагирует на неё согласно установленному ранее регламенту («Здравия желаю, госпожа капитан» [1]), то Человек из Подольска снова теряется («Госпожа... Марина» [1]).

С появлением Женщины-полицейского запускается новый тематический блок, связанный с оговариванием, а значит и выведением на поверхность принципов, которыми руководствуется в своей жизни Человек из Подольска. Продолжая допрос, Первый полицейский в выстраивании позиций, интересующих его, акцентирует внимание на фактической стороне — должности героя, образовании и прочем, тогда как Женщина-полицейский продолжает линию, связанную с оценкой ситуации. Равно как до этого совмещение/чередование реального и абсурдного в ситуации допроса провоцировало диссонанс восприятия ситуации, здесь демонстрируется очередное несоответствие: целью Женщины-полицейского оказывается введение модального компонента, а её основным назначением — оценка ситуации. Человек из Подольска находится в ситуации допроса, при которой фактическое и модальное, вследствие разности контекста и внутренней противоречивости, так же воспринимаются как абсурдное:

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Откуда я знаю что?

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОДОЛЬСКА: Ну, про колонки.

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Ты думаешь, я не знаю, что такое официальная газета? Думаешь, мы тут ши лаптем хлебаем?

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОДОЛЬСКА: Нет, нет, что вы, я просто...

ЖЕНЩИНА-ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Вы редактор? Как прекрасно! Это же очень интересно! Вам нравится ваша работа? [1]

Предельное занижение эмоционального фона, дополненное посредством введения разговорной, стилистически сниженной конструкции, сменяется противоположным тематически и по стилистической окраске компонентом, что так же провоцирует сбой в коммуникации. Однако стоит отметить, что контекстуальное несоответствие является исключительно внешним: фразеологическая единица, вводимая Первым полицейским, априори модальна, а значит, введение компонента, включающего оценку ситуации, вполне закономерно. Все лица, участвующие в допросе Человека из Подольска, имеют своё амплуа, свой образ и способ действия — различные при первом приближении (восприятии с точки зрения героя), но равные при внутренней, коннотативной характеристике: все они в равной мере не соответствуют шаблону/модели ситуации (задержания и допроса), разность же поведения и совершаемых ими действий сводится к общему основанию — выражению отношения и оценке.

В данной ситуации сбой в коммуникации оказываются не более чем средством достижения цели персонажей — расшатывания системы ценностей, подключения новых способов восприятия, отказа от стереотипного мышления и т. д. Последовательное введение конструкций или ситуаций,

выходящих за рамки контекста, способствует утверждению аксиологической проблематики пьесы, связанной с формированием системы ценностей отдельно взятого человека.

Женщина-полицейский, нарушая процедуру допроса, делает замечания относительно жизни главного героя: «Вы редактор? Как прекрасно! Это же очень интересно!», «Истфак! Вы историк! Потрясающе!» [1]. Подобные комментарии не принимаются Человеком из Подольска. Ориентируясь на реальную, часто бытовую составляющую («Да что там может нравиться. Скука одна. Рутинка», «Сейчас с работой плохо», «Была просто возможность туда поступить, на бюджетный» [1]), герой воспринимает свою жизнь с точки зрения того, насколько события, её наполняющие, соответствуют его насущным потребностям. Романтизированность и стереотипность представления Женщины-полицейского претит ему. Так внезапно в пьесе сталкиваются два стереотипных взгляда, и поэтому здесь снова, в попытке изменить представление героя, лишит его возможности «превратиться в ментального старичка», Первый полицейский учит его «специальному полицейскому танцу для развития мозга», объясняя это тем, что «необычные движения и произнесение трудных звукосочетаний способствуют образованию новых нейронных связей», что способствует развитию «мыслительных способностей» и «гибкости ума» [1].

В данной ситуации также продолжается работа с восприятием: организуя нечто наподобие тренинга, Первый полицейский «разогревает» застоявшийся ум Человека из Подольска, формируя «новые нейронные связи». Встречая отказ, неприятие со стороны героя, он задействует техники и методики, расширяющие возможности человека на физиологическом уровне. И если Человек из Мытищ оказывается для него, с его же слов, «узником совести», то Человек из Подольска, скорее, «узником ментальным». Однако и подобные практики, даже при условии беспрекословного выполнения требований, не меняют образ мысли героя: вопрос о том, каким образом персонаж ездит на работу, встречается непониманием («Ну вот что ты сейчас спросил? Что значит «в каком смысле»? Я задал однозначный вопрос: как ты едешь на работу. Зачем ты спрашиваешь, в каком смысле? Что ты хочешь от меня услышать в ответ? В философском смысле? Психологическом? Биологическом? Просто: расскажи, как ты едешь на работу. На автобусе, на электричке, на чем еще?» [1]). Ставя целью развитие гибкости, мобильности мышления Человека из Подольска, Первый полицейский последовательно сталкивается с неприятием, причём сомнению, вследствие неоднозначности предыдущих вопросов и сопровождающих их действий, подвергается даже обыденное, бытовое, однозначное.

Работа с ментальным уровнем жизни героя постепенно переводится в иную плоскость: оценочность, представленная ранее характеристикой эмоциональной составляющей, связанной с восприятием персонажем его жизни — работы, образования и проч., отныне касается восприятия им пространства — города, мест, где они когда-либо бывал, маршрута, по которому он добирался до работы и т. д. Причём в центре внимания полицейских оказывается всегда деталь: «Какой прекрасный город Подольск! Даже троллейбусы есть!» [1]. Именно внимание к деталям (или его отсутствие) становится отныне причиной и задержания в целом, и столкновения персонажей в процессе диалога в частности: «Сейчас они тебя укатают по полной. Самое интересное начинается. Держись, придурок», — характеризует ситуацию Человек из Мытищ [1].

Детализация пространства, в качестве принципа заявленная в самом начале пьесы в рамках характеристики действующих лиц, оказывается точкой отсчёта, от которой должна выстраиваться жизнь человека: восприятие должно определяться вниманием к частному, жизнью моментом, поиском прекрасного в малом, незначительном. «Полиция нравов» в пьесе превращается в «полицию ценности и смысла». Позиция Человека из Подольска (ценностная составляющая, образ и способ жизни и мысли) не устраивает полицейских; используя разные приёмы воздействия, они стараются научить его другому взгляду на жизнь и себя.

Однако вербализуется, обрамляется в словесную форму это также не сразу. Обыденное, бытовое не принимается органами право(нраво?)порядка («Господин полицейский... старший лейтенант... Чего вы от меня хотите? Я не знаю, что я вижу... — Как ты не знаешь, что ты видишь?! Ты вообще нормальный?! Вышел из квартиры. Какой этаж?» [1]). Следуя таким приёмам, как подмена понятий и смещение на уровне реальное/нереальное, персонажи постепенно, шаг за шагом, уверяют Человека из Подольска в собственной ненормальности. Выражая «во всём своём облике» лишь «ужас и судорожное старание», Человек из Подольска приходит сначала к полному безразличию («...я не обращаю внимания. Мне всё равно...» [1]). Подобная реакция, а также выражаемые вслед за нею безразличие и безынициативность героя непременно порицаются полицейскими, причём дружелюбие и участие, желание открыть глаза на окружающий мир сменяются обидой и разочарованием: «Ну как же ничего?! Не может такого быть! Кругом столько интересного! ... А дома все разве серые? Они же разные! Вы не присматривались разве никогда?» — «Это ты, Коля, серый. Серый и одинаковый» [1].

На смену безразличию Человека из Подольска постепенно приходит заинтересованность — во-первых, спровоцированная ситуацией задержания в целом, а во-вторых, вызванная первичным указанием на цель и принципы работы действующих лиц: частотность и концентрация вопросов, всё ещё алогичных с точки зрения Человека из Подольска, провоцирует новый всплеск эмоций с его стороны, ведущий за собой ряд вопросов относительно реальности происходящего и правомерности действий правоохранительных органов. Подтверждённые самими полицейскими и характеристикой, данной Человеком из Мытищ («Чувак, это реально полиция. Я тоже сначала думал, что я в дурдоме, но это полиция. В этом весь ужас. Ничего, привыкнешь» [1]), сведения ложатся в основу реплики, касающейся причины и основания задержания: «Ну вот же, паспорт же мой есть! Что тут выяснять?! — Понимаешь, Коля... Личность человека, даже такого недалекого, как ты, бесконечно шире его паспорта. Мы должны понять, кого мы задержали, чем он живет, чем дышит! Заглянуть в тайные уголки души! Все особенности личности выяснить, а не только ФИО и место прописки» [1]. Алогичное с точки зрения обывателя, дознание в пространстве данного участка представляет собой идентификацию личности с точки зрения не права, но идентичности человека. Проводя впоследствии аналогию между Человеком из Подольска и собой, Женщина-полицейский как бы иллюстрирует необходимый человеку, правильный с точки зрения целостной, полной смысла жизни уровень восприятия действительности. Именно неординарность восприятия Женщиной-полицейским окружающего мира вкупе с диссонансом, вызванным несоответствием между эмоциональной характеристикой героини и её деятельностью, становится первым шагом к «пробуждению» героя: глядя на неё «с выражением

одновременно непонимающим и очень заинтересованным», он соглашается и с важностью в своей жизни обозначенных ею категорий. Ещё больший диссонанс возникает, когда Человек из Подольска узнает, что полицейские слышаны о направлении в музыку, которую он играет («ну, в общем... нойз, индастриал»), даже более того — были на концерте одной из групп («Вы знаете Einsturzende Neubauten?!» [1]). Проникаясь к ним доверием, Человек из Подольска уже не выражает подозрительности или скептицизма: на Женщину-полицейского он «смотрит крайне заинтересованным взглядом» [1], тот же интерес сопровождает сцену, в которой Первый полицейский узнаёт отсылку названия группы «Liquid Mother» («жидкая мать») к В. Сорокину.

Доверительность, практически интимность речи распространяется на следующие темы, затрагиваемые в процессе «идентификации личности» персонажа. Закончив обсуждение сферы интересов героя, полицейские погружаются в сферу отношений, выводя на поверхность наиболее тонкие и болезненные моменты, связанные с разводом с женой и началом новых отношений. Отныне ситуация допроса становится похожей на сеанс терапии, при котором Человек из Подольска, отвечая на предельно жёсткие вопросы полицейских, погружается в глубины своей души, подспудно обозначая психотравмы, нанесённые в процессе тех или иных жизненных событий.

Эмоциональная характеристика, тон героев оказываются основой для перехода к темам, казавшимся ранее незначительными или абсурдными: «За что же Вы не любите Подольск?» [1]. Текст, основанный на проблеме восприятия и оценки, возвращается к тому, что внешне, формально, значительно ближе герою — к среде и ситуации. Именно с повторным обращением к пространству города мы понимаем, что именно ценностная составляющая, процесс восприятия Человеком из Подольска родного города оказывается отправной точкой в формировании его ценностного идеала. А суть деятельности работников полиции, как не без иронии выясняется позднее, направлена именно на формирование подобных ценностей: «Понимаешь, Коля. Нас еще в училище, помню, учили, что одна из важнейших функций полиции (тогда мы еще милицией назывались) — это воспитательная работа с населением. Ну вот, мы с тобой проводим воспитательную работу. Это наш долг перед обществом, наша служба» [1].

Так буквализация и овеществление задач, поставленных обществом перед полицией, парадоксально приводит к ситуации абсурда и последующего сдвига, в котором и предполагается остранение героя от своей жизни и самого себя с последующим обретением нового зрения. Образ города, его восприятие начинает определяться множеством компонентов, это пространство наполняющих: работой, отношениями, формами движений и передвижений и т. д. Сопоставляя Подольск и Амстердам, Женщина-полицейский находит множество оснований для сравнения и уподобления, пытаясь показать герою, как и за что он может любить родной город; говоря о девушке, с которой он находится в отношениях, она пытается найти индивидуальные черты, отличающие её от остальных, те, за которые герой мог бы полюбить её; оценивая его жизнь в принципе, приходит к закономерному выводу: проблемы героя в откровенном неприятии жизни, в узости кругозора, безынициативности и безразличии.

Абсурд, являвшийся до этого категорией социальной, характеризующей в частности произвол власти, с момента проникновения в сферу души героя отражает уже его существование — бессцельность и лишённость смысла. В протоколе, выданном Человеку из Подольска, значится: «Живет

как автомат... не любит, презирает свой город и его жителей... изо дня в день бессознательно совершает одни и те же действия... не осознает себя... не видит вокруг себя ничего красивого и интересного... не воспринимает протекающую вокруг Реальность... не уважает Реальность... Живет бессмысленной, полуживотной жизнью. Господи... Что же это такое...» [1]. Общая проблематика пьесы постепенно перетекает в сферу экзистенциального порядка, где в центре внимания оказывается жизнь героя — так же лишённая смысла, как и всё то, что наполняло пространство участка. Смена точки зрения как основной приём, используемый полицейскими в начале пьесы для расширения угла зрения Человека из Подольска, становится основным приёмом для восприятия ситуации в целом — как героем, так и читателем.

Но, безусловно, остается и вопрос о принудительности обучения, о конвенциональности истины, коль скоро она исходит из уст полицейских — и здесь снова неслучаен такой выбор персонажей. Ни герой, ни читатель не готов до конца довериться ситуации, пока чувствует давление и отсутствие выбора. Все это еще более усложняет пьесу и ее бесконечные трансформации.

Основные элементы, на которые теперь обращает внимание текст, категориально близки антидраме — в центре теперь существование человека, поданное через характерные аспекты: бессмысленность, цикличность, антикоммуникативность, совмещение/наложение комического и трагического контекстов, выводимых из ситуации. Однако насыщение текста социальным элементом, ориентированным на современную автору действительность, а также добавление к экзистенциальной проблематике аксиологического элемента, постановка в качестве проблемы идентификации и самоидентификации личности позволяют говорить о пьесе, в которой абсурдистский компонент является, с одной стороны, приёмом, выводящим на поверхность проблемные точки текста, а с другой — категорией, пронизывающей все сферы жизни человека и часто становящейся основой его существования.

Именно через абсурд, его овеществление, проживание и одновременно трансформирование, переворачивание и симуляцию логичного формируется пространство, в котором всё становится относительным: пространство, логичное и понятное для одних, для других оказывается аморальным, ненормальным, невозможным к пониманию и принятию. Абсурд как совокупность приёмов, используемых автором, позволяет продемонстрировать относительность оценок, даваемых действующими лицами. Апеллирующие к субъекту и его способу восприятия, к его системе ценностей, способам и манере его поведения, они утверждают правомерность и закономерность возникновения и существования абсолютно разных точек зрения на процессы, происходящие вокруг. Абсурд в жизни, жизнь в мире, полном абсурда, утверждается как нормальная: человек приспосабливается к нему, оказывается способным считывать его и затем работать с ним.

Субъект в пьесе — одновременно и автор, и персонаж, и читатель — воспринимает абсурд как материал жизни, как потенциальное искусство: абстрагируясь, он воспринимает абсурд как сложноорганизованную систему, где ему известна лишь часть составляющих её компонентов. Погружаясь в неё, он оказывается способным видеть как себя в абсурде, так и абсурд в себе, а значит, принимает относительность мира.

Список литературы

1. Данилов Д. Человек из Подольска. URL: <http://ddanilov.ru/wp-content/uploads/Дмитрий-Данилов-Человек-из-Подольска.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).
2. Кислова Л. С., Драчева С. О. Аксиологический эксперимент в русской «Новой драме» рубежа XX-XXI веков // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. Вып. 23, № 1.2. С. 72—76.
3. Курреева И. В. Ценностная доминанта категории насилия в новейшей русской драматургии // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 4. С. 195—202.
4. Меркушов С. Ф. Репрезентация абсурда в русской литературе конца XX — начала XXI в.: дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2020. URL: https://dissertations.tversu.ru/system/dissertations/theses/000/000/255/original/докторская_меркушов1.pdf?1608984780 (дата обращения: 10.09.2021).
5. Черняк М. А. Новая драма для тинейджеров: к вопросу о типологических чертах современной драматургии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Вып. 42, № 7. С. 87—94.

УДК 811.161.1'374.3

ББК 81.411.2-42

DOI: 10.46726/H.2021.3.4

*А. А. Богданова, Е. Н. Золина, А. А. Хуснутдинов***О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «КОРЕННОЙ СЕЛЬСКИЙ ЖИТЕЛЬ» В ПРИМЕНЕНИИ К АВТОРСКОМУ СЛОВАРЮ (на основе материалов словаря «Фразеологический лексикон коренного сельского жителя Ивановской области»)**

Понятие «коренной сельский житель» используется обычно в диалектологии и диалектной лексикографии, которые ориентированы на описание особенностей территориальных диалектов. В рамках диалектной лексикографии и с такими же целями описывается также речь отдельных носителей говора. В последние годы значительно расширился круг лиц, язык которых становится объектом лексикографического описания в рамках особого направления в словарном деле — авторской лексикографии. В число таких личностей вовлекаются и обычные «рядовые» носители языка, в том числе и сельские жители. В статье предлагается уточнить содержание понятия «коренной сельский житель» применительно к словарям диалектным и словарям авторским, посвященным описанию языка конкретной личности. Указывается на существенное отличие назначения и целевых установок данных типов словарей, что влияет на выбор информантов, определение объекта описания и способы лексикографической разработки языкового материала. На основе опыта, накопленного в процессе работы над составлением словаря идиом коренного сельского жителя Ивановской области, показывается, какие свойства информанта оказываются существенными для характеристики особенностей его речи и лексикографического описания его фразеологического лексикона.

Ключевые слова: русский язык, фразеология, фразеологический лексикон, диалектная лексикография, авторская лексикография, языковая личность.

A. A. Bogdanova, E. N. Zolina, A. A. Khusnutdinov

ABOUT THE CONTENT OF THE CONCEPT “INDIGENOUS VILLAGER” IN APPLICATION TO THE AUTHOR’S DICTIONARY (based on the materials of the dictionary “Phraseological lexicon of the indigenous villager of the Ivanovo Oblast”)

The concept of “indigenous villager” is normally used in dialectology and dialect lexicography, which are focused on describing the characteristics of territorial dialects. The speech of individual speakers of the dialect is described for the same purposes within the framework of dialect lexicography as well. In recent years, the circle of people whose language is becoming the object of lexicographic description within the framework of author’s lexicography has significantly expanded. Among such personalities are ordinary native speakers, including villagers. The article proposes to clarify the content of the concept “indigenous villager” in relation to dialect dictionaries and author’s dictionaries dedicated to the description of the language of a particular person. It is pointed out that there is a significant difference in the purpose and target settings of these types of dictionaries, which affects the choice of informants, the definition of the object of description and the methods of lexicographic development of linguistic material. Based on the experience gained in the process of compiling a dictionary of idioms of native villagers of the Ivanovo Oblast, it is shown what properties of the informant are essential for characterizing the features of his/her speech and the lexicographic description of their phraseological lexicon.

Key words: Russian language, phraseology, phraseological lexicon, dialectal lexicography, author’s lexicography, linguistic personality.

В последние десятилетия значительно расширился круг личностей, язык которых избирается в качестве объекта научного описания. В лексикографии это даже привело к необходимости некоторой корректировки терминологии: направление в словарном деле, которое определялось ранее как «писательская лексикография», в последние годы все больше обозначается термином «авторская лексикография», так как в наше время стали предлагаться лексикографические проекты и создаваться словари языка личностей, которых нельзя назвать писателями в смысле, в котором это слово употребляется для обозначения художников — мастеров слова (ср. [1; 6; 7; 10] и др.), либо наследие которых выходит за рамки собственно художественного творчества [8].

Так называемые «рядовые» носители языка выступают в качестве информантов обычно как носители диалекта, в речи которых фиксируются особенности языка, характерные для данного региона [3; 5]. К выбору таких информантов предъявляются особые требования, в первую очередь такие, которые указывают на сохранность в максимальной степени в их речи диалектных черт региона и исключают возможность существенного влияния на их речь литературного языка и других говоров. Этим требованиям отвечает информант, который является уроженцем данной местности, имеет только начальное образование (или неграмотен), не выезжал за пределы своего региона часто и на длительное время, занимается деятельностью, связанной с жизнью в сельской местности и ведением крестьянского хозяйства, а также, что было весьма важным, по возрасту относится к старшему поколению и сохраняет в своей речи (по возможности полно) особенности местного говора. Именно на такую категорию информантов рекомендовалось обращать

внимание в первую очередь при сборе диалектного материала для исследований и составления диалектных словарей (ср., например: «Полнота, достоверность собранного материала во многом зависит от того, удачно ли, правильно ли выбран информант. Информанта следует подбирать из жителей старшего возраста. Лучше, если это будет человек, постоянно проживающий на данной территории. <...> Следует учесть, что в речи женщин, по наблюдениям диалектологов, диалектные черты проявляются ярче» [4, с. 4].

В конце 2019 года нами был опубликован словарь под названием «Фразеологический лексикон коренного сельского жителя Ивановской области» [2]. Словарь вызвал интерес не только у фразеологов и составителей авторских словарей. В откликах на словарь выяснилось, что это издание позволяет поставить ряд вопросов, которые, как минимум, требуют особого обсуждения. Среди таких вопросов — причем совершенно неожиданно для составителей — оказался вопрос о содержании понятия «коренной сельский житель», которое для данного научного проекта является ключевым и поэтому выносится в название словаря. Следует сразу сказать, что составителями «Фразеологического лексикона...» этот вопрос даже не обсуждался: было достаточно того, что предки информанта на протяжении многих поколений жили в этом регионе, сам он родился и всю жизнь прожил здесь же, в селе Болотново Родниковского района Ивановской области, никогда не жил более нескольких месяцев в других местах, где его речь могла бы подвергнуться какому-либо влиянию других говоров, даже действительную срочную службу в армии прошел в группе советских войск в Германии (т. е. в иноязычном окружении).

Для составителей было важно прежде всего своеобразие речи информанта, которое определялось, с одной стороны, наличием у него высшего образования и владением им литературными нормами (в том числе и стилистическими), с другой — постоянным общением в условиях одной языковой среды, обусловившим сохранение в его языке типичных черт устной речи данного региона (в фонетике, словарном составе и грамматике). Среди таких особенностей можно отметить наличие неполного оканья (*Ты уж походи с робёнком*), редукции звуков (*Я ничё не знаю*), диалектных и просторечных форм *храмлет, кашлит, сижа; иха, у их* и т. п.; (ср. также примеры: *Санька, дай нож дедушку. Жена у него как яблоч садовый. Не наелись бы <кабаны> удобрениев*), употребление беспредложных конструкций (*Это ты спроси супруги. Это ведь курам смех*), использование диалектных и просторечных лексем (*чеморный* — ‘привередливый, разборчивый (в еде)’, *зувья* — ‘тенистое место, где ничего не растет’, *рустом (течь)* — ‘обильным потоком’, *накозыриться* — ‘надуться, рассердиться’, *бельмы* — ‘глаза’, *пошто* — ‘для чего, зачем’) и общеупотребительных слов в диалектном значении (*робкий* — ‘нежный, который легко повредить, болезненный’, ср.: *Осторожно, по глазу попадешь: глаз-то робкий ведь; душистый* — ‘дурно пахнущий, вонючий’, ср.: *Туалет почистишь — весь душистый будешь, надо баню сейчас затопить, чтобы готова была. На двор не ходи, там душисто, Арсений сейчас навоз выкидал*) и др. Для составителей было также важно то, что информант ясно осознает необходимость использования разных речевых средств и ресурсов языка в различных ситуациях общения.

Среди отмеченных выше характеристик информанта некоторое сомнение могло вызвать только указание на постоянное пребывание (проживание) информанта в «родном» регионе, что как бы исключало возможность какого-либо влияния на его фразеологический лексикон. Это связано тем, что в эпоху

доступности (через радио, телевидение, кино, интернет) самой разнообразной по форме, содержанию и целевому назначению информации вопрос об определенном влиянии на речь информанта литературного языка, просторечия, социальных диалектов и даже иностранных языков не только не вызывает сомнений, но и может быть подтвержден фактами из речи информанта. Однако составители словаря свойство информанта как «невъездного» решили оставить в числе его характеристик, включаемых в понятие «коренной сельский житель», с учетом, разумеется, значительного расширения возможностей получения самой разнообразной информации даже для постоянно проживающего в сельской местности человека. Более того, стало очевидным, что наблюдения за тем, как на язык информанта влияют современные средства коммуникации, дают весьма ценные сведения об особенностях формирования и развития фразеологического лексикона языковой личности в наши дни и особенностях его использования человеком в тех или иных ситуациях общения.

Указанное в начале данной статьи представление диалектологов о коренном сельском жителе более подходит, на наш взгляд, к информантам, жившим в первой половине XX века, которые родились еще в дореволюционную эпоху и уже в середине XX века относились к старшему поколению. Коренной сельский житель нашего времени — это человек советской эпохи, родившийся в 1920—30-е годы нашего столетия, сознательная жизнь которого приходится на вторую половину прошлого века. Он грамотен, учился в общеобразовательной школе, проходил обучение на каких-либо специальных курсах или в средних специальных учебных заведениях (автодело, агрономия, ветеринария, овощеводство и т. п.), т. е. достаточно хорошо образован, знаком с литературным языком (школа, радио, телевидение), имеет представление об особенностях художественной, публицистической, научной, официально-деловой речи и т. д. Как правило, современный коренной сельский житель владеет одной или (чаще) несколькими специальностями (водитель, тракторист, комбайнер, доярка, плотник, конюх и др.), хорошо знаком с деятельностью, связанной с разными видами сельскохозяйственных работ и ведением крестьянского хозяйства (посадка и уборка овощей, сенокос, выращивание скота и птицы и т. д.). Как правило, они колхозники, всю жизнь работающие в родном колхозе. За пределы региона выезжают редко и обычно ненадолго. Здесь следует особо отметить, что к коренным сельским жителям можно причислить и многих выходцев из села, которые в 1960—70-е годы переехали жить в город (обычно в райцентры), но сохранили тесные связи с родным селом и оставшимися там родственниками. Обычно они принимают активное участие в сельскохозяйственных работах, помогая родным в «горячие» дни — сенокос, уборка урожая и т. д. Они так же сохраняют в своей речи диалектные черты. Думается, что речь такого человека тоже может быть объектом исследования диалектологов и составителей диалектных словарей. В эпоху, когда основные черты русских говоров на территории России уже изучены в достаточной степени, актуальной, вероятно, станет задача описания тех процессов, которые сейчас происходят в территориальных диалектах. Для таких исследований речь современного коренного сельского жителя может дать много новой информации, которая расширит наши представления об особенностях функционирования русского национального языка в разных сферах (литературном языке, просторечии, самих диалектах).

Выявляются и различия в целевых установках исследователей диалектов и исследователей языка личности: для диалектологов важно описание

диалектных черт в речи жителей того или иного региона, а для исследователей языка личности и составителей авторских словарей важно описание идиолекта конкретного человека. Этим, на наш взгляд, обусловлено выдвигание разных критериев при выборе информанта: если для первых основным критерием при выборе информантов оказывается сохранность диалектных черт в речи носителей говора, то для вторых главным является индивидуальность личности, своеобразие его языка, возможность показать особенности языка человека во всем многообразии и в различных условиях общения. Приведем некоторые сведения из биографии информанта, которые позволят увидеть те характеристики, которые определили выбор именно этого информанта.

Информант — Наполеон Семенович Золин — родился 23 февраля 1930 года в селе Болотново Родниковского района Ивановской области в семье колхозников. Родители — колхозники: отец, Семен Кузьмич Золин, работал в колхозе ветеринаром, мать, Евдокия Степановна, — рядовая колхозница. В мае 1944 года окончил Болотновскую семилетнюю школу, 10 ноября этого же года поступил учиться в Шуйскую одногодичную школу младших ветеринарных фельдшеров. В 1945 году, получив диплом младшего ветеринарного фельдшера, был принят на должность ветфельдшера всех пяти колхозов Сосновского сельского совета Родниковского района. В 1950 году был призван на действительную срочную службу. Службу проходил в авиационных частях, дислоцировавшихся в Германии, в должности санинструктора. По окончании службы в 1953 году поступил в Омское военно-ветеринарное училище, но через год, в 1954 году, училище по приказу министра обороны было расформировано. Н. С. Золин вернулся домой и был зачислен на второй курс Юрьевецкого зооветеринарного техникума, который закончил в 1957 году. После окончания техникума был направлен на работу заведующим Болотновским ветпунктом. В 1961 году Болотновский ветпункт был преобразован в участковую ветлечебницу, и Н. С. Золин был переведен на должность ветеринарного врача. В 1962 году поступил в Московскую ветеринарную академию (на заочное отделение), которую закончил в 1968 году и получил квалификацию ветеринарного врача.

В должности заведующего Болотновской участковой ветеринарной лечебницы Н. С. Золин проработал 47 лет. Лечебница обслуживала три колхоза и двадцать деревень. Сама лечебница была опорно-показательным центром, на базе которого апробировались новые методы профилактики и лечения животных, внедрялись передовые технологии, регулярно проводились совещания ветврачей-практиков по обмену опытом, организовывались учебные практики студентов. Непосредственно у Н. С. Золина прошли практику 27 ветврачей и 14 фельдшеров. Результаты научно-практической деятельности Н. С. Золина отражены в его публикациях в специализированном журнале «Ветеринария» и районной газете «Родниковский рабочий» (статьи в рубрике «Советы ветеринарного врача»). Сам Н. С. Золин в 1973 году в числе лучших специалистов области принимал участие в работе Первого Всероссийского совещания ветеринарных врачей (г. Ульяновск).

Труд Н. С. Золина отмечен многочисленными грамотами, благодарностями и правительственными наградами (1970 — награжден Президиумом Верховного Совета СССР медалью «За доблестный труд», 1983 — медалью «Ветеран труда», 1985 — медалью «За трудовое отличие» и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», 2002 — медалью «За долголетний добросовестный труд», 2005 — медалью «60 лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», 2007 — медалью «За заслуги в области ветеринарии»; награжден тремя нагрудными знаками «Ударник

коммунистического труда»). В 1995 году Н. С. Золину присвоено звание «Заслуженный ветеринарный врач Российской Федерации».

Все годы трудовой деятельности принимал активное участие в общественной жизни. С 1958 по 1990 г. избирался депутатом местного совета и был постоянным членом исполнительного комитета Болотновского сельского совета. Был внештатным корреспондентом газеты «Родниковский рабочий». За активную общественную работу неоднократно награждался грамотами. В течение многих лет возглавлял местный совет ветеранов. Много внимания уделяет восстановлению церкви в селе Болотново, вопросам, связанным с благоустройством села и культурно-просветительской деятельностью. Страстный охотник, рыболов, грибник [2, с. 5—6].

Для составителей информант был интересен не только как носитель диалекта, но и как личность с широким кругом общения, для которой характерны высокий профессионализм, разнообразие интересов, активная жизненная позиция. Эти особенности личности информанта давали возможность составителям представить в словаре разнообразный по форме и содержанию языковой материал: «В словаре описываются фразеологические единицы — идиомы, зафиксированные в устной речи коренного сельского жителя Ивановской области с июня 1985 года по август 2019 года и в созданных им письменных текстах (в том числе и более ранних). Основная часть языкового материала собрана путем непосредственной фиксации (записи) устной речи информанта в различных — официальных и неофициальных — ситуациях в процессе его общения с родными и близкими, односельчанами и городскими жителями, знакомыми и незнакомцами, коллегами и сослуживцами, начальниками и подчиненными, мужчинами и женщинами, старшими и младшими по возрасту и т. д. В качестве источников языкового материала использованы также письменные произведения информанта — это тексты его заметок, очерков, статей научного и научно-популярного характера, опубликованные в районной газете «Родниковский рабочий» и в журнале «Ветеринария», а также рукописные тексты поздравительных открыток, поздравлений, застольных речей, выступлений на собраниях, митингах и т. д.» [2, с. 4—5].

Высказывания и тексты выбранного нами информанта, таким образом, давали возможность описать фразеологический лексикон «рядового» носителя языка во всем многообразии, включая и фразеологию литературного языка во всем стилистическом диапазоне, и фразеологию, находящуюся за пределами литературного языка, во всех их связях и взаимодействии, а также установить состав фразеологических единиц в общем лексиконе информанта и проследить особенности их использования в речи в разных условиях общения. Так, выяснилось, что фразеологический лексикон информанта очень разнообразен, его диапазон охватывает практически весь спектр от высокой литературно-книжной фразеологии до фразеологии грубо-просторечной, вбирает в себя также фразеологию местную, областную (территориально ограниченную) и жаргонную. Зафиксировано также несколько обценных выражений и фразеологизмов (форм употребления), которые могут быть квалифицированы как эвфемизмы и дисфемизмы.

Речевое поведение информанта определяется отчетливым разграничением условий и ситуаций общения на ситуацию официальную (в сфере официально-деловых отношений) или публичную (при обращении к широкой аудитории) и ситуацию неофициальную, личную (в непринужденной обиходно-бытовой обстановке). При общении в официальной обстановке и в текстах,

предназначенных для печати, у информанта наблюдается подчеркнутое стремление к строгому соблюдению литературных норм и устранению признаков «разговорности» в речи. Поэтому фразеология официальной и публичной речи бедна и однородна в стилистическом отношении: используется лишь незначительная часть фразеологии литературного языка, которая по стилистической окраске близка к нейтральной. Особенно это заметно в газетных публикациях. Достаточно сказать, что в большей части опубликованных текстов фразеология полностью отсутствует. Но и при включении фразеологизмов в текст отбираются только наиболее частотные, общеизвестные и стилистически нейтральные или близкие к ним разговорные единицы в стандартных и наиболее употребительных формах и значениях (*в адрес, выходить из строя, играть роль, идти навстречу, на днях, находить общий язык, на глазах* и т. п.). Наоборот, в условиях непринужденного общения информант использует практически весь спектр языковых средств разных сфер употребления — от книжно-литературной до жаргонной и грубо-просторечной (*в авангарде, глас вопиющего в пустыне, момент истины, переводить на пищу святого Антония, перейти Рубикон, под эгидой, на подхвате, доводить до белого каления, выводить на свежую воду, испоконь веков, ловить мышей, пороть горячку, пруд пруди, ни бе ни ме ни кукареку, в аккурат, разводиться бодягу, мотать сопли, не к хрену, на хрену боком, на фуфу, попасть в замес, шить нахалку, мочить в сортире, взойти на паперки, драна грамота, ёк-ковырок, на все проказы, на перстичках, пеша вошь* и др.).

Наблюдения над особенностями фразеологического лексикона информанта и его использования в речи позволяют выделить с точки зрения соотношения с фразеологией языка в целом три разновидности (или три пласта) фразеологии: 1) фразеология общеупотребительная, которая в речи информанта употребляется в тех же формах, в тех же значениях, в каких она используется всеми носителями русского языка; 2) фразеология локальная, которая характерна для речи только жителей данного региона; это такие единицы или такие формы и значения, употребление которых не фиксируется в речи жителей других регионов; 3) фразеология окказиональная, «авторская» — это такие единицы, употребление которых имеет ярко выраженную индивидуальность, «привязано» только к данному контексту или речевой ситуации (как правило, это случаи авторской трансформации известных фразеологизмов¹). Соответственно, от составителей требуется разработать специальные

¹ «● В ХВО"СТ, адверб., прост. По внешнему виду, по облику. # *Вот говорят: «Ветеринарный врач всех своих коров должен знать в лицо». А я скажу: «Ветеринарный врач должен всех своих коров знать в хвост!»*. Ты, конечно, меня поправишь, неправильно я выразился, но любой ветеринар сказал бы: «В точку попал, Наполеон Семёнович!». «В ЛИЦО знать кого. По внешнему виду, по характерным признакам» [ФСРЛЯ, т. 1, с. 353]; «Знать В ЛИЦО кого. По внешнему виду, по облику» [ФСРЯ, с. 228]. — Ср. В ЛИЦО» [2, с. 384]; «● НА КРОВЯ"Х. 1. выпить, адверб., жарг. 1. По случаю удачной охоты (выпить). # *У Олега охотники сидят, выпивают на кровях. Сегодня они кабана добыли. Секача здорового.* ► По случаю забоя домашнего скота (выпить). # *А поросёнка мы с тобой вырастили хорошего. Килограмм сто пятьдесят будет, не меньше. И разделались с ним быстро. Пойдем обедать, да и выпьем на кровях, а то мясо невкусно будет.* # *Как ты быстро! В восемь часов свинью зарезал, а к двенадцати она уже в морозильнике, и упакованная в пакетики. Давай за обедом выпьем на кровях по маленькой рюмочке, а то мясо будет невкусным.* # *Хоть петухов только мы с тобой зарубили, а на кровях выпьем!* 2. кто,

способы лексикографического представления фразеологического лексикона информанта, которые отражали бы указанные особенности. Описание фразеологии носителя языка в авторском словаре должно обеспечивать возможность комплексной характеристики фразеологического лексикона человека в целом и каждой фразеологической единицы в отдельности с точки зрения ее формы, содержания и особенностей использования в речи, включая случаи нестандартного и трансформированного употребления фразеологизма в различных ситуациях общения. Это, в свою очередь, позволит определить типы отношений и связей между фразеологическими единицами, характер соотношения фразеологизмов с другими единицами и т. д., что в конечном итоге представит фразеологический лексикон носителя языка в системном виде и во взаимоотношениях с другими элементами языка в целом.

Таким образом, целевые установки составителей словарей говоров и авторских словарей, отличаются, что определенным образом влияет на выбор информантов. Если для составителей диалектных словарей главным является сохранность местных особенностей речи (даже в случае, если в диалектном словаре описывается речь одного носителя говора [3; 5; 9]), то для составителей авторских словарей важным оказывается своеобразие, индивидуальность лексикона информанта. В этом смысле для составителей авторского словаря интересен любой человек — писатель, ученый, политический деятель, обычный человек, ребенок и т. д. Индивидуальность лексикона каждого человека определяется не только местом рождения, но и образованием, профессией, условиями жизни, кругом общения, его интересами и целями и т. д. (об индивидуальности фразеологического лексикона см., например, [11]). Представление этого лексикона в специальном словаре дает исследователю систематизированный и лексикографически обработанный языковой материал для объективного описания языка личности, в том числе и его фразеологии, как особой лингвистической проблемы.

В заключение хотелось бы указать на то, что роль авторских словарей в описании языка личности в случаях, когда речь идет об обычных людях, «рядовых» носителях языка, настолько велика, что без создания таких словарей объективное и полноценное описание лексикона человека, как кажется, фактически невозможно. Так, описание фразеологии у авторов, оставивших свое творческое наследие в виде текстов, возможно и без создания специального словаря, хотя это не исключается [12; 13]. Описание языка других носителей языка требует специальной работы, нацеленной на сбор и систематизацию языкового материала, что возможно при постоянном наблюдении за речью информанта на протяжении длительного времени. В этом случае создание специального словаря, в котором описывается состав и употребление лексических и фразеологических единиц в речи отдельного человека, оказывается необходимым этапом в изучении языка личности.

адъект. В состоянии, когда еще есть желание, охота, готовность (выпить). # *Давай, мать, выноси нам ещё вина. Пошто бережёшь? Пока на кровях, надо выпить.* # *Олег, конечно, на кровях, ему ещё надо выпить, а никому уже не хочется с ним сидеть.* # *Мать, принеси ещё вина нам. Мне хватает, а вот Арсентию надо. Пока ещё на кровях, он выпьет.* 3. *кто*, адъект. В состоянии душевного подъема, воодушевления, прилива сил и т. п. (от достигнутой победы, успеха). # *<Команде> Голландии надо бы ещё гол забить, пока на кровях, а то бразильцы живо-два счёт сравняют.* 4. адверб. С азартом, воодушевляясь получаемыми результатами, успехом и т. п. (делать что-либо). # *Дело у нас сразу пошло хорошо, так на кровях и кончили»* [2, с. 215].

Список литературы

1. Байрамова Л. К., Денисов П. Н. Фразеологический словарь языка В. И. Ленина. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1991. 348 с.
2. Золина Е. Н., Хуснутдинов А. А., Хуснутдинова А. А. Фразеологический лексикон коренного сельского жителя Ивановской области: словарь. Иваново: ИГХТУ, 2019. 416 с.
3. Лютикова В. Д. Словарь диалектной личности: [активная лексика носительницы диалекта с. Кодского Шатровского района Курганской области В. М. Петуховой] / науч. ред. М. А. Романова. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2000. 188 с.
4. Методические рекомендации по сбору диалектной фразеологии для студентов II курса филологического факультета / сост. С. И. Кондрашкина. Череповец: Череповец. гос. пед. ин-т, 1990. 12 с.
5. Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е. В. Иванцовой; авт.-сост. Т. Б. Банкова, О. И. Гордеева, Л. Г. Гынгазова, Е. В. Иванцова [и др.]. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2006—2012. Т. 1—4.
6. Самотик Л. Г. Словарь языка Александра Лебеда. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева: Амальгама, 2004. 328 с.
7. Словарь языка В. И. Ленина: алфавитно-частотный словоуказатель к Полному собранию сочинений / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; отв. ред. П. Н. Денисов. М.: Наука, 1987. Ч. 1—2.
8. Словарь языка М. В. Ломоносова: материалы к словарю: [в 5 вып.] / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. Н. Н. Казанский; отв. ред. С. С. Волков, Е. В. Хворостьянова; сост. Е. А. Захарова, О. С. Лалетина [и др.]. СПб.: Нестор История, 2010. Вып. 1: Хрестоматия; Вып. 2: Метрико-строфический справочник к произведениям М. В. Ломоносова; Вып. 3: Словарь рифм М. В. Ломоносова; Вып. 4: Словарь рифм М. В. Ломоносова. Обратный словарь рифмованных сегментов и безрифменных окончаний; Вып. 5: Словарь-справочник «Минералогия М. В. Ломоносова».
9. Тимофеев В. П., Тимофеева О. В. Диалектный словарь личности: [около 11 600 слов, записанных в речи уроженки деревни Усольцевой Шатровского р-на Курганской обл.], 3-е изд., доп. и испр. Шадринск: Шадрин. Дом Печати, 2012. 561 с. [1-е изд. в 1971 г., автор В. П. Тимофеев].
10. Толстова Г. А. Словарь языка Агафьи Лыковой / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, Краснояр. краевой краевед. музей. Красноярск: Красноярский писатель, 2004. 559 с.
11. Хуснутдинов А. А., Цэрэндорж Ц., Чжу Сяодун. Фразеология языка и его носителей // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): Междунар. научно-практ. конф., 17—19 марта 2006 г. М.: Элпис, 2006. С. 29—36.
12. Цэрэндорж Ц. Фразеология в текстах А.С. Пушкина (состав и употребление): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2005. 24 с.
13. Чжу Сяодун. Фразеология в произведениях С. Т. Аксакова (состав и употребление): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2006. 21 с.

ИСТОРИЯ

УДК 94(470.315) "18/19"
ББК 63.3(2)53
DOI: 10.46726/Н.2021.3.5

К. Е. Балдин

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГОРОДА ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКА НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВВ.

В статье рассматривается состояние гидросистемы Иваново-Вознесенска в конце XIX — начале XX века, дается характеристика внутренних вод этого города — рек, ручьев, прудов, колодцев. Автор приходит к выводу, что водные ресурсы города нельзя назвать достаточными для крупного промышленного центра. Эти источники воды использовались текстильными предприятиями для осуществления их производственного процесса, а также местным населением для бытовых нужд. Красильное производство, которое было развито в Иваново-Вознесенске, крайне отрицательно влияло на окружающую природную среду, т. к. отходы его в виде синтетических красок, мазута и пр. без какой-либо очистки сбрасывались в реку Уводь. В результате уже в конце XIX в. эта река превратилась в зловонную сточную канаву, все живые организмы в ее воде погибли. Основная вина за эту экологическую катастрофу лежала на местных промышленниках. Не обладая экологическим сознанием, они не понимали серьезных последствий своей деятельности и не хотели тратить денежные средства на очистку фабричных сбросов.

Ключевые слова: окружающая среда, гидроэкология, малые реки, загрязнение окружающей среды, текстильная промышленность, анилиновые краски.

К. Е. Baldin

ENVIRONMENTAL PROBLEMS IN IVANOVVO-VOSNESENSK AT THE TURN OF THE 19TH AND 20TH CENTURIES

The article examines the state of Ivanovo-Vosnesensk hydro system in the late 19th and early 20th centuries, and characterizes the inland waters of the city — rivers, streams, ponds, wells. The author concludes that the city's water resources were not sufficient for a large industrial center. These water sources were used by textile mills for their manufacturing process, as well as by the local population for household use. The paint production, which was quite developed in Ivanovo-Vosnesensk, had a very negative impact on the natural environment, as its waste in the form of synthetic paints, fuel oil, etc. without any cleaning was dumped into the river Uvod. As a result, in the late 19th century, this river turned into a foul-smelling sewage ditch, all living organisms in its water died. The main blame for this environmental disaster rested with local industrialists. Not having an environmental consciousness, they did not understand the serious consequences of their activities and did not want to spend money on cleaning factory dumps.

Key words: environment, hydroecology, small rivers, pollution, textile industry, aniline paints.

© Балдин К. Е., 2021

В XIX в. в России произошел промышленный переворот, который на завершающем этапе сопровождался динамичной урбанизацией. Это повлекло за собой ухудшение экологической обстановки в местах массового скопления населения и фабрично-заводских предприятий. В данной статье мы ограничимся рассмотрением проблем экологии только гидросферы и проделаем это на примере крупного индустриального центра — Иваново-Вознесенска в конце XIX — начале XX в. Целью данной статьи является количественный и качественный анализ состояния внутренних вод в городе, определение степени и факторов загрязненности водной среды.

Следует признать, что городу Иваново-Вознесенску не очень повезло с рекой, на берегах которой он расположился. В отличие от его ближайших соседей — поволжских городов Нижнего Новгорода, Ярославля или Костромы, река в «русском Манчестере» была небольшой, в то время как текстильное производство требовало много воды. Это обстоятельство стало одной из предпосылок появления серьезных экологических проблем в Иваново-Вознесенске. Свою существенную роль сыграло также длительное отсутствие в российском правовом поле нормативных актов, касавшихся охраны окружающей среды, а в дальнейшем — некоторая неопределенность уже принятых на этот счет законов. Нужно учесть также и то, что в Иваново-Вознесенске явно недостаточно была развита общественность, т. е. элементы гражданского общества, которое могло бы повлиять на местных промышленников, нарушавших экологическое равновесие окружающей среды.

Рассматриваемая в настоящей статье проблематика обладает высокой степенью научной актуальности, т. к. вопросы исторической экологии доныне лишь эпизодически затрагивались в трудах по региональной тематике в контексте более общих и смежных проблем. В ходе исследования автор использовал в качестве источников делопроизводственные документы Иваново-Вознесенской городской управы, местную периодическую печать.

В начале нашего исследования следует сделать обзор источников воды в Иваново-Вознесенске в рассматриваемый период. Главной водной артерией города являлась и сейчас является Уводь — левый приток Клязьмы длиной в 185 км. Она берет начало в Андреевском болоте к северо-западу от Иванова, а впадает в Клязьму около г. Коврова. В статье во «Владимирских губернских ведомостях» фабрикант и краевед Я. П. Гарелин в 1860 г. сообщал, что она слева принимает Матовку, Северку, Харинку, Талку, Колдомку, Дмитровку, Воронину, Никулиху, Харитоновку и Шепелевку, справа — Чернявку, Кочневку, Ухтохму, Вязьму. В той же статье, опубликованной в губернском офицье, Гарелин сообщал о том, что вода в Уводи имела известковый характер и поэтому считалась подходящей для использования в текстильном производстве. Не забыл он упомянуть о том, что в Уводи водится много раков, что служило надежным маркером чистоты воды [4, 1860, 1 октября].

В рамках городской черты Иваново-Вознесенска ширина Уводи колебалась от 10 до 22 саженей, а глубина — от 2 до 6 аршин (более 4 метров). Через реку были перекинуты 3 общественных деревянных моста и 5 частных. В это число не входили так называемые «лавы», т. е. пешеходные мостки около текстильных предприятий, которыми пользовались в основном фабричные рабочие [5, ф. 2, оп. 1, д. 329, л. 212].

Во время обследования, проведенного в конце позапрошлого века отмечалось, что из-за плотин и, соответственно, высокого подъема воды берега реки в некоторых местах стали топкими. Другое обследование Уводи, проведенное

уже в 1912 г., дало аналогичные результаты, участники этого «мониторинга» отмечали, что на реке много небольших заливов с вязкими болотистыми берегами. Еще одной неприятной особенностью реки было то, что около берегов из воды во множестве торчали сваи. Это были остатки фабричных мытилок — т. е. помостов, на которых рабочие полоскали в воде только что окрашенные ткани [5, ф. 2, оп. 1, д. 329, л. 213; д. 4397, л. 99].

В целом до 1870—80-х годов вода в Уводи была если не безупречной, то, по крайней мере, вполне удовлетворительной с точки зрения экологии. Мемуарист И. А. Волков, хорошо знавший иваново-вознесенские реалии конца XIX — начала XX в. вспоминал слова своего деда о том, что в середине позапрошлого столетия Уводь была рекой полноводной, глубокой и богатой рыбой. Он сетью за час мог наловить здесь до двух пудов крупной рыбы — шук, язей, окуней. Уводские сомы, обитавшие в омутах, достигали 20 фунтов (6 килограммов) веса, а шуки — 10—15 фунтов. Современники вспоминали, что во второй половине XIX в. рыбы в реке было настолько много, что иногда она случайно попадалась, когда черпали ведром воду [9, 1919, 17 апреля; 10, 1927, 5 мая].

Непосредственно на территории города Уводь принимает один из своих более или менее значительных притоков — речку Талку. Последняя начинается около деревни Черной к северу от Иванова. Около деревни Спасской ее суточный сток в конце XIX в. составлял 60 тыс. ведер, у села Богородского — уже 650 тыс., а в нижнем течении — около 1 млн. Талка была самым многоводным притоком Уводи в черте города. У городских властей даже были планы именно из Талки организовать водозабор для проектировавшегося иваново-вознесенского водопровода. Но исследования, проведенные в дальнейшем, показали, что в долине этой речки имелись наружные выходы торфа, и поэтому в воде содержались частички перегнивших растений [5, ф. 2, оп. 2, д. 344, л. 73].

Кроме Талки в Иваново-Вознесенске было еще несколько ручьев, которые также впадали в Уводь. Наиболее известный из них — Кокуй, фигурирующий в некоторых документах также под названиями Потекуша или Поток. В современном Иванове о нем напоминает только бульвар Кокуй, сам же он на протяжении всего своего течения течет под землей, будучи заключен в трубы. Карта города, составленная в 1915 г., свидетельствовала о том, что он начинался неподалеку от фабрики Кашинцева (ныне — здание областной типографии на Типографской ул.). Далее он протекал между улицами Московской и Панской (ныне — ул. Станко), под современной площадью Революции и впадал в Уводь около Покровского собора. Суточный сток ручья составлял около 85 тыс. ведер [5, ф. 2, оп. 2, д. 415, л. 3; ф. 1157, оп. 1, д. 7254, л. 1].

Буквально в сотне метров выше устья Кокуя в Уводь впадал Павловский ручей. В документах он иногда именовался Потоком, хотя на самом деле это название принадлежало Кокую. Он начинался около Благовещенской церкви и протекал между улицами Павловской и Новой (ныне — Почтовой и Жарова). Суточный сток Павловского ручья составлял 16 тыс. ведер воды [5, ф. 2, оп. 1, д. 329, л. 213; оп. 2, д. 415, л. 3].

По юго-восточной окраине города пролегало русло еще одного притока Уводи — Варгина ручья. Очень заметная низина, служившая ему ложем, пересекала дорогу, которая вела из Иваново-Вознесенска в Кохму и Шую. Сейчас это улица Постышева, которая после Варгина оврага превращается в улицу Куконковых. И. А. Волков в одном из своих краеведческих очерков,

опубликованных в 1920-х гг., утверждал, что за сорок лет до этого ручей был гораздо более многоводным. Его суточный сток в районе современного здания областного архива составлял 8 200 ведер, а при впадении его в Уводь — 12 300 ведер [5, ф. 2, оп. 2, д. 415, л. 3; 10, 1927, 5 мая].

Наконец, в местечке Фряньково протекал ручей (иногда называемый речкой) Ледянка, который делил эту местность на собственно Фряньково и Фряньково завражное. Овраг носил название Прянин или Опрянин. Ледянка питалась от ключей и полностью оправдывала свое название, вода в ней была очень холодной [5, ф. 2, оп. 1, д. 329, л. 213; ф. 1157, оп. 1, д. 7254, л. 1].

В Иваново-Вознесенске было несколько прудов, все они имели искусственное происхождение. Назначение их было двояким. В первую очередь, их копали для обеспечения пожарной безопасности. Поддержание ее на должном уровне было очень важным для динамично разраставшегося города, застроенного в основном деревянными домами и часто горевшего. Кроме того, пруды служили для водопоя домашнего скота, которого в Иваново-Вознесенске было много.

Первые искусственные водоемы появились здесь вскоре после образования города. Для устройства их городская управа пошла по наименее трудоемкому пути. Для них не стали копать ямы, а лишь насыпали плотины на ручье Кокуй. Городской голова Яков Петрович Гарелин, выступая на заседании городской думы в июле 1877 г. с сообщением о благоустройстве, сообщил, что по течению этого ручья были устроены три «водохранилища» с запасом воды в 10 тыс. ведер [4, 1877, 15 июля].

Площадь города постепенно расширялась, росла численность населения, соответственно, пожаров становилось больше. Поэтому число таких водоемов в городе увеличивалось. В конце XIX в. их стало уже девять. На Кокуе в это время остались только две плотины с прудами, зато на Павловском овраге появились две новые. Кроме того, пруд был выкопан рядом с Вознесенской площадью. Другой пруд располагался за вокзалом в местности Фряньково. В Дмитриевской слободе для тушения пожаров предназначался пруд около современной улицы Рабфаковской. Еще один находился на улице Часовенной (ул. Смирнова), он имел свое собственное наименование и за красивое расположение назывался Красным. Водоемы были разного размера. Самым большим был Красный пруд — 24 на 22 аршина, совсем небольшим — пруд в Дмитровской слободе, всего 10 на 10 аршин. Стандартная глубина почти всех искусственных резервуаров колебалась от 2 до 3 аршин. Лишь Красный пруд отличался большой глубиной — около 5 аршин (3, 5 метра) [5, ф. 2, оп. 1, д. 329, л. 213].

Одни пруды копали, другие же прекращали свое существование. По сообщениям прессы, в 1913 г. по руслу Кокуя уже не было ни одного пруда. Зато в это время сделали запруду на Варгином ручье на юго-восточной окраине города. Другой новый водоем находился на лугу рядом с деревянной Успенской старообрядческой церковью [5, ф. 1157, оп. 1, д. 7254, л. 1].

Как уже отмечалось выше, все пруды имели прежде всего противопожарное назначение. Вместе с тем воды в них порой не хватало для этих целей или же они находились не очень близко от мест возникновения пожаров. Поэтому иногда пожарные использовали для тушения огня... лужи. Одна из них выручила борцов с огнем в 1913 г. в местечке Ямы во время серьезного пожара в 1-м Крестьянском переулке (ныне — ул. Калинина) [8, 1913, 20 августа].

Большую часть воды, необходимой для производства и для бытовых надобностей, в Иваново-Вознесенске брали не из реки или ручьев, а из колодцев. Они были на фабричных дворах, в частных домовладениях и на улицах. Здесь использовались два основных типа колодцев. Первый — деревянный сруб с воротом для опускания и подъема ведра, второй — деревянная будка с качалкой. Колодцы-журавли деревенского типа встречались в основном на окраинах и только там, где вода залегала довольно близко от поверхности. Кроме того, источником водоснабжения являлись ключи — врытые в землю деревянные бочки, из которых можно было брать в воду без применения ворота или журавля.

Всего в Иваново-Вознесенске в конце XIX в., по данным городской управы, насчитывалось 115 общественных колодцев. Но в это число не входили колодцы фабричные и те, которые находились у местных жителей на их придомовых территориях. Они имели не общественный, а частный характер [5, ф. 2, оп. 1, д. 329, л. 213].

Инженер-технолог А. Г. Малеванный, производивший изыскания относительно перспектив постройки водопровода в городе, беседовал со специалистами-колодезниками в Иваново-Вознесенске. Они сообщили ему, что непосредственно под гумусом на поверхности земли в городе лежит довольно значительный слой песка толщиной в среднем около 5 саженей, а под ним — мощный слой глины. Последний задерживал проникающие в почву атмосферные осадки. Самые большие запасы воды образовывались там, где в слое глины имелись углубления. В целом профессиональные колодезники оценивали (по данным за 1885 г.) качество местной колодезной воды как хорошее [5, ф. 2, оп. 2, д. 344, л. 75].

Несколько колодцев и ключей находились в долине ручья Кокуй от Покровского собора до Приказного моста, т.е. по склонам современного бульвара Кокуй. Также ключи и колодцы располагались на склонах Павловского оврага между улицами Павловской и Новой (ныне — ул. Почтовая и Жарова). Правда, по данным за 1903 г., отношение к колодцам и ключам у жителей было избирательным. Некоторых они избегали, а к другим выстраивались в очередь [3, 1903, 3 июня].

В 1906 г. местная пресса сообщала, что в Иваново-Вознесенске по-настоящему хорошая вода была в 3—4 колодцах. Для того чтобы набрать ее, ездили или ходили иной раз за версту. Для богатых обывателей, у которых были лошади и прислуга, это не проблема. Поэтому они набирали впрок воду не ведрами, а бочками. Среди популярных колодцев числился тот, который можно условно назвать Гарелинским. Он находился на склоне Кокуйского оврага напротив дома Якова Петровича Гарелина. Со временем здесь был устроен сквер, поставлены скамейки [2, 1906, 8 ноября].

Большой популярностью в городе пользовался «Блескин колодец», который назывался по фамилии домовладельца Блескина, на чьей усадьбе он находился. Это домовладение находилось в Соборном переулке около Покровского собора (в районе современной пл. Пушкина). Тем, кто брал воду ведрами (т.е. бедным), она отпускалась бесплатно, а тем, кто брал бочками (т.е. богатым), — за деньги. Более того, бравшим воду «оптом» выдавались документы из заведенной Блескиным квитанционной книжки. Крупными заборщиками воды «от Блескина» были: Куваевская мануфактура, Товарищество братьев Гандуриных, городской голова П. Кашинцев и др. [11, 1910,

14 сентября]. В городе также считали, что очень хорошей является вода в «Гаисьином колодце», находившем также неподалеку от собора, туда люди с ведрами приходили издалека [3, 1903, 21 июня].

Нельзя не упомянуть еще об одном колодезном проекте в Иваново-Вознесенске, который до сих пор функционирует в городе. Почти незамеченным в местной прессе промелькнуло в 1911 г. сообщение о том, что на Покровской мануфактуре приступили к бурению артезианского колодца, т. е. скважины. Предполагаемая глубина ее должна была составить 2 тыс. футов, а диаметр труб — около 25 дюймов [11, 1911, 21 января].

Владельцы Покровской мануфактуры заложили скважину для того, чтобы найти надежный источник воды для производственных нужд. На глубине 105 метров был найден первый водоносный слой, но анализ показал, что это сульфатно-натриевая минеральная вода, непригодная для использования в отделочном производстве. Летом 1914 г. уже на глубине 402 метра был найден следующий мощный водоносный слой. Но он также оказался непригодным для фабричных нужд, т. к. в нем было очень много поваренной соли — около 7—8 % [1, с. 3—7]. Однако вода из этой скважины оказалась целебной как для питья, так и для ванн, и в 1947 г. на базе этого источника была открыта бальнеологическая лечебница, которая функционирует и в наши дни.

Любой индустриальный центр вне зависимости от того, какая отрасль промышленности в нем развита, по определению нарушает экологическое равновесие, существующее в природе. Например, металлургическое производство в значительной степени загрязняет воздух. Что касается текстильной промышленности, которая была главной в Иваново-Вознесенске, то она оказывала наиболее неблагоприятное воздействие на окружающую водную среду. Прядильное и ткацкое производства потребляли сравнительно немного воды, поэтому вред от них был не очень велик. Зато отделочные фабрики наносили очень серьезный урон источникам воды. Для окрашивания тканей воды требовалось много, а отработанные жидкие отходы, насыщенные красками, другими химикалиями, мылом и т. п. спускались в рассматриваемый период без всяких фильтров в реки, ручьи, в лучшем случае — в поглощающие колодцы. В Иваново-Вознесенске большинство предприятий были красильно-отделочными или же имели это производство наряду с прядильным и ткацким. Загрязненная вода теми или иными путями, в той или иной концентрации в конечном итоге попадала в окружающую среду.

На фабриках, расположенные не рядом с рекой, рыли так называемые поглощающие колодцы, куда и закачивали отработанную воду. Таким путем краски и прочие химикалии впитывались в землю, затем оттуда попадали в грунтовые воды, а в дальнейшем — в перечисленные выше ручьи и в Уводь. Фабрики, находившиеся непосредственно на берегах реки, сбрасывали жидкие отходы прямо в Уводь. Уровень ее загрязненности с годами увеличивался.

Сначала красители, применявшиеся при отделке тканей, были в основном растительного и животного происхождения. Проведенное здесь обследование речной воды показало, что в ней текут крап, сандал, мыло, известковые остатки и коровий помет, который применялся в отделочном производстве для закрепления красок на ткани [5, ф. 2, оп. 1, д. 329, л. 212]. Все это, разумеется, наносило вред окружающей среде, но до 1870—80-х гг. он не носил пока фатального характера. Очень многое изменилось в худшую сторону в самом конце XIX в., когда фабрики перешли от растительных к более дешевым синтетическим красителям (например, анилину). Воду в невезучей реке стали называть «водой

смерти», она из-за фабричных сбросов приобрела внушавший опасения радужный оттенок [9, 1919, 17 апреля; 11, 1910, 19 октября].

По исследованию санитарных врачей, содержание кислорода в воде Уводи в начале XX в. выше города составляло 4—4,25 %, в черте города кислорода в воде вообще не было. Правда в результате процесса самоочищения воды ниже по течению реки кислород постепенно восстанавливался, и в 50 верстах ниже Иваново-Вознесенска около деревни Усолье он составлял в речной воде уже 3 % [11, 1908, 9 августа].

В начале XX в., по сообщениям местной прессы, вода в центре города была покрыта таким толстым слоем отходов, что он напоминал лед (несмотря на июльскую жару) [8, 1910, 3 июля]. Местные репортеры писали, что Уводь не принимала ни рыбу, ни людей. Были случаи, когда самоубийцы пытались топиться в реке, но у них не получалось потому, что вода была очень плотной. Один пьяный бросился в воду, и погиб из-за того, что нахлебался ядовитой воды [11, 1910, 17 сентября].

От загрязненной реки большой убыток несли местные огородники, рядом с Уводью находились гряды, где они выращивали большое количество овощей на местный рынок. После половодья часть фабричных отходов оставалась на этих «заливных» грядках. Местную капусту ивановцы покупали неохотно, т. к. она имела очень специфический привкус. Один из огородников по фамилии Гуреев решил перед продажей помыть свои огурцы водой из реки. После санитарного осмотра этого испорченного водой товара пришлось отвезти на свалку 37 мер огурцов, а против Гуреева полиция возбудила дело [11, 1910, 9 октября; 1913, 22 августа].

Фабричный инспектор В. Дадонов в своих очерках о жизни города, опубликованных в популярном журнале «Русское богатство», заметил, что на берегах Уводи осока, камыши и мелкий кустарник стоят «словно обожженные». Если выкупаться в реке, то, как ему сказали, кожа покрывается сыпью и болит. Домашний скот, случайно напившийся из Уводи, часто умирал. После весеннего разлива в низких местах оседала нефть и какие-то иные химикалии, не давая расти траве [6, с. 46—47].

Однажды ядовитая вода Уводи сыграла злую шутку с одним из местных жителей. Об этой печальной истории поведала своим читателям газета «Старый владимирец». Молодой человек, житель Иваново-Вознесенска, искупался в Уводи. Трудно предположить, что он при этом находился во вменяемом состоянии. Возможно, он решил броситься в воду только под влиянием винных паров, т. к. ивановцы хорошо знали, что река для купания совершенно не пригодна. Не успел он дойти до дома после купания, как кожа покрылась темными пятнами, вскоре он стал в полном смысле этого слова чернокожим. Не на шутку испугавшись, он пошел в одну из местных амбулаторий. Врачи, в практике которых такого случая никогда не было, констатировали, что весь его организм находится в порядке — пульс и дыхание в норме, самочувствие бодрое, потемневшая кожа чувствительности не потеряла, не болит и не чешется. Только когда медики узнали, что молодой человек является по профессии фотографом, они сумели правильно поставить диагноз. В то время, в отличие от современной цифровой фотографии, снимки делались очень долго на специальной светочувствительной бумаге. Их необходимо было «проявить» и «закрепить», выдержав некоторое время в различных растворах. Кожа фотографа за несколько лет обращения с этими химикалиями пропиталась ими. В воде Уводи, в которую он погрузился, также содержалась

значительная часть таблицы Менделеева в виде самых разнообразных соединений. При их взаимодействии с теми, которые осели в коже неосторожного купальщика, произошел совершенно непредсказуемый процесс — кожа «проявилась», как в фотолаборатории, и стала темной.

В этой связи у фотографа сразу же возникли серьезные проблемы в личной жизни и на работе. Жена сначала не узнала его и не хотела пускать домой. Она заявила, что разведется, если он не приобретет прежний цвет. Хозяин фотографии, где он работал, сказал: «Вот что, брат, коли служить, так служить, а безобразиями нечего заниматься! У нас тут не Африка, а Иваново», — и выдал ему расчет (прямая речь процитирована нами по газетной публикации). После долгих поисков ему все же удалось устроиться на работу в какое-то второсортное фотографическое заведение на окраине города [11, 1913, 26 мая]. Но, по косвенным данным из газет, судьба фотографа в дальнейшем все же сложилась удачно. Его кожа вскоре обрела прежний цвет, жена раздумала разводиться с ним, и ему удалось найти хорошее место работы.

Концентрация различных масел, красок и других химикалий в речной воде была очень высокой. Поэтому некоторым предприимчивым ивановцам приходили в голову мысли о том, что можно получить какой-то доход от Уводи, превращенной фабрикантами в сточную канаву. Впервые об этом было написано не в местной, а в центральной печати, в частности, в журнале «Русское богатство». Автор очерков об Иваново-Вознесенске В. Дадонов сообщал о том, что Иваново-Вознесенск является единственным в центральной России местом, где практикуется... добыча нефти. По словам автора, какой-то мелкий предприниматель положил на поверхность воды бревна, которые не давали слою нефти плыть дальше по течению. Радужный слой откачивали черпаками в емкости на берегу, в дальнейшем этот улов продавался на местные фабрики по цене значительно ниже обычной нефти [6, с. 47]. В дополнение к этим сведениям отметим, что в Уводи добывалась, разумеется, не нефть, а скорее всего, что-то вроде мазута, сильно разбавленного водой вместе с прочими химикалиями, составлявшими отходы красильного производства.

Более подробные сведения об этом же промысле десять лет спустя сообщал «Старый владимирец» в заметке под названием «Нефтепромышленник». Оказывается, предпринимателя звали Иваном Ивановичем. Он действовал на законных основаниях по разрешению городской управы. На берегу был уже не сарай, а «маленький заводик» с фильтрами. Он выпускал разнообразные сорта смазочных масел по разным ценам [11, 1910, 11 декабря].

Фабричные отходы загрязняли не только реку, но и уличные колодцы общего пользования. На улице Негорелой (ныне — Советской) с весны 1902 г. ранее чистая колодезная вода вдруг стала разноцветной: сегодня — красной, завтра — голубой, послезавтра — зеленой. О происхождении этих метаморфоз жители улицы догадались быстро — рядом была расположена отделочная фабрика А. М. Гандурина. Они просили администрацию фабрики прекратить закачивать отработанные воды с красками в поглощающие колодцы, но отклика не получили. Результатом их обращения в полицию стал визит городского врача П. А. Алявдина в сопровождении полицейских. Они осмотрели колодец, после чего Алявдин распорядился закрыть его, т. к. вода в нем опасна для употребления в пищу. Продолжать писать жалобы на администрацию и хозяев фабрики жители не решались, т. к. некоторые из них трудились на этом предприятии [3, 1903, 5 февраля].

Наряду с фабричными химическими отходами второстепенным, но все же существенным источником загрязнения внутренних вод в городе были мытилки. Но это были не фабричные мытилки, о которых шла речь в начале этой статьи, а те, в которых местные жители полоскали выстиранное белье. Мостки могли быть открытыми и закрытыми, в последнем случае на них стояло сколоченное из досок помещение с входом, окном и сделанном посередине плота «бассейном», в котором полоскали белье.

В конце XIX в. городским самоуправлением была устроена бесплатная общественная мытилка. Естественно, что она находилась не на Уводи, которая в это время уже крайне загрязнена сбросами с фабрик. Ее построили на Варгином ручье, который пока был относительно чистым. Но он находился на юго-восточной окраине Иваново-Вознесенска, фактически — за городской чертой [5, ф. 1157, оп. 1, д. 7254, л. 1]. Поэтому женщинам из отдаленных районов города было очень сложно добираться до этой мытилки с корзинами, полными мокрого и тяжелого белья.

В 1907 г. «отцы города» обратили внимание на то, что одной общественной мытилки для города мало. К этому времени появилась возможность устроить мытилку уже на Уводи. Это было связано с тем, что в 1906 г. вдоль реки был построен деревянный канал, в который фабрики сбрасывали свои отходы. Он заканчивался за пределами городской черты, и там отработанные воды все же попадали в Уводь. Таким образом, вода в черте города стала заметно чище, а ниже города была такой же, как и до строительства канала. Гласные Иваново-Вознесенской городской управы отпустили около 3 тыс. р. на сооружение деревянного плота на Уводи. Он был устроен около Тулякова моста (на современной площади Пушкина). Кроме этой мытилки и той, что продолжала работать на Варгином ручье, в городе были еще две частные платные мытилки, которые находились на ручьях на окраинах города [5, ф. 2, оп. 1, д. 4278, л. 1—2; 11, 1908, 17 октября].

Еще одним фактором загрязнения городских водоемов был водопой домашнего скота. Несмотря на то, что Иваново-Вознесенск был крупным городом, многие жители держали коров или коз. По данным за 1884 г., в городе было шесть стад, каждое из которых имело свое название — Негорельское, Кокуйское, Панское, Новоуличное, Дмитриевское и Вознесенское (Посадское), названные так по месту их формирования — улицам Негорелой, Кокуй, Панской, Новой, Дмитриевской слободе и Вознесенскому посаду [7, с. 69]. Всего в городе и его ближайших окрестностях насчитывалось почти тысяча голов только крупного рогатого скота. У каждого стада было свое пастбище. Например, скот Вознесенского стада каждое утро направлялся в Минеево, которое на рубеже XIX—XX вв. представляло собой заросшую травой пустошь.

Водопой и купание скота во внутренних водоемах приводили их к загрязнению в летнее время. Например, Посадское стало останавливаться по пути из центра города в Минеево и обратно около водоема, который находился рядом с Успенской деревянной церковью. На карте города от 1915 г. он специально обозначен как «грязный пруд» [5, ф. 1157, оп. 1, д. 7254, л. 1]. Именно водопой и купание скота привели в самое печальное состояние Красный пруд, находившийся на улице, названной в честь его Краснопрудной. Именно скот, домашняя птица, а заодно кустарно сделанная мытилка привели ранее чистый пруд в безобразное состояние. Местное население переименовало его в Поганный [8, 1913, 15 мая].

Наряду с перечисленными нами факторами загрязнения городской среды, на рубеже XIX—XX вв. ухудшению экологического состояния, несомненно, служили свалки: как легальные на окраинах города, так и стихийно возникавшие на улицах, в оврагах и даже во дворах местных жителей. Атмосферные осадки с этих свалок просачивались в землю, в пруды и ручьи и, следовательно, и в Уводь. Кроме того, в городе не было канализации, и фекалии из многочисленных частных отхожих мест просачивались в почву и вместе с грунтовыми водами попадали в колодцы, ручьи и реки.

Подводя итоги нашего исследования, следует констатировать, что водные ресурсы Иваново-Вознесенска в целом были не очень богатыми. К сожалению, большому городу не хватало крупной реки. Вместе с тем геологическое строение почвы здесь было довольно удачным: залегавший на небольшой глубине слой глины задерживал атмосферные осадки, и с колодезной водой у местных жителей не было проблем.

Серьезные проблемы с гидроэкологией возникли в городе только в конце XIX века и были связаны с ростом промышленного потенциала Иваново-Вознесенска. Эти негативные изменения имели не столько количественный, сколько качественный характер, т. к. в отделочном производстве в конце позапрошлого столетия стали широко использоваться дешевые, но экологически вредные синтетические красители. Эти химические соединения попадали в реку Уводь, в грунтовые воды, делая непригодной воду и в некоторых колодцах. В гидросистеме города оказывались и другие вредные химикалии, а также мазут, другие нефтяные отходы. При сбросе этих отходов в реку никаких фильтров не было, местные предприниматели их и не собирались устанавливать. Река к началу XX в. фактически стала мертвой, ни рыба, ни другие живые организмы не могли существовать в такой среде. Вода в Уводи была не пригодна не только для питья, но и для каких-либо технических надобностей.

К сожалению, в рамках одной статьи нет возможности рассмотреть также попытки муниципальных властей и общественности решить эту острую проблему. Об этом пойдет речь в другой публикации, которую автор готовит для печати в «Вестнике» Ивановского государственного университета.

Список литературы

1. *Беневоленский А. И.* Сосневский минеральный источник. Ярославль: Верхне-Волжское издательство, 1964. 48 с.
2. Владимирец.
3. Владимирская газета.
4. Владимирские губернские ведомости.
5. Государственный архив Ивановской области.
6. *Дадонов В.* Русский Манчестер (Письма об Иваново-Вознесенске) // Русское богатство. 1900. № 12. С. 46—67.
7. Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1884 г. Б. м., б. г. 132 с.
8. Ивановский листок.
9. Рабочий край.
10. Рабочий край. Литературно-иллюстрированное приложение.
11. Старый владимирец.

УДК 94(470+571)"1917"
ББК 63.3(2)611-2
DOI: 10.46726/H.2021.3.6

Т. Ю. Красовицкая

«ТАЙНАЯ МОЯ МЫСЛЬ, ЧТО ТОЛЬКО ИНОРОДЦЫ УМЕЮТ РОССИЮ ЛЮБИТЬ...»

Революционные перемены в 1917 г. имели сложный противоречивый характер. С одной стороны, они утверждали силу общества и государства, расширяя их влияние и власть на громадные территории, включая в его орбиту народы и их ресурсы. Но, с другой стороны, они несли в себе потенциал отрицания старого устройства власти, открывали возможность сохранения и наращивания сил, противостоящих ему. В христианской, исламской, иудейской антропологии становился очевидным разрыв границ и параметров традиционного общества с растущим спектром потребностей и возможностями их реализации. Нарушение границ формировало новые механизмы социальной безопасности, предлагало новые стратегии.

Ключевые слова: Революционные перемены, народы и их ресурсы, отрицание старого устройства власти, новая социальная безопасность, новые стратегии.

T. Yu. Krasovitskaya

“MY SECRET THOUGHT IS THAT ONLY FOREIGNERS CAN LOVE RUSSIA...”

The revolutionary changes in 1917 were complex and contradictory. On the one hand, they asserted the power of society and the state, extending their influence and power over vast territories, including peoples and their resources in its orbit. But, on the other hand, they carried the potential of negating the old system of power, opening up the possibility of preserving and building up the forces that opposed it. In Christian, Islamic, and Jewish anthropology, the gap between the boundaries and parameters of traditional society and the growing range of needs and opportunities for their realization became more obvious. The violation of borders formed new mechanisms of social security, proposed new strategies.

Key words: revolutionary changes, peoples and their resources, denial of the old order, new social security, new social strategies.

Россия — далеко не обычная большая страна со сложностями и проблемами, со своим счастьем и несчастьем. Это страна со странной саморефлексией «великой державы», большим количеством внутренних и внешних противоречий, с инерцией относительно реформы государственности. Российская империя и политика в ней относительно нерусских народов держалась на импровизированном партикуляризме, на договоренностях, дифференцированных правилах, требованиях и уступках. Доминировавшее до недавнего времени утверждение об унифицирующей и репрессивной имперской стратегии

© Красовицкая Т. Ю., 2021

этнокультурных практик на окраинах создавало ложное представление о привилегированной метрополии и неизбежно ущемленной в правах периферии. В преддверии столетия образования СССР важно оценить обстоятельства, обусловившие его создание.

Как образно выразился Т. Нейрн, «под искаженным углом зрения метрополии этнос всегда выглядел этаким маленькой пакостью, кротовьей дорожкой в саду, который должен быть безупречным. Однако ему-то хочется иметь свой собственный сад, свое фигуральное место в рамках величественного ландшафта современности» [16, с. 357]. Но в феврале 1917 г. ландшафт был далеко не величествен. Задуманный Мир разваливался: кротовьи дорожки обозначили «слабость» швов в конструкции Российской империи. Мир становился многолюднее, но не имел хорошей репутации. Ощутимо ухудшалось отношение людей к государству. На горизонте, грозя политической и экономической катастрофой, возникал «девятый вал».

Падение Российской империи — явление гигантских масштабов. Ясно, что это произошло не только в мире, но и **с Миром**, с людьми вообще. Такие события трудно понять, как они вообще могли произойти? Традиционные регулятивы культурных ресурсов и их продукты уже не следовали привычным путем. Они становились зигзагообразны, расходились в разные стороны. Этнические запросы еще являлись символами, ничего не говорящими о том, что будет в конце дороги. Символы, однако, представляли реальные потребности, которые следовало оформить в стратегии, обеспечить структурами, компетентными персонажами, способными конкретизировать эти символы и предложить их решение. Главная программа действий должна была возникнуть из столкновения с действительностью.

Российское государство отличалось от других не только размерами территории, но и принципиально различным уровнем развития его регионов, что наиболее наглядно в отношении окраин. Имперская власть стремилась к определенной унификации правового, экономического, социокультурного пространства, что далеко не всегда совпадало с чаяниями этнических меньшинств.

Переходная ситуация отличалась беспрецедентной неоднозначностью, разнонаправленностью и неустойчивостью протекания процессов и событий.

Крымский татарин Дж. Сейдамет на юридическом факультете Парижского университета брал уроки политических и социальных наук, слушал Ж. Жореса. Получив звание «бакалавра прав Французской Республики», он вернулся в Крым: «...Мы даже не думали в то время о полном развале России. Мы желали нашей Родине благоденствия, а нашему народу развития цивилизации, поэтому, прежде всего, считали своим долгом ускорить революцию в России... Мы думали только о народе Крыма и о спасении его от деспотизма и тирании... Я говорил о реформации власти, об усилении просветительских и идеологических течений, об уничтожении царизма во имя осуществления революции» (цит. по: [7]).

Сейдамет отметил: «Основной нашей задачей было обеспечивать свободу нашего национального движения. И мы верили, что революция поможет нам в этом. Возможности, которые представились благодаря ей, мы хотели использовать в соответствии со своими интересами, для создания своей организации... во имя укрепления наших национальных прав и свобод» (цит. по: [7]).

14 марта в Грозном на чеченском съезде, после доклада о задачах национального движения А.-М. О. (Тапы) Чермоева, наметились две политические группы. Одну группу составляла светская интеллигенция: А.-М. О. Чермоев,

А. М. Мутушев, Д. Д. Шерипов, Т. Э. Эльдерханов и др., к ним примкнули предприниматели, часть офицерства. Представители этой группы считали, что в Чечне должна быть создана светская система национального самоуправления горской национально-территориальной автономии. Влиятельные шейхи и муллы из второй группы ратовали за установление теократического режима, основанного на шариате. Активные проповедники идеи шариата шейх Гайсумов, Арсанов Дени, Митаев Али, Абдул-Вагап-Хаджи Аксайский «со своими партиями мюридов ездили по Чечне и агитировали за себя без конца» [22, с. 17].

Весьма полезно внимательно рассмотреть публику, собиравшуюся на многочисленных съездах в феврале — октябре 1917 года.

Среди пламенных агитаторов из многих партий, в большинстве интеллигентов (преобладали школьные учителя, студенты), были и рабочие, немало также солдат. И те, и другие, и третьи представляли свое видение будущего. Февраль стал своеобразной точкой отсчета «новой истории». «Начались бесконечные национальные военные съезды, — вспоминал А. И. Деникин, — вопреки разрешению правительства и главного командования. Заговорили вдруг все языки: литовцы, эстонцы, грузины, белорусы, малороссы, мусульмане — требуя провозглашенного “самоопределения”, — от культурно-национальной автономии, до полной независимости включительно» [5, с. 125].

На съездах внимали ораторам люди, не имевшие ни широкого горизонта для осмысления произошедшего, ни устремленных вдаль мыслей. 1 апреля 1917 г. В. Г. Короленко писал из Полтавы: «Приходится выступать публично. Мне всего интереснее говорить с простыми людьми. Недавно говорил на митинге на одной из темных окраин города, откуда во все тревожные дни грозит выползти погром. Аудитория была внимательная. Я выбрал взглядом два-три лица с особенно малокультурными чертами и говорил так, как будто есть только они... При всех несовершенствах и противоречиях — крайние партии все-таки организовали массу, и теперь она — *не человеческая пыль, а масса, пронизанная по разным направлениям организацией и сознательными стремлениями*» [12, с. 285].

Идущая война уже заставила бывшую «массу» двигаться по большим дорогам, останавливаться на главных перекрестках, почувствовать ветры, дующие в разные стороны, жизнь как взаимообмен разных сил. От сшибок с ними вспыхивало страшное пламя. Лица слушателей выдавали их социальное происхождение, в основном, крестьянское. Часто это были люди, уже взявшие в руки оружие для защиты семьи, земельного надела, пастбища и пр. Их представления о жизни и об их личной роли в ней весьма сильно расходились со складывавшимся положением вещей. Слушатели стремились отделить, по возможности, фантазии и обещания от фактического положения, понять, что их ожидает в будущем. Разум пребывал в смятении и беспокойстве. Особенно внимательно слушали тех, кого трудно представить в чиновничьем кресле. Неважно, скольких слушателей они привлекут на свою сторону, важно, сколько сомнений они посеют в их душах. Неважно, кто потом соберет урожай этих душ, важно, что он будет обилен. Новое манило высвобождением энергии, которая еще не открыта, но всегда присутствует в обществе, в его старых ценностях [13, с. 43]. «Человеческое общество, народ, как стихия неизмеримо сильнейшая и обладающая неистребимым инстинктом жизни, к самоубийству не придет, но оно может вспыхнуть ужасающим кровавым пламенем, чтобы попытаться в нелепой жестокости найти выход из кошмарного

настоящего» — писал в дневнике В. Г. Короленко [12, с. 283]. Публицисты прибегали к религиозным образам, ассоциируя эту энергию с «духом Божиим, носившимся в феврале над водами, животворя и воскрешая все, что было задушено старым режимом» [20, л. 1].

Налицо слияние, совмещение, одновременность и взаимосвязь образующихся потоков сомнений и размышлений, несущихся сквозь 1917 год, таких бурных в своих проявлениях, переменчивых и мятущихся, увлекающих за собой. Вот строки о пережитом марийца А. Н. Алаева, будущего сотрудника Наркомнаца: «[Я родился] в бедной инородческой семье. Дома учился и кончил двухклассное училище, потом ненасытная жажда знаний забросила меня, 14-летнего мальчика, в Казань, где я кончил образцовое городское училище при Учительском институте. Дальше полуголодное существование и хватание на лету знаний, служба по различным конторам, рабочим, матросом и сотни других профессий до рокового 1914 г. Осенью 14-го забрали в солдаты и вольноопределяющимся направили на Юго-западный фронт. Испытал юношеский националистический угар, молодой задор: “борьба до победы”. Окопная жизнь и жизнь тыловиков, кутеж офицеров с сестричками, ничем не прикрытый грабеж “серой скотинки” отрезвили меня» [4, Ф. Р-1318, оп. 21. д. 374. л. 285].

Война сильно обесценила человеческую жизнь, сделав привычной гибель миллионов людей. За всю историю России впервые по мобилизации через огромную армию прошли до 15 млн. человек (из них около 1 млн. только мусульман). 80—90 % их них — крестьяне, пришедшие в армию со своими представлениями о «земле и воле». Замыкание на личные интересы обобщил А. И. Солженицын как право «каждому ехать с винтовкой, куда считаешь правильным, и с телеграфных столбов срезать проволоку для своих хозяйственных надобностей» [21, с. 25]. «Лакейское требование “побарствовать”, — утверждал Д. С. Пасманик, — было характерно для всей нашей революции» [17, с. 49].

Сторонник независимости Белоруссии Я. Лёсик с неприкрытым разочарованием писал: «Наши крестьяне на съездах высказывались в том смысле, что **им не нужна автономия**, но делали они это по неразумению и темноте своей, но более всего в результате обмана, так как вместе с этим они говорили, что **и язык им не нужен**. Никто в мире не отрекается от своего языка... а наши крестьяне отрекаются. Значит, делают они это по неразумению и темноте... По тем или иным вопросам мы обращаемся к знатокам и специалистам, а вот при *государственном строительстве* удовлетворяемся мнениями таких специалистов, как тёмный и некультурный народ... Народ — вещь хорошая, но ему необходимо рассказать, разъяснить, его необходимо сначала просветить, научить, и только потом уже звать к себе на совет» [15, с. 5—6]. Историк С. М. Дубнов 8 июня на еврейском митинге говорил: «И из нашей среды вышло несколько демагогов, присоединившихся к героям улицы и пророкам захвата. Они выступают под русскими псевдонимами, стыдясь своего еврейского происхождения (Троцкий, Зиновьев и др.), но скорее псевдонимами являются их еврейские имена: в нашем народе они корней не имеют» [6, с. 383]. Свой портрет слушателей на съездах дал Шолом-Алейхем: «Город маленьких людей... забитый в уголок, в самую глушь, отрешенный от всего окружающего мира, сиротливо стоит этот город, заморожен, заколдован и погружен в себя, словно никакого касательства к нему не имеет весь этот тарарам с его кутерьмой, суетой, сумятицей, кипением страстей, стремлением

подавить один другого и всеми прочими милыми вещами, которые люди удосужились создать, придумав для них всякие названия, вроде “культура”, “прогресс”, “цивилизация” и другие красивые слова, перед которыми порядочный человек с величайшим благоговением снимает шапку» [27, с. 9]. Читатели Шолом-Алейхема оглядывались на штетл как на музейный экспонат. Дети не только штетла, но и кавказского аула, татарской деревни и пр., чтобы обрести достоинство человеческого бытия, усваивали идеи нового мира, присоединяясь к нему или подражая ему. Внедряясь в русскую культуру, овладевая ее языком, литературой, идеологией, системой поведения и наукой или становясь членом русского языкового сообщества или же создавая параллельную культуру на родных языках, в которой присутствовали бы современные нормы, идеи, институты и достижения. Так достигалось присоединение к космополитичной в целом европейской культуре [26, с. 3]. Но возникло многоаспектное центробежное движение в разных направлениях и с множеством ответвлений. Кроме массы фронтовиков среди участников съездов были и те, что заплатили огромную эмоциональную цену, покинув родные места, родительские дома, расставшись с языком детства, верой, манерой говорить ради усвоения новых моделей поведения, нового языка, новых черт, традиций и верований. Через десятки лет они, постарев в эмиграции, будут замирать, выискивая Шагаловский Витебск на куполе парижской Оперы или Метрополитена, узнавая в нем вызовы, вставшие перед тогдашними его жителями, теперь уже парижанами. Идеологический фон поисков обнаруживается в готовности видеть мир в процессе перемен, овладевшей этническими элитами.

В. Ленин отразил 30 января 1917 г. в письме И. Арманд важное понимание «текущего момента» — историю, услышанную от бежавшего из плена солдата: «Пробыл год в немецком плену... в лагере из 27 000 чел. украинцев. Немцы составляют лагерь по нациям и всеми силами откалывают их от России. Украинцам подослали ловких лекторов из Галиции. Результаты? Только-де 2 000 были за “самостийность”... Остальные-де впадали в ярость при мысли об отделении от России и переходе к немцам или австрийцам. Факт знаменательный! Не верить нельзя. 27 000 — число большое. Год — срок большой. Условия для галицийской пропаганды — архиблагоприятные. И все же близость к великорусам брала верх!» [14, с. 377].

Революция для участников съездов была, прежде всего, внутренней, она происходила в умах и сердцах каждого индивида. Она направлена против властных структур и против господствующей семиотики — набора верований, ценностей и поведенческих моделей — ради усвоения идеалов новой страны.

«Почему массы во все лезут и всегда с насильем?», — вопрошал позже Х.-Д. Ортега-и-Гассет. Но не только насилье влекло людей на митинги, собрания и съезды. Фронтовики воочию видели хаос, разорение от войны, страдали от него, научились даже его уважать. И в тылу они столкнулись с социокультурными задачами более высокой сложности: требовалось усвоить новые социальные практики. Кончалось терпение: когда же откроется взгляду новый порядок, и каким он будет?

Происходящие перемены имели сложный противоречивый характер. С одной стороны, они утверждали силу общества и государства, распространяя их влияние и власть на громадные территории, включая в его орбиту народы и их ресурсы. Но, с другой стороны, они несли в себе потенциал отрицания старого устройства власти, открывали возможность сохранения и наращивания сил, противостоящих ему. В христианской, исламской, иудейской

антропологии становился очевидней разрыв границ и параметров традиционного общества с растущим спектром потребностей и возможностями их реализации. Нарушение границ формировало новые механизмы социальной безопасности, предлагало новые стратегии. Интенсивность социокультурной динамики (избирательное право, борьба за универсализацию прав граждан, институционализация социальных изменений, рационализация, светская культура) существенно модифицировали чувство онтологической опасности, новые формы ограничения [25, с. 16].

Настроение основной массы населения — крестьянского еще было пассивно-выжидательным, но с определенной тенденцией к «сохранению за народом свобод и завоеваний революции», как оно, конечно, понималось им. Увязка их надежд с воззрениями их национальных лидеров, с их намерениями была сложной. Большая часть этносов не была готова к независимой государственной жизни, но в условиях острой социальной нестабильности этнос выступал в качестве аварийной группы поддержки, ведущей и определяющей направление социальной самоидентификации. Караимский съезд (27 августа — 3 сентября, Феодосия), заявил: «Караимы, являясь коренными обитателями Крыма, представляют собой объединенную общность веры, крови, языка и обычаев особую народность, издревле сохранившую неразрывную духовную связь со своими Константинопольскими, Иерусалимскими и Египетскими единоверцами» [9, с. 8]. Председательствующий светский и духовный глава С. М. Шапшал, закрывая съезд, напомнил: «лишь единение рождает силу, а сила побеждает все». В программе партии Мусават 1917 г., назвавшей себя Тюркской демократической партией федералистов, подчеркивалось: «Нация — это существо органическое, а не механическое соединение отдельных личностей. Она живет, мыслит, имеет свои цели и стремления. И поэтому каждая человеческая личность связана с нацией, а не с государством. Нация — это человеческое общество, связанное общностью языка, религии, традиции, литературы, культуры, истории и нравов» [18, с. 23].

Этнос выступал как группа обеспечения экономических и политических преимуществ, хотя и не был единственной, в которой, осознавая свою принадлежность, человек искал опору. Среди других групп можно назвать немногие: церковные организации, партии, профессиональные объединения, неформальные объединения (общества). Люди, конечно, «погружались» в одну из подобных групп, но с их помощью стремление к психологической стабильности не всегда могло быть реализовано. В таких ситуациях важно чувство принадлежности к целостной структуре, осознание человеком того, что он является ее частью, занимает в ней бесспорное положение.

Идентичность помогала человеку найти свою нишу, избежать одиночества и сомнений. Хотя взаимосвязь идентичности с конкретными историческими условиями, а также с чувством свободы и чувством одиночества сложна, но определенный баланс между ними устанавливается в процессе идентификации. Опора оказывалась не слишком устойчивой: состав групп постоянно обновлялся, сроки их существования ограничены во времени, самого человека могли за какой-то проступок из группы исключить. Всех этих недостатков лишена этническая общность. Это межпоколенная группа, устойчивая во времени, для нее характерна стабильность состава. Человека невозможно «исключить» из этноса [24, с. 18]. Традиционная коллективистская ментальность большей части российского общества сохранилась. Хотя экономические, социальные и политические противоречия начала XX века

уже не могли быть разрешены обществом в рамках этой ментальности, но социальная и политическая альтернатива в ее рамках не успела вызреть. На съездах и собраниях людей проще всего было убедить, подчеркнув национальный элемент, поскольку на национальный призыв большинство реагирует автоматически или почти автоматически.

Этнос оставался для человека надежной группой поддержки. А. А. Гольденвейзер вспоминал атмосферу национального съезда на Украине: «Помню этот зал, переполненный молодой, чужой мне по настроениям и говору толпой. Помню седую голову проф. М. С. Грушевского, занимавшего центральное место за столом президиума. Помню его волшебную власть над всей этой неотесанной аудиторией. Достаточно было ему поднять руку с цветком белой гвоздики, которой был украшен стол, и зал затихал...» [3, с. 10].

Всплеск эмоций, характерный для первых дней, даже когда он окрашен в национальные цвета, не имел ничего общего со стремлением к сепаратизму. В. Винниченко, называвший киевскую манифестацию «грандиозным взрывом национального чувства», писал: «Ни о каком сепаратизме, самостийности даже речи не могло быть, а когда слышались реденькие голоса, то это были голоса или схоластиков, чистых теоретиков, заядлых “самостийников” или людей слишком уже болезненно проникнутых национальным чувством. На конференции укр. соц.-дем. раб. партии в апреле вопрос о самостийности встретил почти единодушное негативное отношение. За самостийность высказались... только два-три голоса» [2, с. 25].

Программные социально-культурные и политические требования национальных движений можно подразделить на крестьянские и интеллигентские. Первые включали использование родного языка в образовании, делопроизводстве, официальном общении, богослужении. Молдавская народная партия требовала предоставить Бессарабии «самую широкую административную, судебную, церковную, школьную и экономическую автономию», создать краевое законодательное собрание «Сфатул цэрий» («Совет страны»), чтобы «в школах всех ступеней языком преподавания был национальный язык», «чтобы администрацию и суд осуществляли сверху донизу служащие — выходцы из народа, на языке народа» (цит. по: [23, с. 214]).

В Полтаве В. Короленко 23 марта отмечал в дневнике: «Всякий национализм имеет нечто отрицательное, даже и защитный национализм слишком легко переходит в агрессивный. В украинском есть еще и привкус национализма романтического и бутафорского. Среди черных сюртуков и кафтанов мелькали “червоны жупаны”, в которые нарядились распорядители... с лицом не то немца, не то англичанина, в бакенбардах. Говорилось много неосновательного, а один слишком уж “щирый” господин договорился до полной гнусности: по его словам, “Украина не одобряла войны, а так как ее не спрашивали (а кого спрашивали?), то она свой протест выражала тем, что будто бы украинцы дезертировали в количестве 80 %”. Я при этом не был (ушел раньше); если бы был, то непременно горячо протестовал бы против клеветы... Никакого представления о необходимости “спрашивать у народа” его воли перед началом войны у украинцев, как и у русских, конечно, не было, и украинский дезертир уходил не потому, что у него не спросили, а по разным побуждениям, не исключая малодушия и трусости. И уверение, будто украинский народ дал 80 % малодушных и трусов, есть клевета на родной народ “ширых украинцев”, психология которых очень похожа на психологию “истинно русских”» [11, с. 125].

В сентябре 1917 г. Ахмет Цаликов подчеркнул: «Русское общество и русская печать не в достаточной степени оценивают ту позицию, которую заняло в переживаемый момент мусульманское население России и какими чреватыми для государства последствиями могло бы сопровождаться изменение этой позиции» [8]. Он выделил это обстоятельство: «Можно удивляться тому отсутствию центробежных сил на мусульманских окраинах, которые, казалось бы, должны были получить огромное развитие». В Ташкенте, получив текст универсала Рады об автономии Украины, размещенные на стенах объявления к утру вымарали черной краской [10, с. 204—223]. В феврале 1918 г. В. В. Розанов писал П. Б. Струве: «Тайная моя мысль, — а в сущности, 20-летняя мысль — что только инородцы — латыши, литовцы (благороднейшая народность), финны, балты, евреи — умеют в России служить, умеют Россию любить и каким-то образом уважать, умеют привязываться к России...» [19, с. 680].

Конечно, обострены претензии к императорской России, не благоволившей национальному самовыражению составляющих ее народов. Никакой возможности создать собственные национально-территориальные структуры управления для них не существовало. Национальные окраины управлялись из центра. Вспоминались противоречия из-за земельных, водных и прочих ресурсов, территориальные конфликты, исторические счеты и обиды, нанесенные тем или иным народам в ходе политики русификаторства, которая проводилась царским правительством, и друг другу при его попустительстве. Межнациональные отношения оставались сложными, степень их остроты еще замещали «резолуции» трудящихся, осуждения противников как контрреволюционеров, рассказы о стычках, сотрясавших различные уголки страны, этнофобские расправы, подчас и этнические чистки [1, с. 63].

Но демократические лозунги Февральской революции открыли такие возможности легитимации этничности, при которых имперский порядок уже был излишним. Делегаты многочисленных съездов хотели услышать, что у них будет место в новом мире и новом государстве. Этнические элиты сумели придать неожиданный размах национальным съездам, активно включить в них этнические сообщества, обострив тем самым проблемы управления всеми сферами общественной жизни. Национальные движения выступали под лозунгом ценности собственной конфессиональной, культурной и общественно-политической идентичности. Идея культурно-национальной автономии активно обсуждалась съездами представителей многих этносов, напрямую касаясь структур управления ними.

Активность этнических элит на съездах делала очевидным тот факт, что профессиональная компетентность требует глубокого понимания специфики этнических регионов, умения объединять их вокруг новых идеалов. Состоявшиеся в 1917 г. многочисленные совещания и съезды начали выдвигать этатистские требования. Национальные съезды в 1917 г. считали необходимым создание федеративной демократической республики. Предлагался союзный тип федеративной власти, без жесткой вертикали. Составной частью вопроса явилось решение съездов о создании своих территориальных автономий. Выделяя общие черты национальных съездов, необходимо отметить: 1) схожесть механизма их созыва; 2) их явную антисепаратистскую тенденцию и схожесть характера резолюций, с первоочередностью требования реализации права наций на самоопределение; 3) требование создать центральный правительственный орган, ответственный за справедливое решение

национального вопроса и реализацию реформы государственного устройства страны; 4) создание или наделение властными полномочиями национальных органов самоуправления, с попыткой определения этнографических границ автономий; 5) апеллирование к Всероссийскому Учредительному собранию и Временному правительству, как высшим политическим инстанциям, в адрес которых обращались резолюции съездов; 6) призыв к межнациональному сотрудничеству как основе новой федерации — союза равноправных национально-территориальных автономий; 7) и в то же время — отсутствие решений о конкретном политическом статусе и форме автономии, их компетенции, разграничении полномочий между будущим федеральным центром и местными национальными властями. Ни один из национальных съездов не ставил целью разрушить общероссийский территориальный комплекс, ни один из них не заявлял о национальной исключительности, но повсеместно выделялись проблемы развития культуры, родного языка, школы.

Центр тяжести смещался от проблем культурной антропологии, от оценки процессов, связанных с представлениями о трансляции ценностей, к формированию структур, ответственных за их укоренение в культуре этносов. Съезды стали опорой в установлении легитимности национальных структур управления, строительством их после октября 1917 г. займется большевики.

Список литературы

1. Булдаков В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917—1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М.: Новый хронограф, 2010. 1096 с.
2. Винниченко В. Відродження нації. Історія української революції. Марець 1917 р. — грудень 1919 р. [В 3 ч.] Ч. 2. Київ-Відень, 1920. 328 с.
3. Гольденвейзер А. А. Из киевских воспоминаний (1917—1920 гг.) // Революция на Украине по мемуарам белых / сост. С. А. Алексеев под ред. Н. Н. Попова. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. С. 1—63.
4. Государственный архив Российской Федерации.
5. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917. Вып. 1. Париж: Изд-во Я. Поволоцкого, 1921. 183 с.
6. Дубнов С. М. Книга жизни. Воспоминания и размышления. Материалы для истории моего времени. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. 662 с.
7. Зарубин В. Г., Зарубина А. А. Джафер Сейдамет. Штрихи к портрету // Историческое наследие Крыма. 2006. № 12—13. С. 44—57. URL: В. Зарубин, А. Зарубина — Джафер Сейдамет. Штрихи к портрету (2006) (a-resni.org) (дата обращения: 04.04.2021).
8. Известия Всероссийского Мусульманского Совета. 1917. 8 сентября.
9. Известия караимского духовного правления. 1917. № 5—6.
10. Исхаков С. Мустафа Чокаев о революции 1917 года в Центральной Азии // Acta Slavica Iaponica. 2001. Т. 18. С. 204—223.
11. Короленко В. Дневник. Письма. 1917—1921. М.: Советский писатель, 2001. 544 с.
12. Короленко В. Г. Собр. соч.: в 10 т. Т. 10: Письма 1879—1921. М.: ГИХЛ, 1956.
13. Коукер К. Сумерки Запада. М.: Московская школа политических исследований, 2000. 272 с.
14. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49.
15. Лёсік Я. Аўтаномія Беларусі. Мінск: Друкарня Н. М. Нахумова, 1917. 20 с.
16. Нейри Т. Интернационализм и второе пришествие / Нации и национализм. М.: Практикс, 2002.
17. Пасманик Д. С. Революционные годы в Крыму. Париж, 1926.

18. Программа Тюркской демократической партии федералистов «Мусават», принятая на ее II съезде (1919 г.) // Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Серия истории, философии и права. 1990. № 2. С. 23—29.
19. *Розанов В. В.* О себе и жизни своей. М.: Московский рабочий, 1990.
20. Свободный народ. 1917. № 67. 19 августа.
21. *Солженицын А. И.* На возврате дыхания и сознания // Из-под глыб. М.; Париж, 1974.
22. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917—1918 гг.), Горская республика (1918—1920 гг.): документы и материалы. Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 1994. 438 с.
23. *Стати В.* История Молдовы. Кишинев: Tipografia Centrală, 2002. 480 с.
24. *Стефаненко Т. Г.* Этническая идентичность в ситуации социальной нестабильности // Этническая психология и общество. М., 1997. С. 97—104.
25. *Фомичев П. Н.* Дискурсы глобализации и тенденции развития социологии: Аналитический обзор // Социологические исследования на пороге XXI в. М.: РАН. ИНИОН, 2000. С. 12—30.
26. *Харшав Б.* Язык в революционное время. М.: Текст, 2008. 447 с.
27. *Шолом-Алейхем.* Город маленьких людей // Шолом-Алейхем. В маленьком мире маленьких людей. М., 2012. С. 9—16.

УДК 94(470/315)''1921/1927''

ББК 63.3(2Рос-4Ива)613-2

DOI: 10.46726/H.2021.3.7

А. А. Ладанова

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ СНАБЖЕНИЯ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕКСТИЛЬНОГО ТРЕСТА В 1921/22—1926/27 гг.

История Иваново-Вознесенского государственного текстильного треста является одним из самых ярких примеров восстановления и развития текстильной отрасли производства в годы новой экономической политики. Статья посвящена становлению и особенностям системы снабжения треста. Автор рассматривает этапы формирования данной системы, условия, при которых трест перешел от заключения сделок с мелкими поставщиками к деловым отношениям с крупными государственными организациями и производителями, влияние денежной реформы 1923—1924 гг. на товарообменные операции треста. Централизованный аппарат снабжения пережил неоднократную реорганизацию, что оптимизировало расходы на его содержание. В статье анализируется роль Всесоюзного текстильного синдиката (основного поставщика) в снабжении Ивгостреста. Через него иваново-вознесенское объединение установило связь с заграничными производителями. Благодаря этому на фабрики Иваново-Вознесенской губернии поступали импортные сырье (хлопок), сложные красители, оборудование и детали к нему в дополнение к поставкам отечественных производителей. Наряду с методами интенсивного производства и грамотной торговой политикой, выработанная система снабжения стала залогом успешного развития Ивгостреста.

Ключевые слова: НЭП, текстильная промышленность, Ивгострест, Всесоюзный текстильный синдикат, Московское торговое отделение, отдел снабжения.

A. A. Ladanova

CHARACTERISTIC FEATURES OF THE SUPPLY SYSTEM OF IVANOVO-VOZNESENSKY STATE TEXTILE TRUST IN 1921/22—1926/27

History of Ivanovo-Voznesensky state textile trust is one of the best examples of reconstruction and development of textile industry during the new economic policy. The article is devoted to the formation and features of the supply system of the trust. The author considers stages of formation of this system, conditions of the trust's transition from making deals with small producers to the deals with large government organizations and producers, influence of monetary reform of 1923/24 on the trade deals of the trust. Centralized supply management was repeatedly reorganized. It optimized management costs. Moreover, the role of All-Union Textile Syndicate (main producer) in the supply system of the trust is analyzed in the article. Through the syndicate Ivanovo-Voznesensky trust made deals with foreign producers. Thereby imported raw material (cotton), complex dyes, equipment and its parts entered the factories of Ivanovo-Voznesensky province. It supplemented products of the domestic producers. Together with intensive production methods and the trade policy the supply system became the important factor of successful development of Ivanovo-Voznesensky state textile trust.

Key words: NEP, textile industry, Ivanovo-Voznesensky state textile trust, All-Union Textile Syndicate, Moskovsky trade department, the supply department.

История Иваново-Вознесенского государственного текстильного треста раскрывает методы, с помощью которых удалось восстановить работу текстильных предприятий в кризисных условиях 1920-х гг. за очень короткий срок. Поскольку способы ведения эффективного, интенсивного и рационального производства являются востребованными на сегодняшний день, опыт треста полезно знать и можно использовать не только в современной текстильной промышленности, но и в других отраслях.

В рамках статьи мы остановимся на одной из важнейших функций Ивгостреста — снабжении фабрик производственными материалами, выявим особенности в работе данной системы и рассмотрим ее влияние на развитие текстильного объединения.

Сущность новой экономической политики, а также трестирование как метод эффективного управления народным хозяйством анализировали в своих трудах В. П. Дмитренко и Л. В. Милов, Т. М. Тимошина и Ю. М. Голанд, П. И. Лященко и А. В. Венедиктов (см., напр.: [3, 5, 9, 11]). В публикации под редакцией М. В. Конотопова авторы пришли к выводу, что именно текстильная отрасль стала наиболее надежной сферой промышленного накопления для индустриализации [7, с. 270—288].

Социально-экономические проблемы Иваново-Вознесенской губернии 1920-х гг. поднимают в своих трудах историки-краеведы: И. И. Тюрин, С. В. Чернобровцев, П. М. Экземплярский. В публикации под редакцией С. С. Деева и А. В. Шипулиной, в книгах краеведов К. Е. Балдина, А. М. Семененко, Ю. А. Ильина выделяются самые важные изменения в экономической, политической и культурной жизни региона (см., напр.: [2, с. 68—92]).

В 1950—1960-х гг. ивановские публицисты (В. А. Бабичев, И. И. Зимин, В. М. Смирнов, Ю. Ф. Глебов, В. М. Соколов и И. М. Вихрев и Т. Н. Лешуков) выпустили ряд небольших работ по истории фабрик (см., напр.: [1, 4]).

Отдельно необходимо отметить труды историка, краеведа профессора Ю. А. Якобсона. Это один из первых исследователей, который фундаментально подошел к изучению этапа восстановления текстильной промышленности Иваново-Вознесенской губернии после окончания Гражданской войны. В частности, автор остановился на вопросах положения иваново-вознесенских текстильщиков в период перехода к НЭПу (1921—1922 гг.), изучал пути преодоления кризиса сбыта 1923 г. на текстильных фабриках, рассмотрел роль производственных совещаний и уплотненной работы на предприятиях.

Тема снабжения фабрик производственными материалами часто оставалась в стороне. Исследователи уделяли основное внимание общим вопросам развития текстильной отрасли губернии, поверхностно рассматривая и этапы работы Ивгостреста. Таким образом, настоящая статья представляет собой первый шаг в изучении данной темы, которая требует более глубокого и объективного анализа, включения в научный оборот нового архивного материала.

Формирование системы снабжения Иваново-Вознесенского государственного текстильного треста проходило в тяжелых кризисных условиях 1921/22 операционного года.

Обеспечение предприятий треста материалами, инструментами, оборудованием, а рабочих — продовольствием и спецодеждой стало главной задачей отдела снабжения. Его организация прошла через три этапа.

Первый этап, продлившийся с ноября 1921 г. до февраля 1922 г., был самым сложным. Так как крупное производство переживало тяжелый кризис (многие предприятия погибли, многие сократили свою выработку до 25—50 % от прежнего выпуска товаров), отделу снабжения приходилось прежде всего обращаться к местному кустарному производителю и кооперативам. В первый период именно эти организации могли удовлетворить до 60 % потребностей Ивгостреста в производственных материалах [6, д. 3, л. 9]. С другой стороны, у мелкого производителя нельзя было сделать крупный заказ и получить нужное количество инструментов и материалов из одного места. В таких условиях отдел снабжения треста не мог централизованно заключать все сделки с множеством мелких поставщиков. Поэтому в 1921/22 г. право самостоятельной закупки предоставлялось фабрикам. Специальная фабричная агентура обследовала рынки Иваново-Вознесенской и прилегающих к ней губерний, заключала договоры [там же]. Сам отдел снабжения треста старался налаживать торговые связи с внегубернскими, московскими и даже зарубежными производителями.

Нужно заметить, что на первом этапе поставщики плохо выполняли условия договоров. На фабрики поступали недоброкачественные материалы, «протекали сроки, авансы гуляли» [10, с. 93]. Кроме того, цены подвергались постоянным колебаниям из-за неустойчивости валюты.

Положение начало улучшаться в феврале 1922 г. с началом второго этапа в деятельности отдела снабжения. Появились торговые биржи, процесс трестирования заканчивался, на рынки выходили крупные производители и государственные организации, перед Ивгострестом открылась возможность банковского кредита. Свою деятельность разворачивали синдикаты — специальные торговые объединения нескольких трестов, основной задачей которых являлось регулирование рынков сбыта.

9 февраля 1922 г. на заседании съезда представителей текстильных объединений был образован Всесоюзный текстильный синдикат (ВТС), в состав которого вошел и Ивгострест [13, с. 83—84]. Целями синдиката были

согласование торговой деятельности трестов, распределение между ними государственных заказов, установление продажных цен, организация сбыта готовой продукции и объединение заготовительной деятельности трестов. Все эти операции осуществлялись через сеть торговых бирж, ярмарок, торговых домов. С возникновением ВТС торговая и снабженческая деятельность Ивгостреста приобрела большую стабильность и организованность.

С 1 мая 1922 г. Иваново-Вознесенский текстильный трест был снят с государственного снабжения. Теперь за обеспечение объединения средствами производства и продуктами полностью отвечал отдел. Его положение осложняло кризис сбыта, ударивший по промышленности весной 1922 г. из-за отсутствия оборотных денежных средств. Снабженческая работа отдела практически замерла. Договоры на поставку материалов и продуктов, заключенные в ноябре 1921 г. — январе 1922 г., не были выполнены. Руководителям треста пришлось ликвидировать часть контрактов и продлить сроки других сделок. Фабрики Ивгостреста испытывали недостаток в сырьевых, топливных и продовольственных ресурсах. Ситуация стабилизировалась только к осени 1922 г.

Третий период работы отдела снабжения приходится на август — октябрь того же года и характеризуется заметным снижением количества сделок с частными лицами. 26 августа 1922 г. вышел приказ № 30 от ВСНХ, согласно которому все фабрики должны были минимизировать отношения с частными объединениями, прибегая к их услугам лишь в исключительных случаях. А именно при полном отсутствии необходимых материалов на складах треста, в госучреждениях и «при особой выгодности цен» на продукцию, предлагаемую частными лицами [6, д. 54, л. 10]. С этого момента основными поставщиками Ивгостреста стали крупнейшие государственные и кооперативные объединения.

К октябрю 1922 г. закончилась внутренняя организационная работа в самом отделе снабжения треста. В его структуру входили заготовительные подотделы в Москве и Иваново-Вознесенске, учетно-распределительный и транспортный подотделы, склады [10, с. 98].

В целом можно заметить, что в 1921/22—1922/23 гг. отдел снабжения работал бессистемно и просто старался обеспечить фабрики теми материалами, которые требовались в срочном порядке, вне зависимости от их цены и качества.

В 1923/24 операционном году ситуация меняется. Отдел стал переходить на плановое и централизованное снабжение. Денежная реформа оказала оздоравливающее влияние на рынок. У Ивгостреста появилась возможность заключать длительные (на год или полгода) соглашения, контракты и договоры на систематическое, планомерное и бесперебойное снабжение [8, с. 97]. Кроме того, благодаря появлению твердой валюты сделки, ранее носившие в основном товарообменный характер, теперь приняли исключительно денежную форму.

В 1923/24 г. было переработано положение о снабжении фабрик материалами. Появилось четкое разграничение: одни средства производства предприятия заготавливали самостоятельно, другие получали централизованно через отдел снабжения. Была выработана единая форма заявки на необходимые ресурсы. Вводился контроль качества поступающих материалов. При наличии брака директора фабрик имели право совсем отказаться от товара либо могли затребовать скидки на полученную продукцию [8, с. 98]. Таким образом, широкие полномочия предприятий треста частично децентрализовали систему снабжения правления треста. Сам отдел из «хозяина в своем деле превратился в ответственного контрагента фабрик» [там же].

Главной проблемой в вопросе снабжения в рассматриваемый период было сведение к нулю мертвого капитала (излишних запасов), который появлялся из-за желания фабрик получать материалы и сырье впрок (сказывались последствия материального голода последних лет). Это мешало определить реальные объемы потребления продукции и выделить наиболее ходовые ресурсы.

Что касается структуры отдела снабжения, то она претерпела некоторые изменения уже в следующем 1925/26 операционном году. В начале года отдел состоял из отдельных единиц, друг друга дополнявших. Так, подотдел заказов готовил и обрабатывал требования фабрик, чтобы передать их в отдел снабжения при Московском торговом отделении. При правлении треста в Иваново-Вознесенске работали самостоятельные отделы — топливный и транспортный. Все эти четыре единицы фактически исполняли снабженческие функции. Такая составная структура создавала много неудобств, поэтому к концу отчетного года был организован единый отдел снабжения при правлении Ивгостреста, куда вошли все упомянутые выше части [6, ф. д. 486, л. 155—156]. Это намного упростило работу и оптимизировало расходы треста.

В 1926/27 г. система снабжения иваново-вознесенского объединения приняла еще более организованный вид. Теперь отдел снабжения при правлении треста состоял из секций — химической, прядильно-ткацкой, механической, строительно-хозяйственной и сырьевой, обслуживавших фабрики каждая по своей специальности. Также секции отвечали за выполнение производственных программ вспомогательных и подсобных заводов [6, д. 846, л. 94]. При Московском торговом отделении работала ячейка из четырех сотрудников, выполнявших поручения отдела снабжения. Обеспечение фабрик сырьем, топливом и энергией находилось в руках заведующего отделом, а поставкой лесных, хозяйственных и строительных материалов руководил заведующий хозяйством [там же].

Содержание аппарата снабжения в 1926/27 г. обошлось Ивгостресту всего в 133 340 руб. (0,093 % от оборота треста), в то время как в прошлом операционном году на это было затрачено 268 тыс. руб. (0,24 % от оборота) [там же].

Большую роль в обеспечении фабрик иваново-вознесенского объединения ресурсами играло само расположение предприятий. Большинство из них прилегали к станциям Северной железной дороги (Иваново, Кохма, Серeda, Тейково, Шуя, Горкино, Вичуга, Кинешма) [6, д. 54, л. 116]. Кроме того, фабрики треста были связаны с основной линией железной дороги отдельными ширококолейными путями, по которым сырье и топливо поступали непосредственно на мануфактуры. В 1926/27 г. общая длина фабричных железнодорожных ветвей составила 50 км [6, д. 846, л. 93]. На территории почти всех предприятий треста производственные корпуса соединялись со складами узкоколейными путями. Исключение составляли только Большая Иваново-Вознесенская, Пучежская, Юрьевецкая и Ново-Писцовская мануфактуры [там же]. Нужно заметить, что фабрики в Пучеже, Юрьевце и Кинешме стояли на Волге — крупной судоходной реке, которая являлась удобной транспортной магистралью.

Для гужевых перевозок использовался наемный транспорт (руководство фабрик заключало договоры с местными крестьянскими комитетами). Свой небольшой обоз имелся только у БИВМ. Но при правлении Ивгостреста содержался гараж с 17 грузовыми машинами, обслуживавшими нужды всех предприятий объединения в Иваново-Вознесенске [там же, л. 94].

Другим интересным вопросом при анализе снабженческой деятельности Ивгостреста являются его отношения с поставщиками материалов.

Несмотря на все трудности 1921—1922 гг., тресту удалось установить прочную связь с первыми крупными производителями. Например, Уралмет поставлял иваново-вознесенскому объединению железо и изделия из него, Мосторг снабжал наши фабрики химическими материалами. С механическими заводами были заключены договоры на поставку болтов, шпинделей, пружин, чугунных и медных деталей. Частный кустарный завод «Катушка» обеспечивал трест челноками [10, с. 96]. В целом запас материалов на прядильных и ткацких мануфактурах позволял предприятиям работать без перерывов в течение четырех месяцев (если считать с 1 ноября 1922 г.). Ситцепечатные фабрики были обеспечены сырьем на срок от двух месяцев до двух лет [10, с. 97].

Большую помощь в снабжении материалами тресту оказывали его вспомогательные производства. К ним относились три крупных завода (ремизо-бердочный, ременно-гоночный и химический) и чугунолитейные, кирпичные и лесопильные производства при некоторых мануфактурах треста.

В 1923/24 г., когда система снабжения была налажена, в обеспечении предприятий материалами все еще оставалось много проблем. В тяжелом положении находилась металлическая промышленность. Заводы брали заказы и не выполняли их, так как испытывали ресурсный голод. Основной принцип — покупка материалов исключительно в государственных органах — ставил трест в безвыходное положение. Обследование металлургических предприятий Юга и Урала в 1923/24 г. выявило наличие всего 5900 пудов балок и сортового железа, в то время как Ивгостресту требовалось 40 тыс. пудов. Иваново-Вознесенскому объединению пришлось закупать у частных лиц в Москве и Ленинграде старые балки от сломанных домов и складов. Таким же образом была получена паровая и водяная арматура [8, с. 100]. Различные инструменты отсутствовали на рынке. Из 83 500 шт. необходимого инструмента трест закупил в Москве, Ленинграде и Нижнем Новгороде всего 45 500 [там же].

Тульский оружейный завод 31 марта 1923 г. заключил с Ивгострестом договор на изготовление запасных частей для прядильных мануфактур на сумму в 1 млн руб. Это соглашение выполнялось заводом с большими просрочками. До 1 ноября 1924 г. трест получил лишь 70 % общего количества заказа. Кроме того, цены на изделия Тульского завода значительно превышали стоимость заграничной продукции [8, с. 101]. Тем не менее это был первый опыт по производству материалов, ранее поступавших только из западных стран.

Налаживание торговых связей с заграничными поставщиками и производителями Ивгострест осуществлял исключительно через Всесоюзный текстильный синдикат. В 1923/24 г. этот процесс шел крайне медленно. Поставка товаров растягивалась по срокам. Со дня заказа до фактического его получения проходило от 6 до 12 месяцев.

Лучше обстояло дело на рынке строительных, упаковочных, электрических, смазочных материалов и жидкого топлива. Фабрики треста снабжались по годовым договорам с ежемесячным получением продукции. Резинотрест обеспечивал мануфактуры и заводы резиновыми, набивочными и изоляционными материалами. Ивгострест добился от данного производителя открытия отделения в Иванове [8, с. 102—103].

Деревообделочная промышленность, в частности Катушечно-челночный трест, поставляла на предприятия треста челноки, гонялки, различные катушки, но продукция приходила низкого качества.

Что касается снабжения Ивгостреста химическими продуктами и красками, то основные материалы производились в достаточном количестве на советских заводах. Редкие и дорогие красители выписывались у зарубежных поставщиков. Но заказы выполнялись плохо. Так, например, по договору от 21 апреля 1924 г. на 1 октября был получен всего 51 % заказа на красители и 63 % — на химпродукты. По договору от 20 августа на фабрики треста поступило 8,2 % заказа на красители и 4,2 % — на химпродукты. Это при том, что заключенные договоры должны были удовлетворить полугодовые потребности треста [8, с. 104]. Таким образом, к концу 1924 г. сеть торговых связей Ивгостреста значительно расширилась, но отделу снабжения не удавалось обеспечить фабрики всем необходимым.

В 1925/26 г. процент обеспечения потребностей фабрик был увеличен. Так, поступление хлопка на мануфактуры треста покрывало 91 % его потребления, поступление льна — 92 %. В производстве хлопчатобумажных фабрик использовался американский хлопок (29,2 %), египетский (0,7 %), союзный местных семян (2,5 %), союзный американских семян (61,8 %), персидский (4,8 %), турецкий (0,8 %), индийский (0,2 %) [6, д. 486, л. 145]. Поставщиком хлопка в рассматриваемый период выступал Всесоюзный текстильный синдикат.

Заготовка льна велась через ВТС (77,1 %), через кооперативы (1,1 %), через государственные учреждения (6,4 %), лен приобретался также на рынке с помощью закупочного аппарата самого треста у частных лиц (15,4 %) [там же, л. 146].

Поставки различных металлических, строительных, резиновых, химических, деревянных материалов покрывали потребность фабрик практически на 100 %, хотя запаздывание в выполнении заказов по-прежнему наблюдалось. Особенно это касалось заявок на машины, аппараты и детали к ним таких производителей, как Моссредпром (Государственный Московский трест средней и мелкой промышленности), Тульский оружейный завод, Костромлес, Катушечно-челночный трест [6, д. 486, л. 146].

В 1926/27 г. план по получению сырья, топлива и материалов был перевыполнен. Проблемы возникли только при закупке льна (было заготовлено всего 87 % от плана). Таким образом, Ивгострест по всем видам ресурсов смог обеспечить 2- или 3-месячный запас на случай чрезвычайных ситуаций [6, д. 846, л. 86—87].

Но нужно заметить, что полученное сырье не отличалось высоким качеством. Например, союзный хлопок местных семян был сильно засорен так называемыми «усиками» (жилками от коробочек хлопчатника). Импортный хлопок, использовавшийся для основы — продольных нитей ткани (поперечные нити — это уток), «был неравномерным по длине и крепости волокном» [там же, л. 90]. Американский хлопок, предназначенный для крашения, в большей степени представлял собой мертвое (абсолютно незрелое) волокно. Среди материалов плохим качеством отличились красители для ткани типа «хаки», поступившие с Анилтреста. Они имели разную концентрацию, оттенок и слабую устойчивость к мылу. Некачественные деревянные изделия поставлял Катушечно-челночный трест [там же, л. 91].

Сравнив соотношение поставщиков Иваново-Вознесенского текстильного треста, мы получим следующую картину. В 1925/26 г. основным из них

считался ВТС. Он выполнял почти все заказы по сырью, 1/3 часть заявок по материалам и 1/5 — по топливу. Из общей суммы заготовок на синдикат приходилось 67,5 %. Видное место среди поставщиков треста занимали подведомственные ВСНХ и другим наркоматам государственные учреждения, которые охватывали почти половину заказов по материалам и 1/3 по топливу. В целом они выполняли около 21 % всех заказов. Кооперативы в основном занимались поставкой материалов (около 9 %). В общей же сумме заготовок их участие определялось в 3,67 % [6, д. 486, л. 151]. Остальные поставщики занимали менее значимое положение.

В 1926/27 операционном году соотношение поставщиков несколько изменилось. Основные операции по снабжению треста по-прежнему осуществлялись через Всесоюзный текстильный синдикат. Его доля в общем обороте заготовок иваново-вознесенского объединения составила 68,44 %. 15,15 % производственных материалов поступало на фабрики с подсобных производств, 11,59 % поставляли госорганы, 3,47 % — кооперативные организации, 1,13 % — кустари и частные лица, а 0,22 % — прочие общественные организации [6, д. 846, л. 89].

Большую роль в снабжении предприятий Ивгостреста оборудованием и деталями к нему сыграли импортные операции, которые в 1925/26 г. дали первые результаты. В группы завозимых из-за границы товаров входили: производственные и подсобные машины, детали, материалы и различные аппараты, не выпускавшиеся в СССР, электрическое и силовое оборудование. Соглашения с иностранными поставщиками заключала техническая контора ВТС. В частности, сделка на поставку производственных машин для хлопчатобумажного и льняного прядения, ткачества и отделки фирм «Платт», «Твидельс и Смолли», «Крупп», «Дронсфильд», «Руанские мастерские» и других была подписана 23 января 1926 г. с общей стоимостью заказа в 7 млн руб. [6, д. 486, л. 153].

Производственные машины начали поступать с апреля 1926 г., когда Тейковская фабрика получила сразу 16 чесальных машин завода «Твидельс и Смолли», а Родниковская мануфактура 5 банкаброшей той же фирмы. После этого наступил некоторый перерыв. И только с июня машины данного завода стали завозиться через Мурманский порт регулярными ежемесячными партиями для всех фабрик треста [там же, л. 153]. Заграничное оборудование поступало на предприятия застрахованным в Русско-Норвежском страховом обществе (филиал Госстраха). Из-за долгого пребывания машин на разгрузочных платформах в порту техника начинала ржаветь. Иногда оборудование приходило плохо упакованным [там же, л. 154].

По мнению производителей, качество заграничных машин сильно уступало оборудованию выпуска 1910—1914 гг. У техники были плохо пригнаны детали, она отправлялась без предварительной сборки. Кроме этого, наблюдались неаккуратно просверленные дыры на барабанах чесальных машин, неровно пригнанные кольцевые планки на ватерах, разные диаметры «веретеночных блочков» и т. д. [там же]. Это касалось не только продукции завода «Твидельс и Смолли», но и «Платт», хотя и в меньшей степени.

Машины фирмы «Платт» начали поступать на фабрики в четвертом квартале 1925/26 г. Несколько ранее было получено оборудование с завода Тейлора Ланга. На 1 января 1927 г. Ивгострест принял новых машин на общую сумму 3975 тыс. руб. Сюда входили и 100 ватеров завода «Дейтше-Верке». Кроме этого, чуть позже прибыли 20 ватеров фирмы «Крупп» на сумму 110 тыс. руб. [там же].

Из числа подсобных машин для ввоза разрешили только 7. Они принадлежали германским фирмам «Мэнус и Глиссен» и «Папперт», были получены в конце 1926 г. и установлены на ременно-гоночном заводе. Их стоимость определялась в 15 400 руб. [там же, л. 155].

На 1 октября 1926 г. на предприятия треста поступили детали, материалы и различные аппараты на сумму 192 тыс. руб. (общая стоимость заказа равнялась 359 тыс. руб.), электрооборудование на сумму 5571 руб. (6091 руб.), и заказ по силовым установкам был выполнен полностью (8200 руб.) [там же]. Качество получаемых из-за границы материалов удовлетворяло запросам треста. Недовольство у рабочих-текстильщиков вызвала только кардолента фирмы «Сайкс» и ракли фирмы «Шленгер», по поводу чего руководство Ивгостреста составило претензии этим производителям [там же].

Подведем некоторые итоги заготовительной деятельности иваново-вознесенского объединения. В 1921/22—1922/23 гг. происходило становление его аппарата снабжения. Преодоление кризисных условий начала 1920-х гг. позволило тресту перейти от заключения сделок с мелкими поставщиками к деловым отношениям с крупными государственными организациями и производителями, свести к минимуму отношения с частным капиталом. Во второй половине 1921/22 операционного года Ивгострест перешел на самостоятельное снабжение своих фабрик сырьем, топливом, материалами, а рабочих продовольствием и предметами первой необходимости.

В 1923/24 г. после денежной реформы у треста появилась возможность заключать длительные (на год или полгода) соглашения, контракты и договоры на систематическое, планомерное и бесперебойное снабжение. Благодаря появлению твердой валюты сделки, ранее носившие в основном товарообменный характер, теперь приняли исключительно денежную форму. Все операции по снабжению постепенно сосредоточивались в руках единого отдела при правлении Ивгостреста. Сам аппарат снабжения пережил неоднократную реорганизацию, что оптимизировало расходы треста на содержание данной системы.

Большую роль в снабжении треста сыграл Всесоюзный текстильный синдикат. Через него были налажены торговые связи с иностранными поставщиками и производителями. Трест импортировал сырье (хлопок), сложные красители, оборудование и детали к нему в дополнение к поставкам отечественных производителей. В целом ВТС был основным поставщиком Ивгостреста. Его доля в общем обороте заготовок иваново-вознесенского объединения в 1926/27 г. достигла 68 %.

В последние два операционных года изучаемого периода трест обеспечивал фабрики всем необходимым в достаточном количестве, но качество большей части ресурсов при этом находилось на среднем или низком уровне.

Список литературы

1. Бабичев В. А., Зимин И. И., Смирнов В. М. Тейковский хлопчатобумажный комбинат: исторический очерк. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1966. 84 с.
2. Балдин К. Е., Ильин Ю. А. Ивановский край в истории Отечества. Иваново, 1998. 150 с.
3. Венедиктов А. В. Организация государственной промышленности в СССР: в 2 т. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. Т. 2. 863 с.
4. Глебов Ю. Ф., Соколов В. М. История фабрики Большой Ивановской мануфактуры. Иваново: Иван. обл. гос. изд-во, 1952. 161 с.

5. *Голанд Ю. М.* Кризисы, разрушившие НЭП. М.: Междунар. НИИ пробл. управления, 1991. 95 с.
6. Государственный архив Ивановской области. Ф. Р-1686. Оп. 2.
7. История отечественной текстильной промышленности / М. В. Конотопов, А. А. Котова, С. И. Сметанин, С. И. Сметанина. М.: Легпромбытиздат, 1992. 413 с.
8. Итоги работы Иваново-Вознесенского государственного текстильного треста за 1923/24 операционный год. Иваново-Вознесенск: Ивгострест, 1925. 193 с.
9. *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР: в 3 т. М.: [б. и.], 1956. Т. 3. 643 с.
10. Обзор деятельности Иваново-Вознесенского текстильного треста за период с 1 ноября 1921 г. по 1 января 1923 г. Иваново-Вознесенск, 1923. 200 с.
11. *Тимошина Т. М.* Экономическая история России. М.: Юстицинформ, 2015. 600 с.
12. *Экземплярский П. М.* Город Иваново в прошлом и настоящем. Иваново: Иван. обл. гос. изд-во, 1945. 120 с.
13. *Якобсон Ю. А.* Иваново-Вознесенские текстильщики в период перехода к НЭПу (1921—1922) // Ученые записки / Иван. гос. пед. ин-т. Иваново, 1957. Т. 15: Общественные науки. С. 65—120.

УДК 94 (574)“19/20”
ББК 63.3(5Каз)53-2
DOI: 10.46726/Н.2021.3.8

З. Т. Садвокасова

ПРАВОСЛАВНЫЕ МИССИОНЕРСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ (XIX — начало XX в.)

Миссионерская деятельность православных проповедников среди инородцев национальных регионов Российской империи проводилась параллельно с вмешательством в экономическую жизнь, с вводимыми реформами по управлению краем, изменениями в духовной сфере и т. д. Положение ислама и его приверженцев с приходом на территорию Казахстана русских чиновников, казаков и крестьян со своим вероисповеданием не получило должного освещения в научных исторических изданиях. С распадом советской державы и отказом от однопартийной системы, имевшей мощное влияние на изыскания ученых, историки стали все чаще обращаться к религиозной тематике. В ходе их исследований поднимались проблемы, находившиеся либо под запретом, либо в зоне умолчания. Если в научных трудах советских историков любая конфессия рассматривалась в качестве противовеса коммунистической идеологии, то совершенно иная оценка дается религиям и духовным служителям в современных работах, где объективно определяется их место и роль в обществе. Богослужбные заведения, миссионерские учреждения, появившиеся в местностях с казахским населением в XIX — начале XX в., имели своей целью оказывать влияние на сознание коренных жителей с тем, чтобы подготовить почву для христианской проповеди и обращать инородцев в православие.

Ключевые слова: религия, православие, казахи, миссионеры, мусульмане, епархия.

© Садвокасова З. Т., 2021

Статья подготовлена в рамках поддержанного КН МОН РК проекта AP08855385 «Мусульманские и православные миссионеры в Казахстане: деятельность и результаты (XIX — начало XX века)».

Z. T. Sadvokasova

ORTHODOX MISSIONARY INSTITUTIONS IN KAZAKHSTAN (XIX — early XX century)

The missionary activity of Orthodox preachers among the non-native peoples of the national regions of the Russian Empire was carried out in parallel with the intervention in economic life, with the introduced reforms in the management of the region, changes in the spiritual sphere, etc. The situation of Islam and its adherents with the arrival of Russian officials, Cossacks and peasants with their own religion on the territory of Kazakhstan has not received proper coverage in scientific historical publications. With the collapse of the Soviet state and the rejection of the one-party system, which had a powerful influence on the research of scientists, they began to turn more and more often to religious topics. In the course of their research, problems were raised that were either banned or in the zone of silence. If in the scientific works of Soviet historians, any denomination was considered, as a counterweight to the communist ideology, then a completely different assessment is given to religions and their spiritual servants in modern works, where their place and role in society are objectively determined. Liturgical institutions, missionary institutions that appeared in areas with Kazakh population in the XIX — early XX centuries, aimed to influence the consciousness of the indigenous people in order to prepare the ground for Christian preaching and convert foreigners to Orthodoxy.

Key words: religion, Orthodoxy, Kazakhs, missionaries, Muslims, diocese.

Немало ученых занимаются изучением вопроса, связанного с распространением православия [6, 7, 11, 12, 14, 16, 18, 21, 22]. В этих трудах уделяется внимание особенностям миссионерской деятельности Русской православной церкви среди инородческого населения в различные периоды, факторам становления православной проповеди, ее развития и т. д. Учреждений, занимающихся привлечением в лоно христианства, помимо церкви, было немало в рассматриваемый период. Одной из работ, где освещается процесс привлечения к миссионерству широких кругов населения России в конце XIX в. через различные общества, организации, форумы, является кандидатская диссертация В. В. Шабунина. Во втором параграфе научного исследования «Церковно-общественные объединения и миссия РПЦ» соискатель отмечает, что наиболее ярким показателем успешного взаимодействия общества и РПЦ в миссионерском деле оставалась деятельность Всероссийского православного миссионерского общества (ПМО) [21, с. 17]. К числу церковно-общественных объединений В. В. Шабунин относит православные церковные братства, «многие из них были миссионерскими, а в остальных активно открывались миссионерские отделения» [там же]. Всероссийские миссионерские съезды, по мнению ученого, имели важное значение для миссионерского дела, так как координировали усилия общества и РПЦ, вырабатывали новые методы и стратегии в распространении христианства.

До появления миссионерских учреждений в национальном регионе Российской империи — Казахском ханстве привлечением к Русской православной церкви в основном занимались чиновники и отдельные церковные служители. На основе мнений некоторых военных, участников экспедиций, путешественников, первых представителей царского правительства был сделан вывод о равнодушном отношении казахов к религии, часто

их вообще причисляли к язычникам. Даже российский ученый А. И. Левшин, автор одной из крупных досоветских работ под названием «Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей», включавшей главы, посвященные духовной жизни казахского народа, не мог дать однозначной оценки [10].

На первых порах влияние на религиозные взгляды инородцев оказывали гражданские лица — русские чиновники, пытавшиеся доступными для них средствами донести Слово Божие в инородческую среду. Так, одними из первых неопитов-казахов, кого удалось привлечь в новую веру, в данном случае окрестить, были те, кто работал на жителей приграничных с их землями поселков. Среди них были большей частью добровольцы, соблазненные обещаниями, некоторыми льготами и другими благами. Так, в 1839 г. их численность составляла 25 человек («мужского полу — 23, женского — 2») [19, ф. 4, оп. 1, д. 337, л. 38].

В эти годы имела место также продажа детей, что являлось одним из источников увеличения количества крещеных. Этот акт был связан с высочайшим указом царского правительства от 23 мая 1808 г., дозволявшим куплю детей казахов-бедняков [8, с. 146]. Сложно судить о столь безрассудном на первый взгляд решении родителей, продававших собственных детей. Чаще всего они вынуждены были идти на такой неблагоприятный поступок в силу сложившихся обстоятельств (джут — падеж скота, болезни и т. д.) ради спасения своих чад и семьи.

Вышеупомянутый закон о покупке «киргизов, калмыков и прочих азиатцев» в 1825 г. был отменен. При этом оговаривалось, что для пополнения недостатка женщин в Западной Сибири разрешалось «выменивать детей женского пола кочевников сопредельных с нею земель» [9, с. 8].

Как вытекает из вышеизложенного, в казахской степи еще до образования различных миссионерских организаций коренные жители проходили обряд крещения. Работа по распространению православия проводилась епархиями, одной из которых являлась Тобольская. В отчетных документах указанной христианской организации отмечалось, что даже отсутствие специальной миссии особо не отразилось на результатах, так как здесь «с 1860 по 1865 г. просвящено Святым Крещением 149 душ» [19, ф. 64, оп. 1, д. 595, л. 41].

Позже, в 50—60-х гг. XIX в., русские чиновники отмечали преждевременность миссионерства среди казахов и предостерегали от возможных последствий применения методов, использовавшихся ранее с язычниками. Первый генерал-губернатор Туркестанского края К. П. фон Кауфман доказывал несвоевременность и невозможность выполнения в регионе миссионерских задач: «Народонаселение Туркестанского края нельзя смешивать с теми народами, среди которых приходилось действовать русским миссионерам в Алтайской, Забайкальской и Иркутской миссиях» [8, с. 5].

Такие предостережения не оставались без внимания. Учитывая их, проповедники православия изучали условия для возможного появления миссии. Разрабатывались вопросы, ответы на которые рисовали картину предстоящей деятельности: «1. В какой степени между казахами развит ислам; 2. Откуда и какими путями он проникает к ним; 3. Какими бы мерами его ослабить; 4. При каких условиях можно будет учредить среди них миссию, не возбуждая тем самым каких-либо волнений» [17, с. 772].

Ответы должны были прояснить ситуацию. Игнорировать якобы индифферентность казахов посчитали неправильным. Царскому самодержавию уже приходилось сталкиваться с недовольством казахов в отношении религиозной

политики. Поэтому миссионеры не могли полностью исключить вероятность оказания сопротивления кочевниками распространению чужой веры.

В Казахстане миссионерская деятельность была развернута членами Православного миссионерского общества в 70-х гг. XIX в. Основанная по инициативе высших светских и духовных лиц, эта организация привлекала в свои ряды многих чиновников царского правительства и местной администрации. Формулировка первого параграфа Устава ПМО гласила: «Православное миссионерское общество состоит под Всемилостивейшим покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы» [19, ф. 64, оп. 1, д. 747, л. 1]. Государыня, видимо, и стала причиной того, что многие стремились оказаться в рядах общества. Любопытный факт деятельности указанной организации связан с тем, что ее членом являлась казашка из Уральска. При крещении она получила имя Мария. В одном из документов ПМО отмечается, что Мария Кабанова присутствовала на заседании этого общества с целью предоставления ей жилья с крещеными девочками. То есть она просила «освободить ее от неприятности бродить с приготовленными ею к крещению киргизками по переменным квартирам без удобств, какие может дать собственная усадьба» [5, с. 244—245].

Изучив обстановку, некоторые миссионеры считали, что к середине XIX в. уже были сформированы благоприятные условия для учреждения миссий и их распространения. Убеждая в этом правительство, опасавшееся несвоевременности создания станом, которое может привести к волнениям среди казахов, миссионеры настаивали на необходимости в учреждении миссий. Так, по их мнению, киргизы Средней Орды, перешедшие в подданство России около 50 лет назад, «в этот период времени... привыкли к власти русского правительства, готовы исполнять его волю» [17, с. 787].

К миссионерским учреждениям относятся и духовные миссии. С разрешения Святейшего синода в 1881 г. была учреждена Киргизская духовная миссия. По ее инициативе уже в 1883 г. в Казахстане создаются «14 миссионерских станом, при которых были открыты 17 миссионерских школ для детей казахов» [1, с. 22].

Одной из задач Киргизской духовной миссии было распространение православия среди казахского населения. Православные миссии, помимо главной задачи, выполняли и другие, заключающиеся в возвращении вероотступников, т. е. тех, кто однажды вступил в лоно христианской религии. Поэтому они должны были направлять свою деятельность не только на «приобретение последователей из среды коренных магометан» [13, с. 40], но также и на сохранение в своих рядах неопитов. Возникшая в начале как отделение Алтайской миссии Тобольской епархии Киргизская духовная миссия существовала для обращения в православие проживавших в пределах епархии киргизов и «утверждения просвещаемых иноверцев в истинах святой веры и правилах христианской нравственности» [2, с. 115].

Киргизская духовная миссия к 1 января 1913 г. состояла из восьми станом (Центральный, Преображенский, или Буконьский, Мало-Владимирский, Шульбинский, Татарский, Атбасарский, Еленинский, Чернойарский и стан Знаменского миссионерского женского монастыря). В православную паству входили 6022 русских и 290 новокрещеных казахов. В 1912 г. в ведении миссии было 13 церквей и молитвенных домов, а также 18 школ. В числе учащихся было 12 новокрещеных мальчиков и 11 девочек. Обучалось даже 140 мальчиков из мусульманского населения [3, с. 857].

Миссионеры, кроме своих прямых обязанностей по совершению ими богослужений, выполняли другие обязательные функции, а именно не оставляли без внимания русских переселенцев и преодолевали немало верст по степи с проповедью Слова Божия в местах, где жили новокрещенные. Необходимо было закреплять истины Христовой веры, а также и преподавать пастырские наставления тем, кто возвращался в веру предков — ислам или сомневался после принятия православия. Деятельность церковных служителей и членов миссии иногда приносила положительные результаты, подталкивающие проповедников православия к дальнейшему усилению внимания к коренному населению.

Одним из опорных пунктов миссионерства в Средней орде считался Макарьевский стан, в состав которого входил поселок новокрещенных казахов. Этот населенный пункт включал 43 двора. Неофиты в количестве 124 человек многое изменили в укладе своей жизни, многое переняли от православных соседей, и в этом отношении они почти ничем не отличались от последних: «Во всех их хатах, устроенных преимущественно из земляных пластов, в переднем углу находится Роячница со святыми иконами и перед ним лампада» [19, ф. 318, оп. 1, д. 303, л. 201, 203 об.]. Миссионеры, беседуя с новокрещеными, твердили о необходимости выполнения ими религиозных обрядов, обусловленных принятым вероучением и регламентированных православной церковью. Они создавали у верующих иллюзию их постоянного общения с богом. Почти все клали на себя крестное знамение, молились при входе в жилище, перед принятием и после принятия пищи, носили на себе кресты. При встрече со священником всегда подходили к нему под благословение и все вместе собирались в церкви.

Учреждение училищ, приютов, госпиталей при миссионерских станах должно было показать киргизам самоотверженность русских и их милосердие к страждущему человечеству. При этом миссионеры не упускали возможности влиять на религиозные взгляды киргизов, приближая их к православию. В некоторой степени такие подходы приносили определенную пользу и имели успех в деле пропаганды новой веры.

В ведении одного из миссионеров находилась школа грамоты. Учащиеся в количестве 16 человек обучались за счет средств Оренбургского епархиального комитета ПМО. Интересные сведения даются в кратком очерке о работе подведомственной школы. В учебном заведении школьники сначала занимались по книгам и учебникам на казахском языке, изданным ПМО, затем постепенно переходили к чтению русских книг. Ученики постарше уравнивались с русскими учениками и проходили программу по русским учебникам. Каждый учебный день «начинался утреннею молитвою, во время которой киргизята встают и стоя выслушивают ее» [там же, л. 203 об.].

Описанные уроки в школах грамоты показывают, что утверждения миссионеров о безвредности их деятельности для туземной речи и мусульманской религии, как видим, не соответствовали действительности. Обучение в этой школе шло по системе Н. И. Ильминского, его главная цель была чисто миссионерская — стремление «просветить учащихся в истинах православной веры и укрепить их в этой вере» [19, ф. 64, оп. 1, д. 747, л. 4]. Разработанная Н. И. Ильминским система была поддержана миссионерами и чиновниками колониального аппарата. Попечитель Казанского учебного округа назвал Н. И. Ильминского «человеком Божьим», а прокурор Синода К. П. Победоносцев считал его «мужем великой силы и великого дела в числе немногих проповедников истины» [15, с. 193].

Во второй половине XIX в. в России активно работали православные церковные братства. Прежде чем начать свою деятельность, они должны были получить одобрение царя. Каждая такая организация имела свой устав, где указывалось, для чего она нужна была обществу. Так, в одном из них отмечалось, что создание братства необходимо «для служения нуждам и пользам православной церкви... и для распространения и утверждения духовного просвещения». Деятельность иноверных религиозных организаций представлялась как посягательство на права православной церкви. В 1881—1894 гг. в крупнейших городах империи было открыто 15 братств [7, с. 37].

Такие же братства создавались и на земле казахов. На юге Казахстана в 1869 г. было открыто Туркестанское епархиальное Казанско-Богородичное братство, преобразованное позже в Семиреченское, а на севере в 1897 г. образовано Омское епархиальное братство [19, ф. 15, оп. 1, д. 401, л. 556].

Деятельность этих организаций была направлена на распространение среди широких народных масс живого слова и здоровых понятий в духе православной веры, любви к отечеству и русской народности. Туркестанское братство способствовало обращению в православие иноверцев по всей Туркестанской епархии, куда входили Семиреченская, Сырдарьинская, Самаркандская области и Аму-Дарьинский отдел. Туземное население тогда составляло более 3,5 млн человек, на которых должны были оказывать влияние в православном духе «действительные члены братства: братчики и братчицы — 400 человек» [там же].

Исходя из особенностей края, помимо общих целей братств, основанных на уставе, ставились и другие. К примеру, главная цель Семиреченского братства заключалась «в содействии к распространению и укреплению веры Христовой между магометанами и язычниками, населяющими Туркестанский край» [20, с. 164]. Но наряду с основными приоритетами, оно также участвовало «в попечении о благолепии святых храмов, в поддержании народных школ в среде русского населения края, в пособии нуждающимся, преимущественно из числа новокрещенных, — вообще же в служении ближнему делами христианского милосердия телесного и духовного» [там же].

Отдельные чиновники колониальной администрации, не являясь членами братства, активно ему помогали: распространяли молитвенники, священные изображения и т. д. По области ими было роздано бесплатно и продано по пониженным ценам «более 300 экземпляров книг, брошюр и около 1000 штук крестиков жителям разных захолустных поселков Семиреченской области» [19, ф. 15, оп. 1, д. 401, л. 550].

Братства снабжались и печатными материалами на языке иноверцев. Среди книг, принадлежащих Туркестанскому братству, имелись работы и на казахском языке. Книги эти, по планам священников, должны были принести большую пользу в деле обращения благодаря своей низкой цене — от 3 до 40 коп. за экземпляр, «вполне доступной каждому». Они охотно брались мещанами города Верного «для обучения киргизов, находящихся в услужении у них на пашнях» [там же, л. 551].

Просветительская и миссионерская деятельность Омского братства также выражалась в неустанном и широком распространении по всей обширной Омской епархии книг церковно-богословского, религиозно-нравственного, патристического, антиалкогольного содержания, Библии, икон и предметов церковной утвари. Благодаря продаже по низким ценам и бесплатной раздаче братство снабжало по мере сил население этими изданиями [19, ф. 393, оп. 1, д. 129, л. 23].

Таким образом, деятельность братств тесно переплеталась с целями и задачами по насаждению православия среди казахского населения.

К миссионерским учреждениям относились учебные заведения по подготовке кадров для работы среди иноверцев. Духовные семинарии представляли собой средние учебные заведения для подготовки служителей культа. По утверждению миссионеров, открытие духовной семинарии в Омске стало настоятельной необходимостью. С учетом особенностей и нужд Омской епархии ставилась цель подготовки будущих выпускников семинарии к «миссионерской деятельности среди сектантства, раскольников и мусульман». По мнению епископа Гавриила, для этого нужно было за счет сокращения количества часов, отведенных на изучение латинского языка, или его исключения из учебной программы ввести в качестве обязательных предметов «местные инородческие языки» и гигиену [4, д. 146, л. 11—15, 17].

Согласно указу Синода от 29 декабря 1909 г. о предполагаемом открытии духовной семинарии в городе Омске, в учебный курс семинарии «нормального типа» должны были ввести как обязательные предметы «противомусульманскую полемику и киргизский язык» [4, д. 436, л. 16, 18]. Вооруженные знанием языка местных жителей и умением дискутировать с представителями мусульманского духовенства выпускники семинарии были обязаны увеличивать численность православных среди коренного населения.

В 1910 г. в Казани должен был пройти миссионерский съезд. В связи с этим разрабатывались вопросы, подлежащие обсуждению на форуме. Рассматривались проблемы христианского просвещения инородцев, воздействия церкви и духовенства на них, миссионерских мероприятий, издания необходимой литературы и другие. Особое внимание обращалось на «современное положение крещеных инородцев, их отношение к русским», а также на «религиозно-нравственное состояние крещеных и некрещеных инородцев, какие и чьи влияния» они испытывали [19, ф. 393, оп. 1, д. 100 б, л. 72]. Сложное положение крещеных среди бывших иноверцев, а также отступивших от православия инородцев нередко вызывало беспокойство миссионеров. Эту ситуацию следовало изучать особо, используя опыт проповедников православия, что и было учтено при подготовке съезда.

В деле христианизации казахов препятствием служила их религия — ислам. Обсуждению на предстоящем съезде подлежали вопросы, связанные с мерами борьбы с ним в Туркестанском крае. Они включали предложения по краткому знакомству с историей и обликом ислама, учреждению в Туркестанском крае должности одного противомогометанского миссионера, как главного организатора и руководителя епархиальными учреждениями противомогометанской миссии, ходатайству об открытии в Туркестанской епархии миссионерского среднего духовно-учебного заведения без преподавания древних и новых языков, но с изучением киргизского и сартовского наречий, арабского языка. Обсуждаемые вопросы были включены в повестку дня по той причине, что деятельность православных миссионеров не давала желаемых результатов. Имеется множество документальных свидетельств, где освещается активная работа по христианизации, но индифферентные казахи оставались верными религии предков.

Таким образом, православные миссионерские организации совместно с духовными служителями церкви и чиновниками колониального аппарата проводили активную работу по привлечению казахов и других инородцев в лоно православия. Однако все усилия, направленные на изменение

их вероисповедания, оказались безуспешными. Позже на смену царизму пришли большевики, провозгласившие строительство безбожного государства, и все религиозные заведения независимо от принадлежности к какому-нибудь вероисповеданию подверглись гонениям, большая часть их была уничтожена. Наступило время религиозного безверия.

Список литературы

1. Асылбеков М.-А. Х., Жаркенова А. М. Население Казахстана в конце XIX — начале XX в. (1897—1917 гг.). Алматы: Оркениет, 2001. 31 с.
2. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1886 год. СПб., 1888. 129 с.
3. Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. Омск, 1914. 1250 с.
4. Государственный архив Омской области. Ф. 16. Оп. 1.
5. Есикова Е. М. Миссионерская деятельность Русской православной церкви среди калмыков Оренбургской епархии (1859—1917 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 28. С. 134—141.
6. Записка, читанная в общем собрании членов Православного миссионерского общества 8 мая 1877 г. // Миссионер: еженедельное издание Православного миссионерского общества. 1877. № 30 (24 июля). С. 244—245.
7. Ипатьева А. А. Миссионерская деятельность Русской православной церкви на юге Дальнего Востока во второй половине XIX — начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 1999. 51 с.
8. Крафт И. И. Сборник узаконений об управлении областями Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской. Свод законов. Российской империи. Т. 2. Оренбург, 1898. 531 с.
9. Кузнецов Л. А. Краткий исторический очерк города Петропавловска Акмолинской области. Петропавловск, 1913. 87 с.
10. Левшин А. И. Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
11. Лифантьева Н. Распространение православия на северо-востоке России // Отечественные архивы. 2001. № 4. С. 70—75.
12. Лысенко Ю. А. Миссионеры Киргизской православной миссии о степени исламизации казахского общества на рубеже XIX—XX веков // Мир Большого Алтая. 2016. № 2. С. 44—54.
13. Миссионерский противомусульманский сборник: труды студентов миссионерского противомусульманского отделения при Казанской духовной академии. Казань, 1894. Вып. 20. 315 с.
14. Нечаев М. Г. Миссионерская деятельность церкви на Урале (1905—1916 гг.) // Христианское миссионерство как феномен истории и культуры: материалы Международной научно-практической конференции: в 2 т. Пермь, 1997. Т. 1. С. 69—83.
15. Остроумов Н. Памяти моего незабвенного учителя Н. И. Ильминского // Туркестанский сборник. СПб., 1909. Т. 520. С. 191—193.
16. Сергеев Ю. Н. Православная церковь в Башкирии — проводник политики царизма (II половина XVI — I половина XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1990. 18 с.
17. Сотников И. Несколько слов о возможности учреждения миссии между киргизами Средней орды // Православное обозрение. 1872. Май. С. 772—790.
18. Таймасов Л. А. Миссионерско-идеологическая деятельность православной церкви и противцерковное движение чувашского народа: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1991. 15 с.
19. Центральный государственный архив Республики Казахстан.

20. Церковно-общественный вестник // Туркестанский сборник. СПб., 1873—1875. Т. 73. С. 164—167.
21. *Шабунин В. В.* Миссионерская деятельность Русской православной церкви в конце XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 25 с.
22. *Шагжина З. А.* Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Забайкалье (вторая половина XVII — начало XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. 30 с.

УДК 94(470.315)''1973/1991'':379.85

ББК 63.3(2Рос-4Ива)63-7

DOI: 10.46726/H.2021.3.9

С. В. Точенов, Н. С. Цаплина

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ ИВАНОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ БММТ «СПУТНИК» ПО РАЗВИТИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО МОЛОДЕЖНОГО ТУРИЗМА В 1973—1991 ГОДАХ

В настоящей статье рассматриваются вопросы создания и функционирования Ивановского отделения Бюро международного молодежного туризма «Спутник». И, прежде всего, по линии осуществления одного из основных направлений деятельности — международного молодежного обмена с социалистическими и капиталистическими государствами. Вводятся в научный оборот материалы Государственного архива Ивановской области и местной периодической печати, источников личного происхождения (воспоминания работавших в интересующий нас период в «Спутнике»). Исследуются вопросы, связанные с организационно-хозяйственным аспектом деятельности, идеологической составляющей, отбором кандидатов на поездки, с возможностями приема туристов непосредственно в Ивановской области. Основное внимание в статье уделяется анализу работы Бюро в рамках двух основных направлений деятельности — организации поездок за рубеж и приема молодежи на Ивановской земле. Показана специфика в подходах к разработке различного рода маршрутов поездок в социалистические и капиталистические государства. Делается вывод о пользе и своевременности создания такого рода структур, как «Спутник», на заключительном этапе развития советского общества.

Ключевые слова: международный молодежный туризм, страны социалистического лагеря, капиталистические государства, туристические маршруты.

S. V. Tochenov, N. S. Tsaplina

ORGANIZATION OF WORK OF THE IVANOVO BRANCH OF BIYT “SPUTNIK” ON DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL YOUTH TOURISM IN 1973—1991

The article discusses the creation and functioning of the Ivanovo branch of the Bureau of International Youth Tourism “Sputnik”. First of all, attention is paid to the implementation of one of the main areas of activity — international youth exchange of socialist and capitalist states. Documents of the State Archive of the Ivanovo Region and local periodicals, sources of personal origin (memoirs

© Точенов С. В., Цаплина Н. С., 2021

of those who worked in this period in “Sputnik”) are put into scientific circulation. Issues related to the organizational and economic aspects of activities, the ideological component, the selection of candidates for travel, and the possibilities of receiving tourists directly in the Ivanovo region are investigated. The main attention is paid to the analysis of the work of the Bureau in two main areas of its activity — the organization of trips abroad and the reception of young people in Ivanovo. The article shows the features of approaches to the development of different types of travel routes to socialist and capitalist states. The article comes to the conclusion about the usefulness and timeliness of the creation of such structures as “Sputnik” at the final stage of the development of Soviet society.

Key words: international youth tourism, countries of the socialist bloc, capitalist states, tourist routes.

В настоящее время идет процесс возвращения ко многим идеям прошлого. Создается большое количество различных по направлениям деятельности молодежных организаций, проводятся многочисленные и масштабные акции и мероприятия. Решение проблем молодежи, ее занятости и развития является одной из наиболее важных задач для современной России. Одним из возможных путей такого решения может быть создание структуры, которая будет заниматься молодежным туризмом. Ведь, несмотря на наличие множества различных туристических фирм, ни в стране в целом, ни в Ивановской области такой структуры нет. Ее организация будет делом довольно сложным, если не учесть имеющийся многолетний опыт работы Бюро международного молодежного туризма (БММТ) «Спутник» Ивановского обкома ВЛКСМ. Оно осуществляло свою деятельность в области почти 20 лет, став примером успешного, рентабельного предприятия, занимавшегося решением значимых для молодежи проблем.

Деятельность БММТ «Спутник» применительно к Ивановской области практически не изучена, что в значительной степени и определяет актуальность выбранной темы исследования.

Необходимо отметить, что имеющаяся в нашем распоряжении научная литература, как советского, так и российского периодов, рассматривала, как правило, историю международного туризма в СССР в целом, отдельные регионы упоминались крайне редко, причем Ивановская область не фигурировала ни в одном из исследований. Краеведческих трудов, посвященных изучению деятельности БММТ «Спутник» в Ивановской области, нет. Из чего можно заключить, что внешняя туристическая деятельность «Спутника» практически не изучена.

В своей статье мы попытаемся на основе материалов Государственного архива Ивановской области, периодической печати, воспоминаний работников «Спутника» проанализировать внешнюю туристическую деятельность Бюро, выявить специфику его развития на различных этапах функционирования в период с 1973 по 1991 год, создать относительно полную и объективную картину деятельности региональных отделений на примере Ивановского.

БММТ «Спутник» было организовано в 1958 году как сектор при Комитете Молодежных Организаций [2, оп. 9, д. 109, л. 72]. До этого в стране существовало всего одно учреждение, созданное еще в 1929 году для обслуживания возросшего потока туристов-иностранцев — Всесоюзное акционерное общество «Интурист» [6, с. 291]. Кроме того, прием иностранных туристов периодически осуществляли Советский комитет защиты мира, комитет

советских женщин; комиссии по содействию иностранному туризму имелись в каждом творческом объединении [6, с. 298].

Появление такой структуры, как «Спутник», было обусловлено несколькими причинами: прежде всего, пополнением бюджета ВЛКСМ, а также идеологической работой с советской и зарубежной молодежью. Использование жесткой структуры и четкое выполнение поставленных задач позволили за 30 лет вывести «Спутник» в число ведущих мировых туристических организаций, как по объему деятельности, так и по видам предоставляемых услуг. В арсенале «Спутника» были различные виды услуг: морские, речные и озерные круизы, специализированные поездки для творческой молодежи, отправление за границу советских граждан и прием групп зарубежных туристов.

Одновременно с созданием БММТ «Спутник» в 1958 году был принят и его Устав, которому должны были следовать все местные отделения. До 1991 года он практически не менялся, в него вносились лишь незначительные коррективы. По Уставу «Бюро имеет своей задачей туристские путешествия зарубежной молодежи по СССР и направление советской молодежи для путешествий за границу в целях расширения связей советской молодежи с молодежью зарубежных стран, всемерного содействия дальнейшему укреплению дружбы и сотрудничества советской молодежи с молодежью других стран» [2, оп. 9, д. 109, л. 72].

В 1973 году в связи с успешной деятельностью центрального Бюро началось массовое создание «Спутников» по всей стране. В Ивановской области он появился в январе 1973 года. Возраст людей, которых «Спутник» обслуживал, составлял от 18 до 30 лет, само название структуры подразумевало работу именно с молодежью.

За время существования у Ивановского «Спутника» было всего два руководителя (председателя). Первым была Ольга Борисовна Чистякова, она возглавляла Бюро с 1973 по 1987 год [1, с. 1]. Последние три года (1988—1991) «Спутником» руководил Валерий Викторович Иванов. Председатель отвечал за всю экономическую деятельность, разрабатывал финансовую стратегию предприятия, утверждал направления деятельности, распределял должностные обязанности работников [1, с. 7]. Так же в его компетенцию входил подбор кадров и их обучение. Первоначально штат насчитывал 4 человека (председатель, бухгалтер, ответственный исполнитель и референт) [1, с. 2]. Он никогда не был большим, к концу изучаемого периода в «Спутнике» работало всего 14 человек.

В связи с этим значительное внимание уделялось набору актива, т. е. внештатных сотрудников (гидов-переводчиков, экскурсоводов и групповодов). Набираемые в основном из комсомольских организаций вузов, они не получали ежемесячную заработную плату, расчет осуществлялся по окончании работы [1, с. 3]. Подготовку внештатных сотрудников помогал осуществлять Совет научных консультантов, состоявший в основном из преподавателей вузов. Он был создан отдельной секцией при «Спутнике» и насчитывал около 20 человек, которые работали на общественных началах. Еще один сегмент «Спутника» — интерсекция — так же помогал готовить внештатных сотрудников, работал с группами прибывающих из-за рубежа туристов [1, с. 4]. При подготовке гидов-переводчиков большую помощь оказывали факультет романо-германской филологии ИвГУ и Энергоинститут. Преподаватели были по каждому европейскому языку [1, с. 5]. Подготовкой экскурсоводов, групп, готовящихся к зарубежным поездкам, параллельно занималась государственная организация — общество «Знание».

При выезде туристов за рубеж каждую группу возглавлял руководитель. «Руководитель группы отвечал за все, что происходит, начиная с момента начала туристической поездки, заканчивая возвращением в свою страну. Это и здоровье туристов, и их поведение, и программа поездки, и связь с гидом принимающей страны, и многое другое. Необходимо было делать все, чтобы не произошло какой-либо провокации, как с принимающей стороны, так и со стороны наших туристов» [1, с. 6]. Важно отметить, что руководителями групп являлись, как правило, работники ВЛКСМ, начиная от секретарей комитетов комсомола и заканчивая секретарями местного обкома. После каждой поездки руководитель готовил отчет.

Работа «Спутника» была во многом идеологизирована. Кроме руководителей, в каждой группе был человек, отвечающий за идеологическую работу. Он готовил вопросы для встреч с иностранцами, ответы на их вопросы и т. п. [1, с. 15]. В группе обязательно был политический актив, который отвечал за ведение пропагандистской работы. Курировали работу «Спутника» органы безопасности. Сотрудники КГБ инструктировали руководителей групп и актив, экскурсоводов, проверяли и утверждали списки отъезжающих, работали с прибывшими иностранцами. Об этом говорится во многих отчетах. «Перед приемом групп иностранных туристов нас обычно вызывали в КГБ, где работники проводили инструктаж, особо обращая внимание на то, что необходимо сообщать обо всех серьезных происшествиях. Но их, к счастью, не случалось» [1, с. 17].

Самостоятельной организацией в Ивановской области «Спутник» (как и другие отделения по всей стране) никогда не был. Он являлся отделом областного комитета комсомола. Вследствие этого существовала двойная подотчетность — ЦК ВЛКСМ и Ивановскому Обкому ВЛКСМ [1, с. 3].

Ивановский «Спутник» был рентабельной организацией. В 1974 году он перешел на самостоятельное финансирование (хозрасчет). В основном прибыль складывалась за счет приема групп зарубежной молодежи. От прибыли «Спутнику» оставались 20 %, остальные 80 уходили ЦК ВЛКСМ [1, с. 3]. Архивные документы позволяют сделать вывод о том, что на протяжении всего периода существования Ивановского «Спутника» практически всегда выполнялись (или перевыполнялись) спущенные сверху планы. Поэтому наш «Спутник» считался одним из лучших в стране.

20 %, которые оставались в местном отделении, уходили на материально-техническую базу, оплату различного вида услуг, заработную плату сотрудникам, премии и на все, что касалось развития «Спутника» в той или иной области. На его балансе не было ни автобусов, ни машин, ни каких-либо объектов. Для приема групп зарубежной молодежи необходимо было заключать договоры с различными организациями, занимающимися сервисом и обслуживанием (гостиничное хозяйство, транспортные предприятия и т. п.) [1, с. 5].

Установлением связей со всеми зарубежными странами занимался центральный «Спутник». «Все было жестко структурировано и шло через Москву, именно там принималось решение, что Иваново будет контактировать с такими-то городами» [1, с. 8]. У областного центра были города-побратимы — польский Лодзь и Вантаа в Финляндии [1, с. 5].

В среднем пребывание за рубежом длилось 10—15 дней. Советским туристам при выезде за рубеж разрешалось брать с собой определенное количество денег. Нам удалось узнать эту информацию только применительно к 1980-м. В это время эта сумма составляла 250—300 рублей [1, с. 7]. По приезду в страну

выезда деньги менялись на местную валюту. На них часто покупался так называемый «джентльменский набор», в который входили: модные очки, костюм, джинсы, дипломат и т. п. [1, с. 7].

В первые годы своего самостоятельного существования Ивановское отделение устанавливало связи с различными регионами и странами. Но основным направлением считалась организация поездок в социалистические страны и прием молодежи на Ивановской земле.

Поездки в социалистические страны было легче организовать, а обмен туристами между странами социализма должен был способствовать развитию связей и сплочению молодежи этих государств. В так называемые капиталистические страны туристические вояжи начали проводиться немного позже. На протяжении всего периода деятельности БММТ «Спутник» поток в социалистические страны был значительно больше. Об этом свидетельствуют следующие цифры: в 1974 году социалистические страны посетили 824 ивановца [2, оп. 24, д. 49, л. 45], а капиталистические — всего 90 [2, оп. 24, д. 49, л. 40]. В 1983 году это соотношение изменилось незначительно: 811 [2, оп. 35, д. 89, л. 29] к 120 [2, оп. 35, д. 89, л. 31], а в 1989 году 900 [2, оп. 39, д. 286, л. 15] туристов поехали в страны социалистического лагеря, а в страны Запада — 400 человек [2, оп. 39, д. 286, л. 40].

Наиболее посещаемыми социалистическими странами, куда выезжала наша молодежь, были Польша и Болгария, а также — Венгрия, Чехословакия, Югославия, Румыния, Германская Демократическая Республика.

Основные маршруты:

• Венгрия: Будапешт — Залаэгерсег — Дебрецен.

• Болгария: Плевна — София — Пловдив — Великово — Тырново — Варна.

• Германская Демократическая Республика: Берлин — Ауэ — Карл-Маркс-Штадт — Дрезден — Берлин; Берлин — Лейпциг — Дрезден — Берлин.

• Румыния: Бухарест — Констанца — Предял — Бухарест.

• Польша: Варшава — Лодзь — Пельше — Люблин — Варшава.

• Югославия: Белград — Люблина — Ровинь — Загреб — Белград —

Выпал.

Сами поездки осуществлялись на автобусах и в составе экскурсионных поездов, основным из которых был поезд «Дружба». Он впервые был сформирован в 1975 году по решению Центрального Комитета комсомола. В поезде были представлены отряды, объединявшие представителей различных областей [3].

В ходе поездки туристы посещали наиболее интересные города, где осматривали музеи, памятники, знакомились с прошлым и настоящим, культурой принимающих стран. На посещение любого города в среднем отводилось 1—3 дня, хотя были и исключения. Это, например, столица Болгарии София, в ней группа обычно была 5—6 дней [2, оп. 24, д. 49, л. 2]. За поездку туристы посещали в среднем от четырех до семи городов. Обязательными пунктами программы всегда были встречи с местной молодежью, возложение венков к памятникам павшим во время Великой Отечественной войны 1941—1945 годов солдатам Советской Армии, а также к памятникам В. И. Ленину. Все это подтверждает мысль об определенной идеологической составляющей при организации поездок.

В Болгарии, в Плевне, туристы посещали парк имени Скобелева, Мавзолей и Военно-исторический музей [2, оп. 24, д. 49, л. 2]. Большое впечатление

на туристов, как правило, производило посещение музея Г. Димитрова, поездки на гору Витоша и выход в парк на эстрадную программу «Осень-74». Иногда посещались монастыри, но это было вне программы [2, оп. 24, д. 49, л. 2]. В Венгрии было организовано посещение концертной программы «Варьете» и Национальной галереи, прогулка в луна-парк. Так же туристы часто посещали там археологический музей или места раскопок [2, оп. 24, д. 49, л. 21]. В Берлине неизгладимое впечатление на туристов производило посещение Музея Советской Армии. Другим часто посещаемым местом в ГДР был Музей немецкого рабочего движения.

Стоит отметить несколько специфический, на наш взгляд, пункт программы — встречи с местной молодежью. Они были направлены на то, чтобы показать (и доказать), что жизнь советского народа близка к идеалу, к которому надо стремиться. Однако встречи не всегда были интересны самой молодежи. В 1970-е они проходили довольно интересно в Венгрии, Польше, Болгарии. В начале 1980-х ситуация несколько изменилась, в отчетах этих лет часто указывается на то, что «...формально стали подходить к организации встреч советской и зарубежной молодежи партнеры в ВНР, СРР, ЧССР. Руководителям туристских групп приходилось приложить немало усилий, для того чтобы встречи состоялись. Не всегда общение с зарубежными сверстниками приносило удовлетворение нашим туристам, так как общение получалось односторонним. Часто случалось, что количество молодых людей с принимающей стороны было настолько мало (2—3 человека), что нашим туристам некому было вручить пропагандистскую литературу и сувениры» [2, оп. 35, д. 89, л. 19]. Подобные формулировки нами были найдены во многих отчетах. К 1990 году такие встречи вообще стали редкостью. «Перестройка» изменила взгляды на многие вещи и события. В связи с этим, молодые люди перестали бояться говорить, что подобные встречи просто не нужны, т. к. основная масса ехала отдохнуть, а не общаться с неизвестными им людьми. Туристам было интереснее посетить больше музеев, памятников, в конце концов, просто пройтись по магазинам.

Одним из важных аспектов международного молодежного туризма в СССР, начиная со второй половины 70-х годов, был прием групп зарубежной молодежи. На протяжении всего периода существования Бюро поток туристов, направленных за рубеж, превышал количество принятых групп интуристов.

Встрече групп предшествовала большая организационная работа. За месяц до их приезда «Спутник» подавал заявки на размещение и питание, экскурсионное и транспортное обслуживание во все сотрудничавшие с бюро организации: гостиничное хозяйство, трест ресторанов и кафе, автотранспортные предприятия и областную контору кинопроката [2, оп. 32, д. 128, л. 6].

Туристы, как правило, проживали в гостинице «Центральная» и питались в ресторане «Москва». Иностранцы размещались в номерах по 3—4 человека, в комнате обязательным было наличие душевой кабинки [2, оп. 24, д. 1, л. 8]. Принимающая сторона делала все возможное, чтобы отдых приезжающих был качественным и полноценным, хотя возможности ее были ограничены.

С целью обеспечения безопасности иностранных туристов и на случай, если они попытаются нарушить советское законодательство, «Спутник» сотрудничал с местными органами МВД и КГБ. Был создан оперативный комсомольский отряд, который постоянно находился в местах пребывания туристов и пресекал попытки отдельных лиц идти на незаконные контакты и сделки с гостями [2, оп. 28, д. 99, л. 6].

На основе изученных нами документов можно составить типовую программу для туристов из социалистических стран.

- Автобусная лекция-экскурсия «Иваново — Родина Первого Совета».
- Посещение камвольного комбината имени В. И. Ленина.
- Встреча с ветеранами партии.
- Встреча в городском и районном Совете депутатов трудящихся.
- Экскурсия Иваново — Шуя — Палех.
- Интернациональный вечер Дружбы с комсомольским активом.

Дополнительными пунктами могли быть посещение молодежных рабочих общежитий, фабрик и заводов, экскурсии в вузы города.

Особый интерес из предложенного программой, вызывали экскурсии в Палех. Часто туристы просили включить в программу посещение города Суздаля за дополнительную плату.

В течение всего изучаемого периода прием туристов из социалистических стран включал в себя встречи с местной молодежью и областным руководством. Беседы всегда происходили на высоком уровне, к их организации подходили с большой ответственностью. Туристы активно интересовались жизнью ивановской молодежи, задавали вопросы, старались понять специфику страны. Подобные слова приводились в каждом отчете о приеме групп зарубежной молодежи из социалистических стран. Но, так же, как и нашим туристам за рубежом, молодежи иностранных государств вряд ли было интересно посещать фабрики, встречаться с местным партийным руководством. Большой интерес естественно вызывали экскурсии.

Традиционно для всех групп, приехавших из-за рубежа, организовывались торжественные проводы на железнодорожном вокзале [2, оп. 36, д. 85, л. 11].

Каждый год «Спутник» стремился вносить в программу что-то новое. В 1978 году это был «День комсомольских организаций», в рамках которого иностранные туристы имели возможность поближе познакомиться с деятельностью молодежных структур [2, оп. 28, д. 99, л. 6]. В 1979 году группа иностранных туристов принимала участие в праздничной первомайской демонстрации, а в 1984 году в программу включались такие мероприятия, как концерты танцевального ансамбля «Улыбка» Ивановского Дворца пионеров, вечера Дружбы [2, оп. 36, д. 85, л. 11]. Также были устроены показы советских фильмов на родном языке туристов. Большое впечатление произвел просмотр таких фильмов, как «А зори здесь тихие» и «Офицеры» [2, оп. 32, д. 128, л. 7]. Еще одна интересная задумка, которую удалось воплотить в жизнь в конце 1970-х, — курсы русского языка для иностранных туристов на базе Ивановского государственного университета. Одной из первых групп, которая попробовала это нововведение, была делегация из Польши. Впоследствии такая практика была введена для туристов из всех стран.

После проведения мероприятий поступали предложения, как в адрес «Спутника», так и в адрес самих гостей. Пожелания в адрес «Спутника», как правило, были о предоставлении свободного времени. Предложения и претензии «Спутника» были связаны в основном с плохим поведением отдельных туристов. Отмечались и случаи продажи туристами вещей советским людям [2, оп. 36, д. 85, л. 10].

Сам факт появления полноценного местного отделения Бюро позволил многим молодым ивановцам совершить поездки за рубеж. Несмотря на отдельные проблемы, с которыми сталкивались за рубежом советские туристы из-за некачественного обслуживания, в целом они оставались довольны.

Прием иностранных гостей в области был организован, как правило, на высоком уровне, что в значительной степени способствовало укреплению репутации Бюро.

Деятельность Бюро международного молодежного туризма «Спутник» распространялась не только на социалистический лагерь, но и на капиталистические страны. С ними, естественно, контактов было меньше, и со многими государствами они устанавливались вплоть до 1991 года.

В среднем туристическая поездка составляла около 10 дней, группа комплектовалась в составе 25—30 человек. Формирование групп происходило по той же схеме, что и в социалистические страны. В них входили в основном активисты комсомола и ударники труда.

В 1978 году БММТ «Спутник» с целью более эффективной подготовки внедрил в практику своей работы организацию встреч с туристами, уже побывавшими в капиталистических странах. Кроме того, для выезжающих проводилась имитация политических дискуссий, что позволяло при встрече с жителями принимающей стороны достойно отвечать на задаваемые вопросы. Проведение дискуссий было возложено на Совет научных консультантов и лекторов общества «Знание» [2, оп. 35, д. 89, л. 3].

Со временем эта работа только усиливалась. По отчетам последних лет существования «Спутника» видно, что потенциальным туристам продолжали читать лекции о международной обстановке, идеологической борьбе, культуре поведения. Беседы, помимо лекторов общества «Знание», проводили так же председатель БММТ «Спутник» конца 1980-х В. В. Иванов и сотрудники КГБ [5].

В первый год самостоятельной деятельности «Спутник» организовал тур для наших сограждан в Норвегию и Швецию. Ехали с уже сформировавшимся мнением о странах, где «...обязательно должны были быть элементы загнивания капитализма». Программа включала в себя осмотр столиц, Дворца короля Норвегии, возложение цветов к памятникам павшим во время II Мировой войны советским воинам [2, оп. 24, д. 49, л. 42]. В отчете руководителя группы по итогам поездки присутствовало активное неприятие капиталистического мира, всячески высмеивался тот уклад жизни, который был присущ скандинавским странам. Общие впечатления от поездки подытоживались следующей фразой: «Путевка дорогая, посмотреть поучительного и интересного нечего» [2, оп. 24, д. 49, л. 53].

Подобные идеологизированные отзывы были характерны для первых лет контактов. Понятно, что руководители в своих отчетах писали только то, что от них хотели услышать, общие же впечатления посетивших капиталистические страны, вероятно, были совсем другими.

Одной из самых посещаемых советскими туристами капиталистических стран стала Федеративная Республика Германия. Для путешествий был избран маршрут: Франкфурт — Бонн — Кельн — Ганновер — Гамбург [2, оп. 24, д. 84, л. 5]. Самыми интересными и посещаемыми местами были: дом-музей Бетховена, Бундестаг, Кельнский собор, Дом молодежи, дом-музей Гете [2, оп. 24, д. 84, л. 9]. Прием в 1970-е годы осуществляли, как правило, левые прокоммунистические организации, поэтому о недостатках в отчетах руководителей групп практически не упоминалось.

В начале самостоятельной деятельности, в 1975 году, «Спутник» организовал посещение Англии и США ивановским ансамблем «Молодость». В число стран, с которыми были установлены отношения помимо вышеперечисленных,

вошли Бельгия, Нидерланды, Финляндия, Испания [2, оп. 24, д. 84, л. 15, 25, 40]. В последних двух странах, судя по отчетам, прием был плохо организован: «...лишью свободного времени, не было контактов с рабочей молодежью, слишком много внимания уделялось посещению церквей и соборов». По нынешним меркам претензии абсолютно абсурдные, по тем временам — стандартные.

Часто посещаемой страной была и Франция, с маршрутом Париж — Лилль — Аррас — Компьен [2, оп. 24, д. 84, л. 45]. Советские туристы посещали текстильные фабрики, в программе было возложение цветов к памятнику советскому лейтенанту, воевавшему вместе с французскими партизанами, посещение семей [2, оп. 24, д. 84, л. 25]. Именно во Франции в конце 1970-х состоялись первые политические дискуссии молодежи по вопросам внутренней жизни обеих стран. В целом они носили дружеский и непринужденный характер. Нашим туристам задавались вопросы о дальнейшем развитии марксистско-ленинской теории, о правах человека в СССР, о Сталине, об учебных заведениях, о безработице [2, оп. 24, д. 84, л. 26]. Такие вопросы позже формулировались практически в рамках всех поездок на протяжении всего рассматриваемого периода.

Со временем, по мере установления связей, увеличивалось число западных стран, посещаемых советскими туристами. Так если в 1974 году их посетило всего около 80 человек [2, оп. 24, д. 49, л. 15], то в 1985 уже 160 [2, оп. 37, д. 82, л. 45], а в 1990 — около 550 [2, оп. 39, д. 344, л. 25]. Отчеты второй половины 1980-х уже менее идеологизированы. Наблюдается рост интереса не к навязываемым ранее посещениям промышленных предприятий, политбоям с местной молодежью, а к осмотру памятников архитектуры, музеев, парков.

Контакты с капиталистическими странами были двухсторонними. «Спутник» не только отправлял советских граждан в туристические поездки, но и обеспечивал надлежащий прием западных туристов в СССР. Группы из этих стран называли «группами особого внимания». Первый отчет об их приеме датирован 1977 годом.

Существенных различий в приеме туристов из социалистических и капиталистических стран не было. Подготовка обычно начиналась за месяц до прибытия группы. Программа утверждалась на Секретариате Областного комитета ВЛКСМ и согласовывалась в Городском и Областном комитете КПСС [2, оп. 28, д. 99, л. 19]. Все группы были обеспечены шефствующими комсомольскими организациями.

Приезжала в основном учащаяся молодежь, в Иваново туристы пребывали обычно 2—3 дня. Как правило, они проживали в гостинице «Центральная» и питались в ресторане «Москва» [2, оп. 32, д. 128, л. 6]. Кроме этой гостиницы и ее ресторана, других подобных организаций в отчетах не упоминается, замечаний по размещению и питанию не найдено. Кроме самого Иваново, посещались Шуя и Палех.

Основные задачи, которые ставил перед собой «Спутник», оставались одинаковыми на протяжении всей его деятельности: показать достижения советского государства во всех областях коммунистического строительства; познакомить туристов с революционными, боевыми и трудовыми традициями текстильного края.

К середине 1980-х контакты были успешно налажены, прежде всего, с европейскими государствами, осуществлялся прием групп из ФРГ, Франции, Финляндии, Италии, Испании [2, оп. 35, д. 89, л. 8]. Для всех иностранных туристов, приехавших по линии «Спутника», проводились курсы русского языка при Ивановском государственном университете.

Несмотря на столь похожую организацию приема туристов, стоит упомянуть о некоторых существенных различиях. Одним из пунктов программы было посещение семей. Это новшество было введено еще в 1978 году. Для встреч, как правило, подбирались семьи экскурсоводов, работавших с конкретной группой и знавших иностранные языки [2, оп. 32, д. 128, л. 6]. Приезжавшие туристы оставались довольны и качеством обслуживания, и содержанием программ.

Неизменным оставалось посещение предприятий. Список наиболее часто задаваемых вопросов включал в себя интерес к организации досуга молодежи, распределению бюджета среднестатистической семьи, продолжительности рабочего дня, оплате труда и т. п.

После посещения туристические группы оставляли свои отзывы, которые в подавляющем большинстве были очень теплыми.

Нельзя не отметить, что все группы зарубежной молодежи снабжались пропагандистскими материалами о жизни в СССР на родном языке. Так, французская молодежь в начале 1980-х была обеспечена материалами XXVI съезда КПСС, информацией о развитии отдельных отраслей культуры, экономики, науки [2, оп. 32, д. 128, л. 8]. Мы можем предположить, что эта информация вряд ли являлась интересной для туристов. Но это еще раз подчеркивает серьезную идеологическую составляющую приема.

Традиционными были пожелания зарубежных туристов в адрес БММТ «Спутник»: давать более опытных гидов с хорошим знанием иностранного языка, согласовывать графики заезда групп. Это говорит о том, что, несмотря на тщательную подготовку к приему групп из капиталистических стран, имели место недочеты.

Самые большие претензии со стороны самого «Спутника» были в адрес гостей из ФРГ: «Они преднамеренно выискивали объекты, не относящиеся к советской действительности, и фотографировали их с целью их дальнейшего распространения. Такими объектами выступали некоторые неряшливо одетые люди или помойки» [2, оп. 32, д. 128, л. 9]. Подобные обвинения сейчас нам кажутся беспочвенными и смешными, но тогда, в начале 1980-х, это было обычным делом.

Подводя итог и оценивая работу «Спутника» в Ивановской области за почти двадцатилетний период, необходимо отметить, что, несмотря на некоторые организационные недоработки, нерешенность ряда важных проблем, излишнюю идеологизированность, в целом деятельность Бюро можно оценить как положительную. Несомненна польза и своевременность создания такого рода структур, как «Спутник», на заключительном этапе развития советского общества. Поездки молодежи за рубеж, прием гостей на Ивановской земле всегда были праздником, приносили положительные эмоции, давали много новой и полезной информации.

Список литературы

1. Воспоминания работников БММТ «Спутник» // Личный архив авторов.
2. Государственный архив Ивановской области. Ф. 342.
3. Жатва начинается // Рабочий край. 1985. 13 января.
4. Маршрут «Спутника» длиной в год // Ленинец. 1981. 27 сентября.
5. Отчет о пребывании группы туристов из Иванова и Ленинграда в США (1975 г.).
6. Соколова М. В. История туризма. М.: Мастерство, 2002. 352 с.

УДК 94(4)"04/05"
ББК 63.3(0)41-913-8
DOI: 10.46726/H.2021.3.10

В. М. Тюленев

КАССИОДОР — ЧЕЛОВЕК, СОЗДАВШИЙ О СЕБЕ МИФ

В статье рассматривается вопрос о том, какой литературный автопортрет создал Флавий Кассиодор и тем самым повлиял на формирование мифа о себе в науке XIX—XX вв. В статье анализируются три основных компонента этого мифа. Во-первых, показано, что для Кассиодора было важным показать себя представителем древнего римского рода и поборником римских аристократических традиций, в том числе связать славу своего рода с государственным служением и литературными занятиями. Во-вторых, кратко рассмотрено его понимание собственного места в политической жизни Остготского королевства. В частности, показано, как Кассиодор превращает себя в важнейшую фигуру при дворе остготских королей. В-третьих, проанализирован образ Кассиодора как создателя Вивария и теоретика образования. Все три составляющие самопрезентации Кассиодора позволяют увидеть в нем выдающегося позднеантичного риторика, конструирующего свой портрет в глазах современников и потомков. В то же время показано, как часто этот портрет оказывается далек от реальности.

Ключевые слова: Кассиодор, самопрезентация, идентичность, поздняя античность, риторика.

V. M. Tyulenev

CASSIODORUS: A MAN WHO CREATED A MYTH ABOUT HIMSELF

The article considers the question of the literary self-portrait created by Flavius Cassiodorus and how it influenced the formation of the myth about himself in the science of the XIX—XX centuries. The article analyzes three main components of this myth. First, it is shown that it was important for Cassiodorus to show himself as a representative of an ancient Roman family and a devotee of Roman aristocratic traditions, including associating the glory of a kind with public service and literary pursuits. Secondly, it briefly examines his understanding of his own place in the political life of the Ostrogothic kingdom. Particularly, it shows how Cassiodorus turns himself into an important figure at the court of the Ostrogothic kings. Thirdly, the image of Cassiodorus as the creator of the Vivarium and the theorist of education is analyzed. All three components of Cassiodorus's self-presentation allow us to see in him an outstanding late antique rhetorician who constructs his portrait in the eyes of his contemporaries and descendants. At the same time, it is shown how often this portrait turns out to be far from reality.

Key words: Cassiodorus, self-presentation, identity, late antiquity, rhetoric.

Название настоящей статьи носит несколько провокативный характер. Сначала даже хотелось поставить знак вопроса после заявленного тезиса, но это был бы явно риторический вопрос. Кассиодор, оставивший после себя большое литературное наследие, неизбежно создал тем самым миф о себе.

© Тюленев В. М., 2021

Мы судим о писателе, ориентируясь прежде всего на его тексты, вне зависимости от того, насколько ярко он в них себя выразил и хотел ли вообще отразить себя в них. Для риторической культуры поздней Античности, к которой принадлежал Кассиодор, самопрезентация автора — вещь само собой разумеющаяся. Образованный человек того времени писал письма, да и не только письма, не в последнюю очередь, чтобы заявить о себе, своих талантах, чувствах, отношении к собеседнику и пр. [7, с. 84]. Поэтому вопрос априори получил бы утвердительный ответ, и на этом разговор можно было бы завершить. Тем не менее представляется важным не только констатировать, что, читая сохранившиеся труды Кассиодора, мы помимо заложенного в них содержания видим еще и автора, вольно или невольно рассказывающего о себе, но имеет смысл также разобраться с тем, к чему сводится этот «миф».

Проблема авторской самопрезентации в древнеримской литературе, несмотря на свою новизну, уже имеет некоторую исследовательскую традицию, по крайней мере, предложена определенная методология изучения того, в англоязычной литературе получило название *self-presentation* [19, 20]. В качестве примера-иллюстрации сошлемся на одно лишь сравнительно недавнее коллективное исследование «*Self-Presentation and Identity in the Roman World*», авторы которого рассматривают эту проблему на материале римской литературы конца Республики и эпохи Принципата [19]. В названии упомянутого сборника неслучайно поставлены рядом понятия самопрезентации и идентичности. Очевидно, что, говоря о самопрезентации любого автора, приходится вести разговор также о его самоидентичности, о том, к какому этнокультурному, социальному, политическому кругу он себя относил [11, р. vii]. Обращаясь к литературному наследию Кассиодора, нам также хотелось бы рассмотреть, с одной стороны, в качестве кого, то есть членом какой группы, обладателем какой власти он стремился презентовать себя читателям (своим современникам и потомкам), и, с другой, каким он оказывался на страницах своих произведений, возможно, помимо своей воли, то есть рассмотреть и эксплицитный, и имплицитный уровень самопрезентации Кассиодора.

Жизни и творчеству Кассиодора посвящены сотни трудов, обобщение которых могло бы стать предметом отдельного исследования¹. При этом сразу необходимо сказать, что все попытки реконструировать жизнь Кассиодора и оценить его вклад в политическую историю Италии VI в. и, особенно, историю культуры раннесредневековой Европы, неизбежно опирались на результат его самопрезентации. Труды Кассиодора, его манера говорить о себе убедили историков XIX—XX вв. в том, что, во-первых, он был ключевой фигурой при дворе остготских королей (Теодориха Великого, Амасунты, Теодата, Витигеса), играя роль «серого кардинала» [18, р. 63—64; 4, с. 82; 6, с. 36—37], во-вторых, что он создал уникальное учебное заведение на базе монастыря, Виварий, которому суждено было стать спасительной гаванью для античной культуры в период бурного становления новой христианской цивилизации на латинском Западе [4, с. 142—144; 12, р. 336; 13, р. 51; 18, р. 381—382]. Оценки, которые прозвучали из уст Якоба Хаммера в адрес Кассиодора, уже своей тональностью убеждают читателя, что перед ним не столько реальный исторический деятель далекого VI в., сколько «культурный герой», «благодетель человечества» (*benefactor of humanity*), который «спас

¹ Обзор исследований, посвященных Кассиодору, можно найти в работах В. И. Уколовой [4, с. 75—83] и П. П. Шкаренкова [6, с. 22—32].

сокровища былых времен» (*saved the treasures of the past*) и без чьего участия древние памятники бесследно исчезли бы [15, p. 381—382].

Разумеется, подвергнуть анализу все литературное наследие Кассиодора и на его основе определить, каким образом он формировал память о себе, в рамках одной статьи невозможно, поэтому мы обратимся к трем основным моментам, составляющим «миф» о Кассиодоре. Во-первых, к его позиционированию себя в качестве представителя древнего римского рода; во-вторых, к его определению собственного места в политической жизни Остготского королевства; наконец, в-третьих, к образу Кассиодора-создателя Вивария.

Изучение вопроса о самоидентичности Кассиодора и его самопрезентации облегчается тем, что он, оставивший после себя значительное литературное наследие, не скрывается от читателя. В целом ряде вошедших в его знаменитые «Варии» речей и писем, написанных преимущественно от лица остготских королей, он, говоря о себе в третьем лице, показывает собственное место при дворе и в административной жизни королевства. В более поздних богословских трудах он также с удовольствием говорит о своих намерениях, поясняет, что двигало им при обращении к тому или иному вопросу. Наконец, его перу принадлежит дошедшее до нас в виде небольшого фрагмента сочинение «*Ordo generis Cassiodororum*», в котором Кассиодор попытался представить историю своего рода, определив в ней и свое место.

Датировка упомянутого «*Ordo generis*» затруднительна. Несмотря на то, что сохранившийся фрагмент открывается вступлением, в котором Кассиодор назван уже монахом, скорее всего, работу над текстом следует отнести к 527—533 гг., о чем говорит упоминание должностей, занимаемых Кассиодором [18, p. 14]. То есть это время, когда завершился первый важный этап его политической карьеры при Теодорихе Великом, а возвращение в политику в качестве префекта претория было еще впереди [18, p. 14]. В тексте привлекают к себе внимание прежде всего два момента.

Во-первых, как уже не однократно было отмечено в литературе, Кассиодор самим фактом написания истории своей семьи хотел представить читателю свой род достаточно древним, связав его с римским родом Анициев [16, p. 209—211; 4, с. 82; 7, с. 35]. Насколько он углубился в прошлое своей семьи и каким образом его сирийский по происхождению род оказался связан с Анициями, по фрагменту определить невозможно; очевидно только то, что дошедший до нас отрывок, включающий краткие биографические очерки о Симмахе, Боэции и самом Кассиодоре, не оставляет у читателя сомнений по поводу родственных связей первых сенаторов и самого Кассиодора.

Разумеется, стремление прославить свой род было общим для римской культуры, в том числе (и, быть может, особенно) для римской культуры V—VI вв., когда представители римской и галло-римской элиты ощущали серьезные социальные и культурные изменения, затронувшие позднеантичное общество, когда вопрос культурной идентичности встал особенно остро [1, с. 421; 14]. Кассиодор еще раз пишет о своих предках в «Вариях», в письме, составленном от имени короля Теодориха, где он, извещая сенат о возведении отца в патриции, перечисляет достижения также деда и пишет в целом: «Древний род, славные предки, облаченные в тогу» [10, p. 15 (I, 4, 9)]. А далее обращает внимание на то, что слава его рода разошлась по обеим царствам, то есть и по восточной части Империи, и по западной [10, p. 15 (I, 4, 14)]. Таким образом, проблема, очевидно, не только в тщеславии, простительном для людей круга Кассиодора. Более важным, скорее, является то,

что предложенное Кассиодором родословие в «*Ordo generis*» оказалось фикцией [16, р. 209—211]. Его прадед, дед и отец, сведения о которых не сохранились в дошедшем до нас фрагменте «*Ordo generis*», но приведены в упомянутом выше письме Теодориха, действительно, прославились, защищая Италию и участвуя в ее управлении. И, как пишет Дж. О’Доннелл, каждый из них сумел извлечь выгоду в динамично меняющейся политической обстановке, всякий раз оказываясь в выигрышной позиции; особенно отец Кассиодора, который, будучи наместником Сицилии при Одоакре, вовремя перешел на сторону Теодориха и тем самым оказался в стане победителя [18, р. 32]. Но этому роду было далеко до Анициев, и в Италии они были очевидно «новыми людьми», «высочками» [6, с. 35].

Во-вторых, Кассиодор явно стремился связать славу своего рода не только с гражданским служением, но и с литературными и научными занятиями. Он не только указывает, какие посты занимали его родичи, но обращает, в частности, внимание на то, что Симмах написал римскую историю в семи книгах [10, р. vi (lin. 10)]², а Бозэций — прекрасный оратор, «весьма сведущий в обоих языках» [10, р. vi (lin. 16—17)]. Возможно, Кассиодор, отбирая информацию преимущественно о литературных занятиях представителей своего рода, ориентировался на сочинение Иеронима «О знаменитых мужах» [5, с. 538], но это лишь убеждает нас в том, что его идеал аристократического рода предполагал симфонию гражданского служения и научного творчества. Отрывок, посвященный самому Кассиодору, есть смысл привести целиком: «Кассиодор Сенатор, образованнейший муж, обладающий многими достоинствами. Он был еще юн, когда стал советником отца-патриция и префекта претория Кассиодора и произнес красноречивейшую хвалу королю готов Теодориху, и был произведен им [Теодорихом] в квесторы, патриции и ординарные консулы, а потом в магистры оффиций. Он предложил образцы речей, которые распределил по двенадцати книгам и озаглавил Вариями. Он написал по велению короля Теодориха историю готов, сообщив об их происхождении, местах обитания и нравах в 12 книгах» [10, р. vi (lin. 26—37)].

Таким образом, Кассиодор стремится показать себя в «*Ordo generis*» не только в качестве представителя древнего италийского рода, но и продолжателем того *cursus honorum*, который соединял в себе несение государственных обязанностей и практику в традиционных для аристократа литературных занятиях. При этом обращает на себя внимание, что именно в литературных занятиях Кассиодор показывает свою прочную связь с новой системой политических отношений в Италии. Все тексты, которые он создает, он пишет, как видно из его собственных ремарок, либо для прославления новой власти, либо по прямой ее инициативе.

«Варии», знаменитое собрание писем, наказов, рескриптов и речей, исходивших, как правило, из королевской канцелярии, отредактированных, а скорее составленных самим Кассиодором³, изначально задумывались в качестве

² Латинский текст *Ordo generis Cassiodororum* опубликован Т. Моммзеном в предисловии к изданию «Варий»; ссылки даются с указанием номера страницы и в скобках номера строки (*linea*) латинского текста по изданию [10, р. v—vi].

³ П. П. Шкаренков вслед за своими предшественниками, изучавшими творчество Кассиодора, показывает, что «Варии» — не просто сборник отредактированных Кассиодором документов, но сочинение, в основном написанное этим придворным [6, с. 49]. И не будем забывать, что ряд писем «подписаны» непосредственно самим Сенатором, как чаще всего именовал себя Кассиодор.

труда, призванного стать не только пособием для будущих служителей канцелярии и не только наставлением для будущих государей, но и зеркалом души (*speculum mentis*) самого автора [9, р. 4 (praef. 10); 6, с. 55, 189]. Потому читатель вполне может увидеть в тексте документов не только принимавшиеся Теодорихом и его преемниками меры по управлению государством, но и самого автора. В данном случае мы вновь обращаем внимание на два важных момента. Во-первых, Кассиодор всячески демонстрирует свое владение изящной речью, показывает себя носителем красноречия, способного выразить искренние чувства и переживания оратора [6, с. 189]. Всякий раз подчеркивая свою заботу о красоте слога, Кассиодор стремится показать себя представителем высшего слоя римской аристократии, для которой именно владение словом выступало важнейшим идентифицирующим признаком [3, с. 158].

Во-вторых, те документы «Варий», в которых Кассиодор упоминает о себе и по которым мы догадываемся о его роли в принятии управленческих решений, представляют его чуть ли не важнейшей фигурой в политической и придворной жизни Италии 20—30-х гг. VI в. Конечно, изучение биографии Кассиодора показывает, что его политическая карьера имела не только взлеты, но и падения; в начале правления Амаласунты ему пришлось уйти в отставку и шесть лет провести вдали от двора [6, с. 40—41]. Но в письмах он показывает себя ближайшим другом королевской семьи. В письме 533 г., составленном от имени Аталариха, он назван спутником короля, с которым Теодорих в свободное от государственных забот время мог предаться ученой беседе, набираясь от него мудрости, так что казался «философом в пурпуре» (*purpuratus philosophus*) [10, р. 290; (IX, 24, 8)]. И эта близость к трону, судя по письмам, сохраняется и после смерти Теодориха. В следующем же послании Аталариха к сенату (конец 533 г.) Кассиодор, говоря о себе устами короля, всячески подчеркивает свою незаменимость при дворе преемников основателя Остготского королевства: «он был единственным человеком, который был повсюду, готовил прокламации, помогал нам советами... оказывал поддержку в начале нашего правления и мечом, и словом» [10, р. 292; (IX, 25, 7—8)]. Кроме того, послания, написанные самим Кассиодором, убеждают читателя в том, что именно он принимает ряд принципиальных решений. Он назначает на должности [10, р. 335—336 (XI, 6)], заботится о поставках продовольствия [10, р. 352—353 (XI, 39)], инициирует амнистию [10, р. 353—355 (XI, 40)].

При этом сам Кассиодор, что кажется крайне важным, позиционирует себя прежде всего в качестве наставника, просветителя, советника при дворе. Тем самым он не только создает образ остготских королей, поддерживающих римские традиции, но и определяет зону социальной и исторической ответственности людей своего круга, которым не престоало отказываться от общественной жизни, которые несут ответственность не только перед собой, но и всей историей римского народа [6, с. 245].

Вездесущность и незаменимость Кассиодора при королевском дворе контрастирует с почти абсолютным молчанием о нем современников. Из современников Кассиодора упоминают в своих посланиях лишь три римских епископа — Геласий, Иоанн II и Вигилий [18, р. 13], в то время как имя его ни разу не встречается ни у Боэция, ни у Эннодия, переписывавшегося в начале VI в. чуть ли не со всеми важнейшими фигурами италийского общества, ни у Прокопия Кесарийского, ни у Анонима Вalezия, писавших о временах, когда Кассиодор уже стал заметной фигурой при дворе остготских королей [18, р. 14]. Остается только предполагать, что Кассиодор не был

для своих современников столь важной и заметной фигурой в политической жизни остготского королевства, какой он является для нас, воспринимающих политическую историю Италии первой половины VI в. сквозь призму созданного Кассиодором «мифа» о себе.

Третья избранная нами составляющая этого мифа связана с организованным Кассиодором образовательным центром в Сквиллации (Squillacium, совр. Сквиллаче). Виварий благодаря самому Кассиодору, оставившему «Наставления в науках божественных и человеческих», где представлены собранные в этом монастыре книги и изложены принципы работы с ними, а также благодаря нескольким поколениям исследователей, с жадностью изучавших и сам Виварий, и принципы педагогической деятельности, практиковавшиеся в нем, стал восприниматься как важнейший интеллектуальный центр раннесредневековой Европы [2, с. 114, 4, с. 124—132; 15, р. 369—384]. Расположенный в живописном месте Калабрии, обладающий десятками кодексов с сотнями произведений, объединивший творческие усилия целого ряда знатоков греческого языка, трудившихся над сохранением мудрости греческих отцов для латинских читателей [12, р. 336—338], Виварий, действительно, заслуживает всестороннего внимания. Точно так же заслуживают внимания и труды самого Кассиодора по организации как самой обители, так и ее библиотеки.

Виварий, действительно, был детищем Кассиодора, о котором он мечтал задолго до его появления на свет, еще будучи в Риме на высоких постах государственной службы [9, р. 3 (I, praef., 1)], которого он взращивал, собирая книги и привлекая кадры. «Наставления» составлены как незримый диалог учителя и учеников, присутствие учителя чувствуется в каждом разделе, в том числе благодаря обилию глаголов, стоящих в первом лице. Вот лишь несколько примеров: «Из этих [толкований Августина] я... собрал уже два десятка» [9, р. 20 (I, 4, 1)]; «мы надеемся... получить вскоре эти [толкования] из тех или иных областей, куда мы послали просьбу поискать их... мы узнали, что их должны нам переслать. Если же кому-то из вас попадетсЯ вдруг что-либо из этого, прежде чем те [запрошенные тексты] придут сюда, позаботьтесь с должным радением переписать их и присоединить к уже упомянутым толкованиям» [9, р. 31—32 (I, 8, 14)]; «мы позаботились сделать указания [в книгах], чтобы труд наш вооружил вас и удостоил стремление вашей святости небольшим подарочком» [9, р. 67 (I, 26, 1)].

Судить о «Наставлениях» как об учебнике довольно сложно. Риторически текст, как только что было сказано, действительно, выстроен в виде диалога, в котором, впрочем, ученики лишь подразумеваются, ничего не произносят сами, не задают вопросов, но к ним постоянно апеллирует автор. О главной особенности этого учебника — соединении в нем основ христианской мудрости и «языческого» знания, суммированного в семи свободных искусствах, — в литературе сказано уже достаточно [15, р. 381—382; 13, р. 51; 4, с. 125; 2, с. 118], что избавляет нас в данном случае от необходимости углубляться в этот вопрос. Конечно, можно усомниться в практической пользе от тех знаний, которые излагает Кассиодор, особенно если учитывать, как он эти знания подает. Так, например, большую часть раздела по музыке составляет длинный перечень «тонов» или «ладов», и все, что узнает читатель из этого перечня, сводится к тому, что тот или иной лад выше или ниже другого на полтона, какого-то — на тон, иного — на полтора тона, на два, два с половиной тона и т. д. [9, р. 145—149 (II, 5, 7—8)]. Но нельзя отрицать, что наряду с этой, казалось

бы, «технической» информацией, Кассиодор рассуждает о божественном происхождении музыкального искусства, о его разделах, о всепроницающей природе музыки (стук сердца также подчинен ее законам), увлекая тем самым читателя к постижению и этой области знаний. Но не менее важным представляется также другое. Если согласиться с традиционными высокими оценками «Наставлений» и признать Кассиодора великим для своего времени теоретиком педагогики, мы не должны забывать о том, что по учебнику нельзя целиком и полностью судить об учебном заведении.

Был ли Виварий «культурным событием» для своего времени, оказался ли он «христианским университетом» для насельников монастыря, мы обычно судим, находясь под впечатлением текстов самого Кассиодора. Он убеждает нас в масштабности проекта, широте «школьной» подготовки, осуществляемой в Виварии. Но в нашем распоряжении есть свидетельства, заставляющие иначе посмотреть на успех этого проекта. Прежде всего, слова самого Кассиодора. Дело в том, что спустя примерно двадцать лет, после того как он завершил в 562 г. свои «Наставления», имевшие раздел, посвященный грамматике, и содержащие практические советы по исправлению рукописей, он вынужден был взяться за написание специального сочинения «Об орфографии». Само намерение ни о чем еще не говорит. Грамматика вообще и орфография в частности, как ни одно иное искусство, требовались для переписчиков рукописей, и появление дополнительного учебника вполне оправдано. Гораздо важнее то, каким образом Кассиодор в предисловии к этому сочинению объясняет свое решение взяться за труд: «Когда я работал над моими “Краткими обзорами апостольских [писаний]”, монахи вдруг начали кричать: “Какая нам польза знать мысли древних или даже ваши, если мы совершенно не знаем (*omnimodis ignoramus*), как их следует записывать? Мы также не можем читать вслух то, что не в силах уловить в Писаниях”» [8, col. 1239C]. Если эти слова Кассиодора не являются фигурой речи, а отражают реальное положение дел, то из них, по словам Дж. О’Доннелла, следует заключить, что все предприятие с организацией духовного образовательного центра закончилось полным провалом. В монастыре не только уровень образованности монахов оставался крайне низким, но и не нашлось никого кроме девяностолетнего старца, каким был к этому времени Кассиодор, чтобы составить компендиум из грамматических трудов древних авторов [18, p. 230].

С другой стороны, влияние Вивария на последующую интеллектуальную историю, как показывает ее изучение, было неочевидным. Копирование рукописей в монастырях началось задолго до Кассиодора (вспомним хотя бы монастырь святого Мартина или женский монастырь в Арелате, основанный Цезарием) и продолжалось независимо от него. У нас также нет доказательств того, что последующая практика работы с манускриптами опиралась на советы Кассиодора [18, p. 252]. Его важнейшая идея о необходимости сочетать светские науки и постижение Священного Писания, судя по всему, не получила должного отклика. По крайней мере, обзор рукописей «Наставлений», предложенный Р. Минорсом, показывает, что каждая из двух книг его труда, то есть раздел о светских науках и науках божественных, жили (хранились, переписывались) независимо друг от друга [17, p. ix—x]. Но мы по-прежнему, читая Кассиодора и видя красоту его педагогического замысла, сохраняем веру в действенность его замысла и влияние на последующие поколения.

Настоящая статья является лишь попыткой разобраться с тем, как формировался миф о Кассиодоре и какой вклад в этот процесс внес сам основатель

Вивария. Возможно, изучение лексики «Варий», предисловий к теологическим трактатам Кассиодора способно открыть его нам с новой стороны, в том числе показать, каким образом он сознавал свое религиозное обращение и погружение в созерцательную жизнь. Но и сделанный в статье краткий обзор, как думается, позволяет вычленить некоторые составляющие самопрезентации Кассиодора. Во-первых, очевидно стремление Кассиодора заявить о себе как о римлянине не только по крови, но и по духу, по образу мысли, показать себя поборником римских аристократических традиций, связать славу своего рода с государственным служением и литературными занятиями. Во-вторых, составленные им «Варии», написанные и отредактированные им официальные документы остготского королевства, очевидно, имели целью не только предложить потомкам образцы канцелярской работы, но и увековечить самого Кассиодора как крупного государственного деятеля, обеспечившего транзит римских государственных практик в новую политическую реальность. Наконец, в-третьих, Кассиодор, возможно, сам того не ожидая, своими «Наставлениями о науках божественных и человеческих», сохранил себя для истории как организатора духовного центра, не имевшего аналогов на латинском Западе, спасителя языческой и святоотеческой литературы. Все эти перечисленные три столпа, на которых зиждется миф о Кассиодоре, не имеют под собой прочного фундамента в виде параллельных свидетельств, но тем интереснее, сравнивая самооценки Кассиодора с данными независимых от него источников, увидеть в нем выдающегося позднеантичного ратора, по-своему конструирующего мир и пишущего свой портрет для потомков.

Список литературы

1. Манукян Э. М. Род Аполлинариев и социокультурные стратегии галло-римской аристократической фамилии в IV—V вв. // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Т. 45, № 3. 2018. С. 415—428.
2. Тюленев В. М. Традиции римской школы и Виварий Кассиодора // Интеллигенция и мир. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2017. № 2. С. 114—124.
3. Тюленев В. М. Эннодий: римский ритор в эпоху риторического поворота (к 1500-летию со дня смерти) // Средние века. Вып. 82 (1). М., 2021. С. 151—165.
4. Уколова В. И. Античное наследие и культура раннего средневековья. М., 1989. 320 с.
5. Фокин А. Р. Кассиодор // Православная Энциклопедия / под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т. 31. М., 2013. С. 531—544.
6. Шкаренков П. П. Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. М., 2004. 270 с.
7. Шкаренков П. П. «Vita Eriphani» Эннодия: риторический дискурс и формирование символического образа власти в Остготской Италии // Вестник РГГУ. 2008. № 12. С. 81—113.
8. Cassiodorus. De orthographia // Patrologia Latina / ed. J.-P. Migne. T. 70. 1865. Col. 1239—1270.
9. Cassiodorus Senator. Institutiones / ed. by R. A. B. Mynors. Oxford, 1961. 194 p.
10. Cassiodorus. Variarum / rec. T. Mommsen // MGH AA. Bd. 12. Berlin, 1904. clxxxiv+597 p.
11. Cavriellatos A. Preface // Self-Presentation and Identity in the Roman World / ed. by A. Cavriellatos. Cambridge Scholars Publishing, 2017. P. vii—xvi.
12. Courcelle P. Late Latin Writers and their Greek Sources. Cambridge: Harvard University Press, 1969. 488 p.

13. *Dales R. C.* The Intellectual Life of Western Europe in Middle Ages. Leiden, N. Y.: E. J. Brill, 1992. 322 p.
14. Fifth-century Gaul: a Crisis of Identity? / ed. by J. Drinkwater and H. Elton. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
15. *Hammer J.* Cassiodorus, the savior of Western Civilization // Bulletin of the Polish Institute of Arts and Sciences in America. 1945. Vol. 3, № 2. P. 369—384.
16. *Momigliano A.* Cassiodorus and Italian Culture of His Time // Proceedings of the British Academy. L., 1955. Vol. 41. P. 207—245.
17. *Mynors R. A. B.* Introduction // Cassiodorus Senator. Institutiones / ed. by R. A. B. Mynors. Oxford, 1961. P. ix—lv.
18. *O'Donnell J. J.* Cassiodorus. Berkeley: University of California Press, 1979. 303 p.
19. Self-Presentation and Identity in the Roman World / ed. by A. Cavriehatos. Cambridge Scholars Publishing, 2017. xvi+273 p.
20. *Waarden J. A. van.* Episcopal Self-Presentation: Sidonius Apollinaris and the Episcopal Election in Bourges AD 470 // Episcopal Elections in Late Antiquity / ed. by J. Leemans, P. van Nuffelen. Berlin, Boston, 2011. P. 555—561.

УДК 1:316
ББК 60.023
DOI: 10.46726/Н.2021.3.11

Г. П. Аксенов

В. И. ВЕРНАДСКИЙ: ОТ ИСТОРИИ НАУКИ К НЕПРЕМЕННОМУ БУДУЩЕМУ

В центре внимания автора труды В. И. Вернадского по истории науки, которые в последней четверти XX века стали научной основой взаимоотношений человечества и окружающей среды. Но когда в 2015 г. ООН приняла программу «Цели устойчивого развития до 2030 г.», выяснилось, что для Вернадского быть «отцом экологии» явно недостаточно. Показано, что его идея ноосферы как эры господства научного разума является не абстрактным идеалом, а реальной практикой современного информационного человечества. Ученый не только осознал предстоящие проблемы экологии, но и проектировал принципиальные решения для неразрушающего развития цивилизации.

Ключевые слова: академик В. И. Вернадский, биосфера, научная мысль, устойчивое развитие, ноосфера.

G. P. Aksenov

V. I. VERNADSKY: FROM THE HISTORY OF SCIENCE TO THE INDISPENSABLE FUTURE

In the last quarter of the twentieth century, the works of V. I. Vernadsky became the scientific basis for the relationship between mankind and the environment. But when in 2015 the UN adopted the Sustainable Development Goals 2030 program, it became clear that for Vernadsky, being the “father of ecology” is clearly not enough. It turned out that his idea of the noosphere as the era of the dominance of the scientific mind is not an abstract ideal, but a real practice of modern informational humanity. The scientist not only realized the upcoming environmental problems, but also designed fundamental solutions for the non-destructive development of civilization.

Key words: V. I. Vernadsky, biosphere, scientific thought, sustainable development, noosphere.

Введение

Главные идеи Вернадского открылись фактически в наше время, т. е. совсем недавно. Его труды в традиционных дисциплинах с самого начала благополучно печатались, входили в учебники и в научную практику. Зато новые фундаментальные концепции биосферы и ноосферы в советское время встретили жестокую критику и запрещались. Причина в том, что лежащая в их основе идеи вечности жизни и космичности разума глубоко противоречили центральной догме марксизма о первичности материи и вторичности сознания.

Главная идея впервые высказана им публично в докладе «Начало и вечность жизни» (май 1921 года) в Петроградском Доме литераторов, а затем

напечатана отдельной брошюрой (1922 год) [5, с. 262—283]. Тут же последовали разгромные статьи в центральных идеологических органах большевиков: вечность жизни была объявлена идеологически чуждой и вредной, что определило всю дальнейшую судьбу концепции биосферы в советское время [3]. Гонения и последующая цензура объяснялись просто: двумя годами ранее напечатана вторым изданием главная философская книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», где прямо утверждалось, что в геологическом прошлом Земля была сухой и безжизненной. Соответственно, Вернадский осуждался как виталист и мистик.

Таким образом, до середины 1960-х годов идея биосферы, не говоря уж о ноосфере, вызывала подозрение и не обсуждалась. И только начиная с 1963 года, т. е. 100-летнего юбилея В. И. Вернадского (и с падением Т. Д. Лысенко), входит в научное сознание. Более того, она становится популярной в образованном обществе. Не имея возможности критиковать напрямую идеи и политику правящей партии, ученые подвергают сомнению вмешательство в природную среду, и тем более ее переделку на «великих стройках социализма». Охрана природы получает широчайшую популярность как неформальное сопротивление власти, а сам ученый становится «отцом экологии».

Венчает этот период знаменитая борьба научного сообщества и гражданских активистов против проекта «поворота северных рек». Произошло небывалое событие: впервые в истории советской власти общество солидарно выступило против правящего класса и победило. Этот эпизод вышел далеко за пределы самой экологии, он знаменовал возвращение здравого смысла и тот факт, что интеллигенция страны лишила своей поддержки выдуманный политический и экономический строй. С идейных позиций В. И. Вернадского как легальной опоры начинает складываться гражданское общество и атмосфера гласности.

Параллельно и западное научное сообщество знакомится с концепцией биосферы, когда возникшие экологические тревоги потребовали своего глубинного обоснования. В 1968 году на конференции ЮНЕСКО в Париже советский почвовед В. А. Ковда изложил учение Вернадского, после чего оно вошло в научный оборот. Сессия приняла обширную международную программу исследований «Человек и биосфера», первые итоги которой были подведены в 1972 году на известной Стокгольмской конференции ООН по защите окружающей среды.

Закончился период возвращения и утверждения приоритета В. И. Вернадского в современных экологических проблемах великолепным англоязычным изданием «Биосферы» [21]. Текст был снабжен предисловием, которое подписали 13 ученых из 12 стран, полной на тот период библиографией, хроникой жизни ученого. Введение швейцарского профессора Жака Гриневальда называлось «Невидимая вернадскианская революция». Оригинальная особенность книги заключалась в постраничных комментариях, показывающих современное состояние практически каждого факта и обобщения Вернадского. Книга превратилась в актуальное пособие для исследователей.

Тем временем сама экологическая проблема в своем общем виде к тому времени начала скрытно меняться. Мировое научное сообщество постепенно приходило к выводу, что развиваться на тех «лимитах роста», которые указал знаменитый Римский клуб, уже невозможно [18, с. 263—280]. Скоро стало понятно, что Римский клуб сыграл свою роль, приковал внимание к экологическим проблемам в духе осторожного развития. Он обеспечил переход от отрицательной «экологии всего» к выработке генеральных путей какой-то новой

экономики. Какой именно? Из наработок Римского клуба новизна еще не следовала. Она стала вырисовываться в последнюю четверть века в связи с бурной информатизацией общества.

В марте 2000 года в Лиссабоне состоялся саммит глав объединенной Европы, принявший «Меморандум непрерывного образования Европейского Союза». В нем утверждалось, что «Европа уже вступила в “эпоху знаний” со всеми вытекающими культурными, экономическими и социальными последствиями. Быстро меняются привычные модели образования, работы и самой жизни. Выводы Лиссабонского саммита подтверждают, что успешный переход к экономике и обществу, основанными на знании, должен сопровождаться процессом непрерывного образования — *учения длиною в жизнь (lifelong learning)*» [16].

Но тут нелишне вспомнить, что такую перспективу В. И. Вернадский обосновал еще в 1913 году в результате ежегодных обзоров состояния высшего образования в стране. Вывод из своего анализа он сделал в точности такой же, что теперь зафиксирован в документах Европейского Союза: человечество вступает в новую фазу развития Земли — научную. Соответственно должна быть осознана потребность и необходимость обучения человека на протяжении всей жизни. Вернадский назвал такую перспективу структурой «*учащегося народа*»: «Наряду с ними (студентами. — Г. А.) в высшей школе увеличивается число лиц, которые давно вышли из высшей школы, которые давно вошли в практическую жизнь, отошли от школьного учения. Они вынуждены вновь идти в школу, пополнять свои знания или из-за интересов практической жизни, или с точки зрения своего мировоззрения. Научное и техническое развитие идет так быстро, наука и техника изменяются столь резко, что сейчас невозможно в высшей школе получить знание, достаточные на всю жизнь.<...> Врачи, техники, инженеры, офицеры, чиновники, учителя, агрономы и т. д. вынуждены через несколько лет после окончания высшей школы вновь повторять ее в новой обстановке и в новых формах, так как в практической жизни они не могут следить и поспевать за быстрым ростом знания» [6, с. 210—211].

И вот спустя век человечество дошло до того рубежа, на котором мысленно побывал Вернадский. Об этом свидетельствует не только концепция «lifelong learning», сформулированная Лиссабонским договором для Европы, но и более обширные и значимые Цели устойчивого развития, разработанные и принятые ООН в 2015 году. Одна из них (цель № 4) названа «Качественное образование».

В истории науки открытия прошлого ценны своей обозримостью и целостностью. Современное разветвленное состояние предмета знания удобно сравнивать с его первыми формулировками, чтобы сверять с мыслями большого ученого свое умственное развитие.

Нет сомнения, что с идеей ноосферы должно произойти то же самое, что произошло с концепцией биосферы, когда изданная 70 лет назад книга В. И. Вернадского «Биосфера» вдруг стала сенсационной и необходимой.

Экономики ноосферы

Идея «учащегося народа», т. е. необходимость повышения квалификации специалистов и профессионалов на протяжении всей жизни в соответствии со скоростью развития знания дала В. И. Вернадскому новый подход к широко распространенному и даже модному тогда в образованной среде марксизму. Он нашел решающее опровержение в самом коренном его пункте —

экономическом. В. И. Вернадский увидел, что теория прибавочной стоимости марксизма грубо, практически на треть уменьшает число участников расширенного воспроизводства.

В 1916 году ученый побывал на новых для того времени полиметаллических производствах Новокузнецка. На обратном пути он записывает свои впечатления в дневнике и делает вывод: «Ценность создается не только капиталом и трудом. В равной мере необходимо для создания предмета ценности и творчество. Этот элемент творчества может совпадать с обладателем капитала, т. е. его носителем может быть капиталист, может совпадать с обладателем труда — его носителем может быть рабочий, но может с ними не совпадать. Его может внести в дело третья категория лиц, различная по своему участию в деле и по своему составу и от рабочего и от капиталиста. И те, и другие могут ее эксплуатировать как 3-ю силу, с ними равноценную.

Капиталист в чистом виде является обладателем аккумулированной ценности, той энергии, которая находится в распоряжении людей в форме, удобной для перехода в энергию деятельную. Рабочий сам представляет из себя форму энергии, которая может быть направлена на какое-нибудь предприятие. Однако ни капиталист, ни рабочий не могут накапливать активную энергию без прямого или косвенного участия носителя творчества. Если капитал постоянно увеличивается, а рабочий труд его постоянно создает — это происходит только потому, что они действуют по формам, созданным творчеством. Этим сознательным и бессознательным творчеством проникнута вся экономическая жизнь, и без него она столь же обречена на погибель, как без капитала и без труда. Несомненно, сейчас, в данный момент, если бы прекратилось творчество, экономическая жизнь не замерла бы; продолжалось бы рутинно по прежним рамкам накопление капитала и использование труда, но оно происходит только за счет прежде накопленного и переведенного в формы реальной жизни творчества» [1, с. 190].

Иначе говоря, если в технологию производства не вложена новая мысль, не применено изобретение или новая организации процесса, что на современном языке называется *инновация*, прибавочной стоимости не возникает. Производство не исчезнет, но останется рутинным. Таким образом, центральный тезис дуальной марксистской теории, на которой держится не только экономическая наука, но и выводы из нее, т. е. весь исторический материализм, когда вся история рассматривается как борьба двух классов и придуман «железный закон» смены формаций — не исходит из анализа всей действительности. Теория в целом ее упрощает, соответственно, не делает научного вывода.

В 1915 и в 1917 годах В. И. Вернадский возглавил две крупнейшие организации, в которых начал применять свои идеи творческого научного труда на практике. Во-первых, Комиссию по изучению естественных производительных сил (КЕПС) и, во-вторых, Ученый комитет министерства земледелия (СХУК), куда входило множество научных институтов, лабораторий и опытных станций. Таким образом, он очень удачно объединил в двух инфраструктурах науку, бизнес и правительственные учреждения. К тому же в августе 1917 года он стал заместителем министра народного просвещения и оставался на этом посту до свержения правительства. В политической сфере В. И. Вернадский, как член Центрального комитета конституционно-демократической партии, разрабатывал с научной точки зрения ее аграрную программу.

Летом 1917 года, обобщая свои первые опыты руководства новыми учреждениями, он в двух номерах газеты «Русские ведомости» опубликовал

принципиальную статью, в которой утверждал, что вся *работа правительства* отныне должна развиваться только на научной основе. Он писал: «Едва ли кто может сомневаться, что возможные достижения научной деятельности и научного творчества человечества превышают в несравненной степени то, что сейчас достигнуто, если только организация научной работы выйдет из рамок личного, частного дела и станет объектом могущественных организаций человечества, делом государственным. <...>

Уже сейчас эти новые чаяния человечества начинают чувствоваться в окружающей жизни. В Великобритании, Франции, Германии, Соединенных штатах поднимаются и обсуждаются вопросы, связанные с новой организацией научного творчества и научной работы, включение этих вопросов в область государственной политики и государственного бюджета. Нет никакого сомнения, что те же вопросы поставлены жизнью для России и благодаря нашей отсталости стоят перед нами еще неотложнее» [8, с. 59—60]¹.

Разумеется, летом 1917 года В. И. Вернадский еще надеялся, что политика в сфере науки и образования будет проводиться уже другим, демократическим государством. В докладе перед Петроградским обществом естествоиспытателей с характерным для теории биосферы и ноосферы названием «Об использовании химических элементов в России» он утверждал: «Для быстрого подъема производительных сил, их правильного и быстрого использования недостаточно иметь капитал, хорошее государственное устройство, свободу народной жизни — промышленную инициативу. Для этого неизбежно нужно знание, нужен расцвет научного творчества. В ряд государственных, необходимых, практически доступных реформ — наряду с просветительскими, экономическими и политическими — должны быть введены широкие государственные мероприятия, связанные с мобилизацией научных сил, с широкой организацией научной работы и научного творчества» [10, с. 55].

И когда происходит октябрьский переворот, В. И. Вернадский воочию наблюдает подтверждение своих мыслей о практике марксизма. Первое, что сделали большевики, они ликвидировали из трех основ расширенного воспроизводства две. Весной 1918 года один за другим издавались декреты о национализации отраслей промышленности, торговли, банков, страховых обществ и вообще всей инфраструктуры экономики. Заключительным актом в серии государственного грабежа шел декрет 30 июня 1918 года, которым объявлялось, что любое изобретение теперь принадлежит не ее автору, а государству [13, с. 19]. В результате не только новое, но и всякое производство в стране обесмыслилось и остановилось. Оно могло теперь двигаться не обычным рыночным путем, но только насильем. Началось с прямого изъятия продуктов труда, а в последующем оно только меняло формы.

В. И. Вернадский в это время находился на Украине и наблюдал потуги большевиков создать социализм. 1 мая 1918 года он записывает в дневнике: «Кто производит творческую работу в промышленности? Чей труд должен

¹ В. И. Вернадский знал, что одновременно аналогичная КЕПС организация создана в Великобритании под именем «Департамент научных и индустриальных исследований (DSIR)». Она выражала требование времени — всемерное повышение социальной роли, ответственности и значимости знаний. Наука вышла из университетских кафедр и исследовательских лабораторий в социальную и государственную жизнь. Вскоре подобные организации возникли в доминионах Великобритании. В частности, в Новой Зеландии она была создана по инициативе тамошнего уроженца великого физика Эрнеста Резерфорда [20].

главным образом оплачиваться? Мне кажется, как правило, это не рабочий и не капиталист. Это организатор и изобретатель. Рабочий и капиталист — оба эксплуататоры, в том случае, если рабочий получает вознаграждение по социалистическому рецепту. Организатор совпадает с капиталистом, но далеко не всегда. Промышленность и техника вообще не может свободно развиваться в социалистическом строе, т.к. он весь не приспособлен к личной воле, неизбежной и необходимой для правильного функционирования организаторов и изобретателей» [4, с. 77].

Таким образом, пока не грянула социальная катастрофа, В. И. Вернадский практически творил ноосферу в самой гуще жизни. Развитая наука о ноосфере появится у него только в книге «Научная мысль как планетное явление» (1938 год; напечатана впервые в 1975 году). Но уже в самом начале века он представлял себе, как изменилась сама наука. Если в XIX веке ученых можно было считать особой кастой талантливых людей и причислять к деятелям искусства, философии, религии, вообще к творцам культуры, то ныне, как считал мыслитель, наука ненасильственно вторгается во все стороны жизни и быстро переделывает их. Ранее технические изобретения делались практиками на основе опыта и интуиции, теперь любое нововведение апробируется в научной лаборатории.

В. И. Вернадский анализирует не только глубокую историю науки, но и свершившуюся в начале века научную революцию в физике, открытие естественной радиоактивности, в том числе и свою геохимию как новую науку об атомах в земной коре. Вся картина мира изменяется на наших глазах. Человек становится мощной геологической силой. Лекцию на такую тему он произнес в Крыму в 1920 году. Несмотря на полную неопределенность и своего будущего, и судьбы страны в целом, ученый категорично оптимистичен, утверждая, что текущие события не должны заслонять картину стихийно происходящего изменения роли человечества на Земле. Если посмотреть на мир в целом, разрушительная война и социальная революция в России ничто перед революцией в биосфере, которую совершает человек. Его научное знание есть явление *эволюции природы*. «Никогда еще в истории человечества не было такого положения, когда наука так глубоко охватывала бы жизнь как сейчас. Вся наша культура, охватившая всю поверхность земной коры, является созданием научной мысли и научного творчества. Такого положения еще не было в истории человечества и из него еще не сделаны выводы социального характера» [1, с. 270].

Ноосфера как проект

Как показала история послевоенного развития в XX веке, не случайно теперь среди Целей ООН целых три пункта утверждают уже не отрицательные экологические ограничения, а положительное развитие, призванные обеспечить *экономический рост* (№ 8), *внедрение инноваций* (№ 9) и *ответственное потребление* (№ 12).

В. И. Вернадский раньше всех увидел нынешние «лимиты роста». И потому наше поведение в биосфере должно быть совсем иным, чем оно было. В своей научной практике ученый исходил именно из конкретного знания о биосфере, а не просто о неопределенной природе. Даже название его научной комиссии КЕПС мы должны восстановить в том виде, как понимал его сам естествоиспытатель — «*Изучение естественных производительных*

сил». Слово «производительный» здесь означает не только ресурсы для человеческого производства, а деятельность самого живого вещества в биосфере, т. е. существенно другое, чем приготовленные природой для нашего использования «подземные кладовые»². «Естественные силы» — это непрерывно производящиеся живым веществом биосферы химические соединения — от простых газов до сложнейших по составу смол и кристаллов. Изучать необходимо, прежде всего, не консервы в виде каменного угля, руд металлов и нефть, а свежую продукцию. Любая химическая реакция в удобной для извлечения форме полезного вещества существует в биосфере как функция организмов, особенно бактерий и одноклеточных с их гигантской скоростью размножения. Надо только найти нужную реакцию и окультурить ее.

Посмотрим, как же исходя из этой идеи, планировал использовать энергию биосферы основатель КЕПС?

В 1920-е годы с еще не установившимися окончательно советскими рамками В. И. Вернадский надеялся придать развитию промышленности и сельского хозяйства *неразрушающее развитие*. Главным его орудием должна была быть Академия наук. С этой целью он организовал в ней общественную кампанию за создание новой, параллельной академии, которая должна сосредоточиться на прикладных аспектах, диктуемых социальной практикой и прежде всего ликвидацией послевоенной разрухи. Ученый поднял агитацию с помощью Непременного секретаря Академии С. Ф. Ольденбурга, своего ученика академика А. Е. Ферсмана и других руководителей подразделений КЕПС. Весной 1928 года он разработал большую записку, в которой обосновал идеологию и спроектировал структуру большого *Института естественных производительных сил имени Д. И. Менделеева*³. Институт виделся основателю КЕПС органом биосферного развития, сказали бы мы сегодня. Не природопользование, а встраивание в естественные производительные структуры, фактически в биогеохимические циклы вещества. Требуется, говорил он, непосредственное извлечение ресурсов промышленности так же, как производится пища: «Надо ли ждать сотен тысяч лет, необходимых для создания нефти, или человек может *перехватить этот процесс* и получить нужные ему тела, ныне получаемые из нефти, из исходных ее тел — из сапропеля (озерного ила. — Г. А.), в частности, из сапропелитов — сейчас же?» [9, с. 434].

² В виду этой ошибки исполнена иронии история положительного отношения к КЕПС В. И. Ленина, когда он вчитался в ее материалы. Он был очень удивлен, что ученые решают проблемы страны, заботятся о полезных ископаемых [15]. Тогда КЕПС фактически спасла Академию наук, которую многие леваки пытались закрыть как «рассадник буржуазной науки».

³ Институт должен был быть развернут на базе состоящих в КЕПС многочисленных институтов, лабораторий, отделов (например, Географического и Живого вещества) и новых учреждений, распределенных по направлениям: «Двигательная сила ветра», «Белый уголь» (речные и морские электростанции), «Полезные ископаемые», «Артезианские воды», «Растительный мир», «Животный мир». Как видим, полезные ископаемые, как представлялась КЕПС правящей верхушке, занимали в этой программе лишь одну шестую часть. Вернадский прекрасно видел скорую исчерпаемость тех природных ресурсов, на которых строилось хозяйство прежних веков и необходимость перехода к альтернативным источникам энергии. Он ставит задачу направить усилия на овладение источниками энергии воды, ветра, солнечной радиации. Иначе говоря, те направления современного развития, которые ставятся в 2015 году в ЦУР № 7 «Нетрадиционные источники энергии», Вернадский проектировал уже тогда.

Опыт такого рода в КЕПС уже был. В. И. Вернадский придавал исключительное значение работавшей в ее структуре сапропелевой станции в Залучье близ Вышнего Волочка, где апробировался принцип соответствия биосфере: непосредственное использование плодов реакций живых организмов. В ходе опытов на станции из сапропеля уже были получены бензин, керосин, тяжелые масла и другие полезные продукты [19]. В лабораторных объемах, конечно, но технология была открыта. В. И. Вернадский указывает, что вся заболоченная и покрытая озерами Западная Сибирь и была бы полем сапропелевого производства. (Как известно, сегодня как раз здесь добывается самая большая доля нефти в стране, но из-под земли.) Планировалось использовать донные отложения на других озерах и морях, например, на биологических станциях Академии под Киевом и под Мурманском.

В своей записке В. И. Вернадский учитывал политическую обстановку и потому указывал, что развитие научного творчества послужит резкому ускорению темпов промышленности: «Попытки социалистического строительства могут иметь шансы на успех в короткое время лишь при условии быстрого и необычного роста народного богатства. Быстрый рост народного богатства возможен лишь при полном использовании производительных сил, уже имеющегося знания, а необычный рост достигим лишь при систематическом и могучем подъеме исследовательской научной работы — мощно организованном *нахождении новых знаний*» [9, с. 415]. Он предлагает раз в два года под эгидой Госплана собирать Всесоюзный съезд по естественным производительным силам, который бы утверждал программу Менделеевского института на следующий период. Госплан финансирует Менделеевский институт и ревизует, но не вмешивается в существо проектов. Все определяют крупные ученые и директора различных учреждений Института.

Президиум Академии наук записку В. И. Вернадского одобрил, напечатал ее отдельной брошюрой и направил в правительство. Вскоре оттуда затребовали сразу 200 экземпляров. Но вскоре стало понятно, что от правительства и правящей партии ни Академия наук, ни тем более сам инициатор, открытой реакции не дождутся, поскольку из документа следовало, что КЕПС вторгнется в развитие страны, управлять ею будут ученые⁴.

Что касается Менделеевского института, то он не только не был создан, но и сама КЕПС в 1930 году ликвидирована. Ее учреждения или влились в другие институты Академии, или были преобразованы в комиссии при ней, т.е. стали площадками для организации научного общения, но не исследовательскими лабораториями. Надо ли говорить, что сапропелевая станция была закрыта, поскольку не вписывалась в планы немедленной отдачи ресурсов. В том же году был закрыт геологический факультет Московского университета и образован Геологоразведочный институт. В. И. Вернадский и другие

⁴ Своеобразный «ответ» был получен буквально через полгода. В январе 1929 года правительство произвело «советизацию» Академии. Число ее членов увеличено вдвое за счет партийных кадров, а множество высокообразованных специалистов аппарата Академии изгнаны как «буржуазные спецы». Академия наук перестала существовать как независимая научная организация. Вслед за тем последовал запрет большого числа научных обществ, и в довершении развернулись репрессии в отношении ученых-историков. Сам В.И. Вернадский тоже пострадал. Уже готовый к печати его сборник «Живое вещество», состоявший из статей по биосфере, был изъят из планов издательства и возвращен автору. Он смог напечатать его только через десять лет, но уже без принципиальной статьи «Начало и вечность жизни».

ученые резко возражали против реформы, утверждавшей вместо изучения природы ее использование [7].

Из всех планов КЕПС был, естественно, выделен раздел «Полезные ископаемые», для чего создан СОПС — Совет по изучению производительных сил, а практически по организации геологических экспедиций. Председателем СОПС назначен вновь избранный академик коммунист И. М. Губкин. В. И. Вернадского включили в Совет рядовым членом, но побывав на его первом заседании, он увидел сидевших в зале молчаливых чекистов и понял, в чем дело. То был знак превращения СОПС в научное геологическое учреждение под эгидой НКВД, которое с 1930 года превращалось в огромное экономическое ведомство. Наркомат руководил огромной сетью лагерей, добывающих лес, руды, другие полезные ископаемые, а главное, в гигантских объемах золота, на которое, собственно говоря, и были куплены за рубежом все объекты индустриализации [17].

1929 году был объявлен «годом великого перелома». Фактически в стране произошел еще один переворот — установление диктатуры Сталина. Перелом заключался в ликвидации свободы Академии наук, затем последовало закрепощение крестьян под видом коллективизации села и внедрение принудительного труда в местах заключения и на «великих стройках» социализма.

Мечты Вернадского и его коллег по Академии, планы по разворачиванию научного развития страны оказались грубо перечеркнуты.

Как встроиться в биосферу?

Таким образом, мы видим, что экологические Цели устойчивого развития ООН 2015 года через сто лет возникли совсем не случайно. К таким пунктам относятся ЦУР № 6 (Чистая вода и санитария), № 13 (Борьба с изменением климата), № 14 (Сохранение морских экосистем) и № 15 (Сохранение экосистем суши). Все они будут достижимы только при соответствии тем научным посылкам, которые были разработаны В. И. Вернадским. Труды его теперь известны, но это не означает, что они глубоко освоены.

На их непонимании стоит остановиться особо, потому что мировое научное сообщество еще не сознает отчетливо, что океан и вообще гидросфера, и вся суша, да и вся планета есть *произведение* живого вещества. Недаром концепция биосферы изначала была принципиально полемична. Она направлена против устаревшей научной картины мира, в том числе геологии и биологии — в ее дарвиновском варианте. Заблуждение обнаружилось, когда В. И. Вернадский понял, что жизнь — вопреки общераспространенному мировоззрению образованных людей того времени — не только биологическое, но и геологическое явление. В том и состоит его главное открытие. Он описал жизнь как главную геологическую силу на Земле, но оказалось, что в самой геологии она стоит на последнем месте.

Вот как начинается его предисловие к «Биосфере»:

«Среди огромной геологической литературы отсутствует связный очерк биосферы, рассматриваемой как единое целое, как закономерное проявление механизма планеты, ее верхней области — земной коры.

Сама закономерность ее существования обычно оставляется без внимания. Жизнь рассматривается как случайное явление на Земле, а в связи с этим исчезает из нашего научного кругозора на каждом шагу проявляющееся влияние живого на ход земных процессов, не случайное развитие жизни на Земле

и не случайное образование на поверхности планеты на ее границе с космической средой, особой охваченной жизнью оболочки — биосферы» [5, с. 315].

Вот главный пункт расхождения. Все науки того времени полагали, что жизнь имеет начало, что она возникла из косной материи на Земле благодаря стечению благоприятных обстоятельств. Отсюда следовало, что планета как космическое тело образовалась раньше, чем организмы на ней появились. Опровержению этих «предвзятых», как говорит автор, идей и посвящена его книга, потому что за триста лет исследований, говорит В. И. Вернадский, не обнаружено ни единого факта «происхождения жизни».

Нетрудно видеть, что все те заблуждения и предвзятые мысли, о которых ученый пишет в 1926 году, не сильно изменились и сегодня. Скорее всего, из-за того, что идея неслучайности биосферы была подвергнута запрету в советское время и затемнена антинаучными наростами лысенковщины. Но и в нынешней картине мира жизнь как таковая считается происшедшей из мертвой материи в какой-то момент космической истории планеты. Незнание идеи вечности жизни затемняет смысл последующего развития наук о Земле после В. И. Вернадского: оно подтверждало и усиливало его выводы. И потому противоречия в теории и практике непрерывно растут и отражаются в экологических проблемах. Человечество, как и все остальное «население» Земли, встроилось в биосферу, т. е. поселилось фактически на живом организме гигантских размеров и должно признать все вытекающие отсюда следствия.

Идея «происхождения жизни» — отнюдь не безобидна. Из умственного заблуждения следует, что жизнь, собственно говоря, паразитирует на планете. Отсюда ее главное свойство — приспособление к окружающей среде как двигатель эволюции организмов на Земле. По теории Дарвина организм, который лучше всех приспособился, сохраняется, дает потомство, количественно увеличивает свою популяцию и т. п.

Совсем иначе выглядит эволюция организмов с точки зрения биосферы, где они рассматриваются как ансамбли, сгустки атомов, на какое-то время удерживаемых в рамках мембран, принимающих определенные формы. Следовательно, в биосфере важнее обоюдный непрерывный атомный обмен «организм — среда — организм», т. е. гигантский ток атомов, называемый биогенной миграцией атомов. В чрезвычайно важной статье, написанной в том же 1928 году, В. И. Вернадский рассматривает его исторически в геологическом времени. Два главных явления характерны для Земли: создание на всем протяжении ее истории одних и тех же видов минералов и горных пород и непрерывное изменение организмов. Значит, биосфера была всегда, она имеет планетное, т. е. строительное значение. И главное свойство организмов состоит не в том, что он берет из окружающей среды, а что дает ей, какие атомы вносит и как улучшает устойчивость системы в целом. Из своего анализа ученый выводит два биогеохимических принципа, т. е. основных закона биосферы: 1. Биогенная миграция всегда стремится к своему максимальному проявлению; 2. «Эволюция видов, приводящая к созданию форм, устойчивых в биосфере, должна идти в направлении, увеличивающим биогенную миграцию атомов в биосфере» [12, с. 213].

Таким образом, теперь мы можем сказать, исходя из описания биосферы В. И. Вернадским, что в геологическом прошлом выживали только те виды организмов, которые увеличивали биогенную миграцию атомов. Если они нарушали сложившиеся функции биосферы, то оказывались случайными. Они и вымирали.

Но самое важное упущение теории Дарвина, что за ее рамками остаются главные организмы на Земле. Это бактерии, для которых эволюция — пустой звук. Они не меняются, т. е. морфологически сегодня все те же, что и в археозое. 3/4 всей запротоколированной истории планеты именно они и другие одноклеточные были ее хозяевами. Вернадский знал и прекрасно показал, что биосфера может быть составлена из одних бактерий, поскольку они выполняют все ее функции, т. е. составляют целостность. Только один миллиард лет назад появились многоклеточные организмы, и началась их эволюция. Они встраивались в готовую систему биосферы, но выполняли все те же функции, что и бактерии, вытесняя их из своих экологических ниш. Правда, вытеснить их затруднительно: благодаря своей скорости размножения, которую опять же нашел В. И. Вернадский, они превосходят и по биомассе и по обмену вещества все остальные царства организмов. Они есть главная геологическая сила [2, с. 180—181].

В. И. Вернадский в 1913 году побывал на сессии Геологического конгресса в Канаде и США и воочию наблюдал разрушительную работу добывающей промышленности. Он писал из канадского городка с говорящим названием Кобальт: «Поражает энергия достижения своей цели. Та новая техника — американская техника, которая так много дала человечеству, имеет и свою тяжелую сторону. Здесь мы ее видели во всю. Красивая страна обезображена. Леса выжжены, часть — на десятки верст страны — превращена в пустыню: растительность отравлена и выжжена и всё для достижения одной цели — быстрой добычи никеля. Сейчас это мировой пункт — главная масса никеля получается здесь, но навсегда часть страны превращена в каменную пустыню» [11, с. 143].

Вот почему для Менделеевского института он планировал соответствие добывающей промышленности биосфере, т. е. неразрушающий рост. Его должен был обеспечить уже имевшийся в составе КЕПС Географический отдел, призванный исследовать территорию страны целиком. Вернадский так определил его задачи: «Необходимость географического подхода к изучению производительных сил вытекает из сути дела, поскольку она касается явлений, связанных с биосферой, касается солнечной энергии, животного и растительного царств как в их современном, так и в их былом бытии (вопросы о воде, нефти, каменном угле) водных сил и т. п. Несомненно, географический подход в нашей работе столь же важен, как подходы химический и геологический» [9, с. 415]. Исследования отдела должны касаться человека, его поселений в определенных природных средах. С этой целью предполагается создание Картографического бюро, остро необходимого для Менделеевского института и всей Академии наук. Но, как известно, все карты и схемы в Советском Союзе были засекречены, даже более того — печатались с нарочитыми искажениями.

Замысел В. И. Вернадского о Географическом отделе Менделеевского института реалистически развивал уже активно и успешно работающую организацию. Вся территория страны должна была контролироваться единым образом — от станций, поставляющих первичные документы науки: гербарии, геологические разрезы, климатические карты и т. п. до научно-исследовательских институтов. Он дал бы громадный выигрыш не только в производительности труда, но и в рациональном размещении предприятий.

Заключение

Согласно Индексу экономики знаний Всемирного банка, опубликованному Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, в 2012 году Россия находилась на 55 месте, далеко уступая скандинавским странам, Германии, Швейцарии, Нидерландам. Индекс отражает состояние основных составляющих экономики знаний: экономических стимулов и институционального режима, инновационной активности страны, уровня образования населения и развития информационных и коммуникационных технологий [14].

Разумеется, сейчас невозможно сказать, на каком месте мы находились бы при осуществлении планов Академии наук по созданию Менделеевского Института. Альтернативная история, включавшая план В. И. Вернадского по «онаучиванию» страны, не состоялась. Это не значит, что последующее развитие страны зачеркнуло развитие науки. Положение оставалось очень сложным и неоднозначным, наука развивалась однобоко. Во-первых, отсутствовала полностью экологическая составляющая, а во-вторых, в угоду марксизму грубо искажались гуманитарные науки. Но В. И. Вернадский, развивая идею ноосферы, оперировал не логическими, а историческими данными и утверждал, что знание и наука вообще никогда и нигде не шли вспять. В своей главной книге о ноосфере он утверждал, что наращивание мысли невозможно удержать, ее источник находится как будто в другом, будущем мире и преодолевает все древние инстинкты власти и обычая. Знания можно было только задержать на определенном уровне, что во многом и произошло в последующей истории страны.

А тогда, во второе десятилетие XX века, когда Россия развивалась невиданными, опережающими темпами в результате победы революции 1905—1906 годов, В. И. Вернадский прочно держал руку на пульсе развития экономики знаний. В своих обзорах состояния высшего образования в 1911—1914 годах он писал, что высшие школы росли как грибы. Причем, часто вопреки сдерживающей тактике правительства. Например, по инициативе общества возник очень продвинутый Университет им. Шанявского в Москве, где ученик В. И. Вернадского А. Е. Ферсман прочитал первый в стране курс геохимии. Научные журналы Германии, пишет естествоиспытатель, пестрят русскими фамилиями. Начинается «русское засилье» в немецкой науке. Принципиального отставания русской фундаментальной науки от европейской не наблюдалось.

И не случайно, что структура КЕПС возникла в 1915 году одновременно с английской подобной же организацией, о чем упоминалось выше. В Германии роль Менделеевского института играл Кайзер-Вильгельм Институт, «параллельный» Берлинской Академии наук. В. И. Вернадский практически ежегодно в 1920—30-е годы бывал в нем, чаще всего в лаборатории Отто Гана, открывшего главную реакцию для получения атомной энергии.

Во Франции прикладная структура, наравне со старинной Академией, образовалась буквально как будто по мысли В. И. Вернадского в 1939 году. Может быть, и не случайно, поскольку ученый очень глубоко был связан с французской наукой. В том числе, он был знаком с ее будущим основателем физиком Нобелевским лауреатом Жаном Батистом Перреном, а также работал в Институте Кюри. Французская структура называется Национальный Центр научных исследований и состоит из десяти мощных государственных институтов по всем

отраслям знаний. В него входят, например, Институт экологии и окружающей среды и Институт гуманитарных и социальных наук. Последний имеет в своем составе семь Домов наук о человеке, распределенных по стране.

Но все мировые центры наук работают по традиционным дисциплинам, а не по проблемам, как предлагал в свое время В. И. Вернадский. Но самое главное, судя по далеко зашедшей экологической проблеме, всем придется открывать глубинные знания о биосфере, которые разрабатывал наш великий соотечественник. Надо признавать главную его идею вечности, планетности и космичности жизни, как бы это ни было трудно. Именно из нее произрастала та связь с биосферой и ноосферой, которая закладывалась в проект несостоявшегося Менделеевского института. Но история уже продемонстрировала, что истину нельзя насильственно скрыть. Ноосфера Вернадского уже наступила.

Список литературы

1. Аксенов Г. П. Вернадский. М.: Молодая гвардия, 2015. 526 с.
2. Аксенов Г. П. Откуда стартует геологическое время // Жизнь Земли. 2021. Т. 43. № 2. С. 172—184. DOI 10.29003/m2023.0514-7468.2020_43_2/172-184
3. Аксенов Г. П. Парадигма Вернадского. М.: ГЕОХИ РАН, 2018. 150 с.
4. Вернадский В. И. Дневники 1917—1921. Октябрь 1917 — январь 1920. Киев: Наукова думка, 1994. 272 с.
5. Вернадский В. И. Биосфера // Живое вещество и биосфера. М.: Наука, 1994. С. 315—401.
6. Вернадский В. И. Задачи высшего образования нашего времени / О науке. Т. 2. СПб.: РХГИ, 2002. С. 205—218.
7. Вернадский В. И. Геологические науки в Московском университете // Собрание сочинений: в 24 т. Т. 12. М.: Наука, 2013. С. 117—118.
8. Вернадский В. И. Задачи науки в связи с государственной политикой в России // О науке. Т. 2. СПб.: РХГИ, 2002. С. 56—69.
9. Вернадский В. И. О задачах и организации прикладной научной работы Академии наук СССР // О науке. Т. 2. СПб.: РХГИ, 2002. С. 398—438.
10. Вернадский В. И. Очерки и речи. Пг.: 1922. Вып. 1. 160 с.
11. Вернадский В. И. Письма Н. Е. Вернадской 1909—1940. М.: Наука, 2007. 299 с.
12. Вернадский В. И. Эволюция видов и живое вещество // Собрание сочинений: в 24 т. Т. 7. М.: Наука, 2013. С. 203—217.
13. Декреты Советской власти. М.: Политиздат. 1957. 625 с.
14. Индекс экономики знаний. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/statistic/rating/indeks-ekonomiki-znaniy/#tabs|Compare:Place> (дата обращения: 10.09.2021).
15. Ленин В. И. набросок плана научно-технических работ // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 36. М.: Политиздат, 1974. С. 228—231.
16. Лиссабонский договор Европейского союза. 2000. URL: <http://www.znanie.org/docs/memorandum.html> (дата обращения: 10.09.2021).
17. Меерович М. Г. Альберт Кан в истории советской индустриализации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.archi.ru/lib/publication.html?id=1850569787> (дата обращения: 10.09.2021).
18. Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980. 304 с.
19. Щербакова А. Б., Юркина М. И. К истории села Коломно и усадьбы Залучье // Вышневолоцкий историко-краеведческий альманах. 2009. № 11. С. 186—207.
20. Hall A. War of words: the public science of the British scientific community and the origins of the Department of Scientific and Industrial Research, 1914—16 // British Journal for the History of Science. 1999. V. 32, No. 4. P. 461—481.
21. Vernadsky V. The Biosphere. N-Y.: Copernicus, Springer-Verlag, 1997. 192 p.

УДК 1:316
ББК 60.023
DOI: 10.46726/Н.2021.3.12

П. А. Белоусов

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ (ПЛАНЕТАРНАЯ) ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ НООСФЕРОЛОГИИ

В статье рассматривается проблема практической реализации идеи перехода биосферы в ноосферу В. И. Вернадского в контексте современной экологической ситуации, которая противоречива научно-философским представлениям выдающегося ученого о будущем человечества. Автор обосновывает реальные возможности достижения ценностного единства мирового социума в форме планетарной идентичности как системообразующего начала, гармонизирующего разновекторные частные цели человеческой жизнедеятельности. Обосновывается, что в иерархии идентичностей планетарная идентичность является наиболее отвлеченной, не имеющей непосредственной референции, поэтому возникают трудности в ее персонификации и унификации. Автор поддерживает исторический оптимизм В. И. Вернадского обращением к творческой сущности человека, благодаря которой субъекты всех уровней социальности могут найти консенсус в приоритетах и культурных практиках в планетарном жизнестроительстве, подчиняясь имманентной логике сущего в своем доопределении «первой природы».

Ключевые слова: биосфера, ноосфера, наука, творчество, идентичность, протеанизм, живая природа, искусственное, естественное, человечество.

P. A. Belousov

UNIVERSAL (PLANETARY) HUMAN IDENTITY AS A PROBLEM OF MODERN NOOSPHEROLOGY

The article deals with the problem of practical implementation of V. I. Vernadsky's idea of biosphere transition into noosphere in the context of modern ecological situation, contradicting the scientific and philosophical ideas about the future of mankind. The author substantiates the real possibilities of achieving the value unity of the world society in the form of planetary identity as a system-forming principle that harmonizes the different-vector private goals of human life. It is stated that in the hierarchy of identities, planetary identity is the most abstract, having no direct reference, so there are difficulties in its personification and unification. The author supports V. I. Vernadsky's historical optimism and appeal to the creative essence of the human, thanks to which the subjects of all levels of sociality can find consensus in the priorities and cultural practices in the planetary life-building, obeying the immanent logic of existence in its definition of "first nature".

Key words: biospheres, noosphere, science, creativity, identity, proteanism, living nature, artificial, natural, humanity.

© Белоусов П. А., 2021

Постиндустриальная эпоха обнажила противоречия между техническим и социальным прогрессом, показала растерянность человечества перед неопределенным и тревожным будущим. Прогресс цивилизации зависит от осознания земным сообществом безальтернативности перехода к целенаправленному регулированию социоприродных процессов в соответствии с экологическими императивами, ориентирующими на поддержание биосферного равновесия. Научно-философское видение оптимистического сценария будущего земной цивилизации мы находим в творческом наследии великого русского мыслителя-натуралиста В. И. Вернадского, обосновавшего возможность перехода биосферы в ноосферу как новую стадию в истории Земли, неизбежной предпосылкой которой выступает осознание жителями планеты себя как единого целого. В XX веке человечество становится геологической силой, все больше влияющей на эволюцию биосферы и этот факт уже отражается в сознании людей: «...человек должен мыслить и действовать в новом аспекте, не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государства или их союзов, но и в планетном аспекте» [4, с. 28]. Переход биосферы в ноосферу произойдет «рано или поздно» и будет связан с определенными социальными и культурными изменениями глобального характера.

Напряженная экологическая ситуация и внутренняя разобщенность современного человечества дают повод усомниться в создании ноосферы и категорично отвергать идею перехода биосферы в ноосферу как квазинаучный миф. «Вопросы о том, как возможно перестроить сознание человека в планетарном масштабе, как достичь единства и целостности человечества, как превратить разум в геологическую силу, способную объединить нации и классы на всей планете и остановить войны, то есть проблемы реального осуществления проекта ноосферы остаются без ответа... Эта ориентация чужда действительности» — заявляет Л. В. Фесенкова, известный с советских времен специалист по философским проблемам биологии [17, с. 70]. Отрицая идеи В. И. Вернадского автор, обращается к представлениям академика Г. А. Завразина, который «является одним из наиболее компетентных авторов, рассматривающих проблему жизни и ее происхождения вне ноосферогенеза, создавший новую картину ее развития» [17, с. 71]. В этой гипотетической картине акцент ставится на деструктивной роли антропогенного фактора в биосфере и вводится термин «какосфера», обозначающий созданную человеком в XX веке дисгармоническую гео-экосистему.

Антиноосферные интенции в современной отечественной философии обусловлены упрощенным (сциентистским и технократическим) подходом к трактовке взглядов В. И. Вернадского о роли научного разума в эволюции биосферы, а также значительным влиянием, особенно на постсоветское поколение российских философов постмодернизма с его критикой Просвещения, гуманизма, социального прогресса, с оправданием неолиберальных форм отчуждения, неверием в общечеловеческие демократические идеалы, констатацией диффузии субъективности и стирания границ фундаментальных идентичностей «массового» человека. Постмодернизм акцентировал внимание на девиантных и маргинальных аспектах объективации технизированного «общества потребления», в котором усиливается конфликт искусственного и естественного из-за несовпадения прагматических целей деятельности с объективными законами «первой природы». С быстрым развитием техники «вторая природа» навязывает человеку как живому существу свою меру, создающую угрозу его здоровью и жизни. Постмодернизм выявил негативные

антропологические следствия разрушения экзистенциального пространства рыночного общества, но не предложил конструктивный выход из сложившейся ситуации. В. И. Вернадский высказал идею ноосферы, соотнося ее системную реализацию лишь к жизни будущих поколений, но онтологические предпосылки ноосферы он увидел в эволюции «живого вещества» в геосфере, опираясь на свои научные «эмпирические обобщения» и философские представления, согласующиеся с данными науки первой половины XX века. Современная научная картина мира дает ноосферной интуиции синергетическое обоснование. Критики идеи ноосферы не замечают значительные достижения отечественной ноосферологии, в разработку которой внесли большой вклад крупные ученые-естествоиспытатели, известные философы и гуманитарии, начиная с 1960-х годов.

Если смотреть на социоприродную действительность «внеисторически», в фокусе неолиберальной идеологии, то нарастание кризисных явлений в мировой системе может вызывать сомнения в возможности ее устойчивого развития при сохранении существующей модели политико-экономического миропорядка, основанной на идее тотальной конкуренции и идеологически замаскированной социал-дарвинистской политике глобального лидерства субъектов (акторов) транснационального капитала, стремящихся к перераспределению природных и демографических ресурсов в пользу «золотого миллиарда». Глобальное давление техносферы на биосферу в условиях социально-политической напряженности в мире создает ситуацию перманентных рисков, отражающуюся в превращенной форме на морально-психологическом состоянии массового сознания (рост чувства тревожности и страха за будущее, архаизация представлений о действительных причинах глобальных перемен, алармистское восприятие научных знаний о природе и обществе и др). Глобальный капитал, ориентированный на непрерывный экономический рост, истощает биосферные механизмы самовосстановления условий жизни людей на планете, численность которых достигает, видимо, уже критической величины. Новые цифровые технологии открывают большие возможности для объединения человечества в едином информационном пространстве, но при доминировании групповых интересов «цифровое общество» будет разъединять людей и служить корыстным целям правящих элит, использующих виртуализацию реальности для искусственного создания симулятивных потребностей и производства товаров-симулякров. Потребительское общество формирует «номадического субъекта» с гедонизированной идентичностью, находящегося во власти телесных желаний, которыми управляют корпорации, превращая индивидов в объект тотальной манипуляции и разрушая институциональные идентичности как формы социально-культурной солидарности. Стихийное превращение техносферы в во многом независимую от человека деструктивную для биосферы силу вызывает обоснованную тревогу за его будущее. Примитивизация человеческой личности, утрата духовного начала в ценностных ориентациях современных людей угрожает кризисом и деградацией, наступлением нового варварства в истории человечества.

Человечество может и должно собственными усилиями снять угрозу самоуничтожения, веря в творческие возможности человеческого разума. Планетарный капитализм сегодня является самой жизнеспособной системой организации экономики и социальности, поэтому можно говорить, что в XXI веке утвердился новая геологическая эра — «капиталоцен», от которой неотделим нарастающий экологический (климатический) кризис. Будущее

капитализма определяет будущее человечества: выживание связано с глубокой перестройкой принципов экономической деятельности, с эволюцией капитализма и созданием экоцентрического типа общества. Рыночная стихия не способна устранить экологические угрозы, для этого необходимы коллективные действия, инициируемые демократической государственной властью. Социально-философский дискурс о будущем приводит к заключению, что капитализм не может оставаться в неизменном виде. «В любом случае экология является необходимым условием для радикальной трансформации капитализма, в какую бы форму он не превратился... Иначе у капитализма нет будущего. Так что будущее капитализма — это будущее экологии» [10, с. 40].

Техногенная цивилизация, связанная с эволюцией буржуазного общества, сформировала адекватный ей тип человека с технологическим мироощущением, в котором снижается уровень интеллектуальной рефлексии в отношении к обществу, культуре, науке, самому себе. Таким человеком можно манипулировать, воздействуя на эмоционально-бессознательную сферу психики.

Новоевропейский идеал «полезной науки» определил тенденции к утилитарно-инструментальной направленности развития научного познания и восприятию науки в массовом сознании в качестве силы, обеспечивающей власть общества над внешней природой ради удовлетворения экономических потребностей. Инструментальность научного знания обуславливает наступление в конце XX века эпохи технонауки, функционально объединяющей фундаментальные и прикладные исследования в поиске естественных оснований эффективной организации человеческой жизни.

Негативные последствия научно-технического прогресса порождают в массовом сознании антисциентистские настроения и создают атмосферу недоверия к научному разуму, подрывают веру в будущее, связанное с развитием науки. Успехи науки в XX веке породили не критическое отношение к ее возможностям, что выразилось в распространении «научного утопизма» и фетишизации творческих потенций человеческого познания. Квазирелигиозное восприятие науки сменяется разочарованием в ней, и приводит к профанации мировоззрения «массового человека» равнодушного к тайнам бытия, к научному образу мира. Потребительское сознание проявляется в неотрефлексированном предметном противостоянии естественных благ жизни, дарованных природой, миру артефактов, создаваемых с помощью современной технонауки и привлекающих своей обращенностью к телесной чувственности человека. Прикладная наука, подчиненная требованиям экономической рациональности, становится «служанкой» расширенного воспроизводства искусственно создаваемых утилитарных потребностей, удовлетворение которых связано с возрастанием траты вещества и энергии биосферы. Научная интеллигенция XX века с ее интеллектуальным потенциалом была включена в процесс накопления мира артефактов, противостоящего биосфере, что делает новейшую историю человечества противоречивой с точки зрения движения к ноосфере. «Она неноосферна и в том смысле, что это история не “массы разума”, а история “разума массы”, история, по сути, обывателя, а не история интеллигенции» [15, с. 231].

На уровне массового сознания сохраняется инерция привычных практик, связанных с потреблением, воспроизводящих узкоутилитарный подход к природе без непосредственного переживания чувства вины и личной ответственности не только за отдаленные, но и ближайшие очевидные экологические последствия. Проблема согласования потребительского поведения

с экологическими императивами во многом зависит от возможности снятия ценностных противоречий в современном культурном пространстве на основе общей регулятивной идеи безопасного устойчивого развития общества, проникающей в сознание людей благодаря деятельности институтов образования и просвещения.

Для большинства людей главной жизненной целью остается достижение и поддержание высоких потребительских стандартов в условиях усиления тревоги из-за опасения их возможного снижения в связи с обострением глобальных проблем. В обществе потребления гонка за материальными благами постоянно воспроизводит массовый эгоизм и атомизацию внешне корпоративно организованных индивидов, оценивающих человеческое достоинство по критериям экономического успеха при формальном декларировании равенства прав и свобод каждого человека. Нарастание тревожности за свое настоящее и ближайшее будущее в конкурентной борьбе за жизненные ресурсы актуализирует конфликт идентичностей (Я-образов) при столкновении с инаковыми идентичностями, что может быть названо феноменом «протезанизма». Как и мифический Протей, современный человек вынужден постоянно изменяться и быть способным удерживать в себе одновременно нескольких, вплоть до полностью противоположных друг другу Я-образов и быть готовым их проявлять в возникающих неоднозначных обстоятельствах. В системе видов идентичностей родовая является наиболее отвлеченной и ее историческое формирование связано с развитием ментальных и эмоциональных способностей индивидов. «Родовая идентичность — это своего рода идеальный тип, абстракция, не имеющая эмпирических референтов» [9, с. 14]. С ней ассоциируется темпоральный аспект жизни людей в единстве прошлого, настоящего и будущего, отражающий топологию проживания человека в границах этноса, государства. Формирующаяся планетарная идентичность осознается современным человеком алармистски, т. е. «таким образом, что человек начинает особенно остро ощущать возможность “конца света” при своей непосредственной к нему причастности. Впервые в истории человек начинает осознавать возможность того, что конец света может стать делом его собственных рук, а вовсе не божественного пространства» [16, с. 100].

Идея В. И. Вернадского о ноосфере оптимистична и гуманистична, но не фаталистична: объективная необходимость ноосферы вытекает из эмпирических выводов ученого, из закономерного процесса синтеза природы и человеческой истории на основе союза труда, разума и научной мысли «свободно и нравственно развивающегося человечества». Ноосферогенез связан с «демократизацией государственной власти», с социальным и духовным единством, спаянностью всех человеческих обществ, сознательной организацией планетарной деятельности, направленной на поддержание целостности биосферы в интересах человечества как «единого целого». Человек может «мыслить и действовать глобально только внутри биосферы, от которой он неотделим», находясь в определенном пространственном локусе единой жизненной среды обитания. Человечество разделено на государства, культуры, сближение которых является необходимым условием организованности ноосферы, и к нему оно «неизбежно придет». Становление научной мысли как планетарной силы открывает огромное будущее «и одновременно таит в себе угрозу самоуничтожения цивилизации», избежать которого человек может, если «не будет употреблять свой разум и свой труд на самоистребление» [6, с. 508]. В. И. Вернадский видел в биологическом единстве и равенстве

всех людей закон природы, безнаказанно идти против которого человеческой истории нельзя.

Ведущую роль в инициации мобилизуемой ответственности мирового сообщества должны взять на себя ученые, глубже других видящие и понимающие глобальную экологическую проблему и способные вызвать в общественном сознании чувство всеобщей ответственности, стимулирующие процесс организации новых форм экономической практики и социального сотрудничества в деле спасения себя и природы. В. И. Вернадский предполагал в будущем создание центров научной мысли, представляющих собой неформальные организации, стоящие вне политики и представленные учеными с планетарным мышлением и обостренной совестью. С их деятельностью он связывал распространение научного знания во всех слоях общества и интернационализацию творческой научной работы, благотворно влияющей на преодоление социальной и этнически-национальной разобщенности человечества.

Культурно развитая часть общества все больше понимает необходимость в моральной оценке технико-экономической деятельности и связанного с ней утилитарного функционализма, редуцирующего поведенческую мотивацию к полезности и выгоде. В поисках этико-экологического стиля жизни происходит становление ноосферной интеллигенции, которая ориентирована на оптимизацию взаимодействия общества и природы, гармонизацию системы «Человек — Общество — Природа» на основании общецивилизационных и общечеловеческих ценностей при сохранении национальных особенностей и реализации культурного своеобразия субъектов — носителей ноосферной духовности [14]. Интеллигенция (в контексте российской истории) — это образованная, мыслящая и совестливая часть общества, в которой В. И. Вернадский видел активную носительницу ноосферного сознания. И в новых социокультурных и геополитических условиях люди умственного труда нравственно призваны выступать выразителями новой ноосферной идентичности и формировать вместе со всеми экологически ориентированный поведенческий этос, являясь в общем процессе моральной регуляции, активной, регулирующей стороной, воздействующей на «этическую субъективность» пассивной части общества [1, с. 5—19].

Для ученого, отмечал В. И. Вернадский, основным побуждением к научной работе не может быть «наслаждение ученостью», научная мысль увеличивает материальные блага цивилизации, но задачей совершенствования внешних форм человеческой жизни не исчерпывается ее назначение: мерилом научного творчества должна стать свободная целостная человеческая личность, выражающая в своем самоуглублении «вечное движение человеческого духа». Становление ноосферного сознания, как полагал В. И. Вернадский, началось со времени появления ярких личностей ученых, способных к предвосхищению будущего, которые интуитивно угадывали неизбежность превращения научной мысли в планетное явление, в фактор преобразования мировоззрения коллективного человечества. Он считал, что научные истины обретают универсальный смысл в полноте напряженной духовной умственной жизни свободно мыслящих личностей высокопрофессиональных ученых, представляющих узкий слой интеллигенции, но общественное значение деятельности которых суммарно необратимо возрастает по мере превращения науки в производительную силу человечества. Современная технонаука не должна устраняться от мировоззренческих функций и ориентироваться только на воспроизводство техносферы и производства капитала. Академическая

наука остается востребованной в своем познавательном значении. Необходимо поддерживать любознательность и влечение в молодых поколениях к новым знаниям и занятиям наукой, развивая различные формы взаимодействия научного сообщества и общества (популяризация знания, инклюзивная экспертиза инновационной продукции, реализация программ «гражданской науки» и др.) [11, с. 81—91]. В. И. Вернадский видел опасность превращения науки в «служанку потребления», приспособления ее к обслуживанию людей, идеалом которых будет «хлеба и зрелищ», и их «беспечальная жизнь» будет подобна жизни «дрессированных сытых зверей».

Подчинение современной технауки целям потребительского общества подтверждают тревожные прогнозы великого ученого-мыслителя. Он связывал рост организованности биосферы с синтезом научного, философского, религиозного знания и художественного творчества, дополняющих друг друга в процессе постижения единства мира и определения места в нем человека. «Рост науки неизбежно вызывает в свою очередь необычайное расширение границ философского и религиозного сознания человеческого духа; религия и философия, восприняв достигнутые научным мировоззрением данные, все дальше и дальше расширяют глубокие тайники человеческого сознания» [5, с. 62]. В. И. Вернадский осознавал утопичность и невозможность интеллектуального конструирования по умозрительной схеме идеального образа будущей ноосферы. Он был убежден в способности человека контролировать преобразовательную деятельность в единстве с самоконтролем, двигаясь по пути творческого выявления и раскрытия свойств природного мира и человеческой природы. Во «взрыве научного творчества» в XX веке ученый видел проявления стихийной геологической роли коллективного разума человечества, приобретающего благодаря организованной воле солидаризирующегося планетарного сообщества все большую согласованность и органичность. Научная работа человечества как новый фактор изменения биосферы с эволюционной точки зрения способствует формированию «мыслящегося мировоззрения», определяющего и раскрывающего меру разумности (мудрости) в деятельности человека по преобразованию природы. «Оразумление» природы означает обретение человечеством практической и духовной способности (нравственной ответственности, долга) брать на себя функцию «размышляющего» управления биосферными процессами в границах возможностей, заключенных в творческом потенциале человека разумного как особенной части биосферы. Геологическая сила науки должна контролироваться и направляться универсальными нравственными установками, ориентирующими людей на единение и взаимоуважение в условиях новой творческой роли человечества. Нравственно-гуманистическое сближение разделенного человеческого рода способно поднять коллективный разум до такой степени, чтобы человек осознал и почувствовал свое сущностное родство с природой и вышел из состояния «какосферы».

Поиск человеком самого себя не может остановиться и в меняющихся обстоятельствах жизненного процесса получает новые направления связанные с ситуацией нестабильности глобального мира и неопределённостью его будущего. Современный человек начинает субъективно ощущать свою принадлежность к самой большой социальной общности — человечеству и перед ним встает проблема встраивания в нормативную статусно-ролевую архитектуру идентичностей, эмпирически неочевидную планетарную идентичность, обязывающую индивида принимать усилия для сбережения общей

для всех земель природы в интересах человеческого рода. Глобализация стихийно объединяет население Земли экономическими связями, но в этом процессе субъекты взаимодействия преследуют, прежде всего, свои эгоистические интересы, поэтому их не объединяет, не сплачивает ценностная перспектива «общего дела» заботы по спасению природной среды и включения самоценного любовного, доброго отношения к внешнему бытию в имманентное смысловое содержание человеческой субъективности.

Становление планетарной идентичности как «унификации» разновекторного поведения субъектов связана с развитием их мировоззрения и нравственно-эмотивных качеств (эмпатии, сопричастности, альтруизма), необходимых для самоотождествления себя с человечеством, судьба которого зависит от солидарности в отношении к благу общей природы. Задача расширения природосберегающего сотрудничества множества людей, разделенных географически и политически, экономическими интересами и культурными представлениями, по-новому решается благодаря информационным технологиям, создающим единую виртуальную самоорганизующую общность для всех, желающих сотрудничать и вступать в диалог. В киберпространстве могут быстро возникать локальные сообщества из единомышленников, эмоционально обсуждающих модные «экологические» темы, но этого недостаточно для решения практических проблем и ведения «умного» диалога в большом сообществе о ценностных основаниях нового экологического образа жизни.

Под влиянием научной мысли объективно увеличивается «вселенскость» человеческих обществ, но субъективно планетарное сознание политически и культурно разделено на национальные, блоковые, конфессиональные и иные частичные формы группового самосознания, в своей инаковости склонные к взаимному неприятию и нетерпимости, к приватному восприятию общего для всех земного жизненного пространства. В. И. Вернадский связывал становление ноосферы с условиями, в целом составляющими систему ее предпосылок, многие из которых проявляются в начале XXI века, а некоторые еще не раскрыты и требуют значительных усилий человечества. К ним следует отнести проблему исключения войн из жизни современного общества, а также насущную задачу выравнивания качества жизни для всех жителей Земли в ходе разумного преобразования первичной природы планеты. Рядом с этими условиями мыслитель ставит проблему увеличения роли народных масс в решении вопросов внешней и внутренней политики и такой аспект, как равенство людей всех рас и религий. Современная цивилизация в настоящее время не в состоянии разрешить существующие социокультурные противоречия, связанные со столкновением разнонаправленных интересов. Социальный эгоизм в различных его проявлениях разобщает и сталкивает между собой разные общности и усугубляет негативную динамику развития глобальных проблем.

В. И. Вернадский полагал, что солидарная, государственно-демократически единообразно организованная жизнь человечества предполагает социалистическую форму устройства мирового сообщества, поэтому он говорил о сближении идеи ноосферы с марксистскими социалистическими идеями: «то понятие ноосферы, которое вытекает из биохимических представлений, находится в полном созвучии с основной идеей, проникающей научный социализм» [6, с. 94]. Процесс социалистической демократизации власти стихийный и может длиться поколениями, но он созвучен тенденции вселенскости науки и будет совершаться «волнообразно» в зависимости

от характера задач, решаемых человечеством по поддержанию организованности биосферы в локальных и глобальных масштабах. Ученый видел недостатки «реального социализма» сталинского образца, но считал их преодолимыми самим творчеством нового общества. В его воззрениях на мировую историю отражаются дальние цели, связанные с социалистической перспективой человечества, где преодолеваются антагонистские противоречия между природой и социальным бытием человека и складывается ноосферная история как единый универсальный мир человека, в котором синхронизируются социальные и природные (биосферные) ритмы [18, с. 94—103]. Реальная практика ближних, текущих задач решения экологических проблем в контексте неоллиберальной экономической парадигмы отличается непоследовательностью, двойственностью — колебанием между утилитаризмом и экологизмом, эксплуатацией и сбережением природы, при медленном смещении группового и индивидуального поведения в направлении к экофильности и биоантропоцентризму под «давлением» экосферы, «требующей» от социума «правильного» поведения через каналы отрицательной обратной связи.

Планетарному сообществу необходимо искать компромиссы между рыночными ценностями и альтруистическими установками универсальной морали (справедливостью, милосердием, заботой, ответственностью), находить приемлемое с гуманистической точки зрения «допустимое» самоограничение материальных потребностей нынешних поколений ради права еще неродившихся на достойную жизнь. Принцип нового планетарного сознания «мыслить глобально, действовать локально» становится практичным при условии глубоко личной идентификации и солидаризации индивида с большим обществом (родом), возможной благодаря формированию заместительной нравственной ответственности, индикатором которой выступают негативные эмоции, связанные с сопереживанием событиям, отдаленным от человека, но воспринимаемым как происходящие непосредственно с ним. «Без осознания минимальных величин ответственности член определенного сообщества не будет способен чутко отзываться на вопросы, связанные с моральным статусом его группы и благом ее членов. Без них человек, как представитель человеческого рода, не будет способен тонко реагировать на нужду, боль и страдание другого человека» [13, с. 84]. Моральное чувство вины за предосудительные поступки других обуславливает развитие предотвращающей и «опекунской» ответственности человека как планетарного соучастника эволюции живого на Земле, способного субъективировать природу, идентифицировать себя с ней, заботиться о живом. Вместе с тем, в современной экологической этике происходит переоценка значения постоянного использования в экологической политике модуса переживания коллективной экологической вины, ибо сосредоточенность людей на собственных негативных чувствах отвлекает их от рациональных долговременных организованных действий по охране природы. Идея вины каждого человека за ущерб, наносимый миру живого, кем-то и где-то, не может быть доминирующим подходом в экологической практике. «Она предоставляет собой вспомогательный, эмоциональный фон, заставляющий отдельных индивидов с особым вниманием относиться к экологическим последствиям коллективной деятельности» [12, с. 44].

В условиях реального конфликта между субъектами мирового сообщества объединяющим фактором должна стать экологическая идеология, консолидирующая широкие массы людей для решения глобальных проблем путем изменения существующей социальной практики. Она ориентирует

общественное сознание на коэволюционную стратегию социоприродного развития, опирающуюся на естественнонаучную концепцию самоорганизации биосферы и этико-гуманистические, ценностно-смысловые основания целенаправленной планетарной деятельности. Образ желаемого будущего совмещает в себе научно-рациональное видение социоприродной эволюции с эмоциональным отношением к живому как родственному человеку миру существ, которых можно любить и нужно защищать. Гармонизация отношений человека с природой зависит не только от уровня научной обоснованности практических действий, но и от общей культуры эстетических и нравственных чувств, сближающих другие жизни с нашей собственной жизнью в процессе непосредственного ее проживания, в самом факте человеческого проживания в «естестве» биоса. Будущее социоприродной эволюции зависит от способности крупных национальных социальных систем с мощным техническим потенциалом прийти к согласованию экономических, политико-правовых, культурно-гуманитарных интересов с природно-экологическими закономерностями, определяющими коэволюционный вектор развития цивилизации. Человечеству необходимо быстрее находить способы и формы конструктивного соединения диалектически связанных начал человеческой жизнедеятельности — индивидуального и группового эгоизма и потребности в солидарных отношениях, — в масштабах планетарного сообщества оказавшимися системообразующим ценностнорациональным фактором. Человечество, вступив в XXI век, не сумело разрешить старые геополитические конфликты, вызванные в основном материальными интересами, но глобальная ситуация выдвигает безальтернативную задачу мягкого перехода к новой социальной системе на основе солидарных отношений — к ноосферному обществу.

Стихийно и организовано процесс позитивной солидаризации на разных уровнях человеческих отношений уже совершается по инициативе прогрессивных политиков, философов, ученых, писателей, институциональных и неформальных объединений активных граждан. «Состояние взаимного согласия и процесс солидарной жизнедеятельности происходит как через рефлексирование, законодательное оформление, заключенного между субъектами определенного устного или письменного соглашения, так и через их условно или безусловно инстинктивное, ассоциативно-осознанное или неосознанное осуществление на основе межпоколенческого обучения и воспитания, обычаев, традиций, естественных и психосоциальных влечений» [2, с. 41—42]. Объективная логика социоприродной эволюции подтверждает мысли В. И. Вернадского о геологической роли всечеловеческого разума как коллективного инструмента по осуществлению мудрого контроля над общественными процессами, необходимого для подчинения групповых интересов общему смыслу — самосохранению и ноосферному развитию. Продвижение к солидарному общежитию будет зависеть от мирного диалога культур и государств относительно понимания экологических и гуманистических критериев общего безусловного блага, каким выступает целостная человеческая жизнь в ее индивидуально-личностном и коллективно-родовом существовании. Мировому сообществу предстоит создавать систему глобального управления на основе консенсуса через демократические механизмы политико-правового и морально-этического взаимодействия культурно-национальных субъектов, способных выработать единый язык общения. В планетарном диалоге наука благодаря теоретическому единству и всеобщности знания может ускорять консолидацию мирового общественного сознания через институты просвещения и воспитания.

В. И. Вернадский предвидел неизбежность объединения людей при переходе биосферы в ноосферу, когда социально-политические разногласия будут вытесняться общими интересами мироустройства в порядке биосферы. «Лишь благодаря условностям цивилизации неразрывная и кровная связь всего человечества с остальным живым миром забывается, а человек пытается рассматривать отдельно от живого мира бытие цивилизационного человечества. Но все эти попытки искусственны и неизбежно разлетаются, когда мы подходим к изучению человечества в общей связи его со всей природой» [3, с. 313]. Ноосферу создает «энергия человеческой культуры», проникающая в совокупную планетарную деятельность в форме знания, мудрости, надежды, любви, веры, мечты, доверия, принципов солидарности. В. И. Вернадский разделял мысли И. Канта о путях консолидации разделенного человечества в единую общность и обеспечения «вечного мира» постепенным охватом духовно-нравственными целями всех сторон социально-культурной практики. Решающим фактором в кантовском объединении людей является развитие правового сознания, должно привести человечество к «гражданско-правовому состоянию», в чем имплицитно проявляются «задачи природы для человеческого рода». В. И. Вернадский связывал ноосферогенез с проблемой установления согласия между народами и государствами; он видел в решении ее ведущую роль научной общественности, призванной интернационализировать и гуманизировать науку, искать и создавать новые демократические надгосударственные организационные формы «научного братства», влияние которых на политические институты должно возрасти и способствовать единению творческих сил человечества. Будущее зависит от интеллектуальных усилий коллективного научного общества, передающего уважение к духовно ориентированной науке политической элите и массовому человеку, который принимает рекомендации науки, и пользующейся доверием народа власти в качестве рациональной основы собственного жизненного проекта. Ученый предполагал, что в будущем (по мере консолидации народов и стран и возрастания роли народных масс в социально-политической жизни) будут создаваться условия для свободы научных исканий и вовлечения большинства жителей планеты в науку как духовную область творчества, неотделимую от повседневной жизни.

Этико-экологические настроения начинают все заметнее влиять на региональные политико-экономические процессы и постепенно создают ценностные предпосылки перехода технической цивилизации к экоцентрической (коэволюционной) модели развития. В масштабах планеты индивидуальная моральная ответственность перед природой недостаточна для предотвращения экологического кризиса, так как основное влияние оказывает организованная совокупная деятельность больших коллективных агентов в сфере экономики и политики (корпорации, фирмы, институты, государства, союзы и др.). Любой индивид в той или иной мере входит в различные группы и сообщества, а по факту рождения он принадлежит человеческому роду и в его моральные обязанности имплицитно вменяется «сверхзадача» сохранения для будущих поколений среды обитания и культурного наследия человечества, реализация которой возможна в конкретных границах личной ответственности, связанной с выполнением отдельным человеком социальных ролей и функций, в ценностное содержание которых уже включается неспециализированная обязанность для всех и каждого нести ответственность за настоящее и будущее людей и жизни на Земле. Биофильные интенции

в условиях конфликтности идентичностей не могут стать побудительным мотивом поведения для всех людей, но реальная экологическая ситуация и культурно-образовательная политика могут повышать практическую значимость новой ментальности в перестройке отношений с природой, связанной с нахождением разумного соотношения утилитарного и неутилитарного подходов к природе в контексте универсально-гуманистического видения места человека в мире.

Освоение наукой сложных саморазвивающихся человекообразных систем связано с изменением образа природы от механистического к органическому, что накладывает этические ограничения на способы преобразования глобальной экосистемы, учитывающие различные сценарии ее поведения в ответ на действия человека. Идеал истинного научного знания включает в себя этическую рефлексию, отражающую неустранимую ситуацию деятельной включенности человека в мир живого и связанной с этой ответственностью за сохранение в условиях рационального поиска допустимого компромисса между человеческой необходимостью и признанием «права на жизнь» всех других форм жизни. Переход коллективного человека посредством науки к роли главного актора эволюции земного биоса и самого человека задает начало эпохи (эры) созидания «нового, человеческого эволюционирующего мира» или «гуманистической эволюции человека», от которой зависит его выживание, собственная эволюция и дальнейшее существование всего живого [8, с. 96—97]. Ноосферогенез является естественным процессом, но его ход и логика задается человеком, поэтому созданные цивилизацией искусственные основания движения естественных причин постоянно нуждаются в сознательно организованном воспроизводстве и проверке на соответствии биосферным законам, т. е. тому, что существует «само по себе» и определяет существование искусственной реальности, вместе с ее субъектом.

Скептики видят утопичность идеи ноосферы в абсолютизации возможностей «научного разума» и коллективной воли человечества контролировать все связи в земной природе и все действия человека в ней, что может быть только при гипотетическом условии реального обладания обществом всей полнотой знаний о законах природы. В творческой биографии В. И. Вернадского мысли о ноосфере как естественном процессе возникли из теоретических размышлений о диалектике естественного и разрастающегося при активной роли науки искусственного мира, для понимания которой необходимо было создать новый методологический инструментарий. «Разрабатывая такой аппарат, В. И. Вернадский ввел представление о ноосфере вне зависимости от успехов продвижения человечества по пути к достижению абсолютной истины... Этот момент приходится подчеркивать потому, что порой ноосфера представляется в виде какого-то благомнения и сплошной разумности... Человек действует практически и конечным образом, не дожидаясь, когда в основании этих действий будут положены продукты полного понимания мироустройства. Именно поэтому нельзя теоретически доказать, какая именно деятельность человека ведет к ноосфере, а какая в сторону от нее. Это вопрос не теории, а практики... Ноосфера — не предмет, который мы видим, а условия видения в природе того, что своим существованием зависит от человека» [7, с. 114—145, 150]. Конфигурация взаимодействия естественного и искусственного меняется и ее нельзя однозначно вывести из предшествующего состояния антропосферы, поэтому в планировании природопреобразования обществу необходимо избегать неприемлемых проектов, несущих угрозу

разрушения цивилизации. Современная техносфера является результатом выбора западной культурой механического типа связи человека с природой, породившего биосферонесовместимый вариант искусственного мира. Выход на ноосферный путь социоприродной истории связан с исправлением ошибок предшествующего этапа истории, что потребует радикальной перестройки предметно-ценностных оснований человеческой деятельности в сфере доопределения естественных процессов.

Человек всегда останется главным конститутивным началом в проектировании биоантропосферы, его управленческая функция заключается не в замене естественного искусственным, а в доопределении и раскрытии возможностей «первой природы», в ее очеловечении. Процесс ноосферизации зависит от уровня научного понимания динамики социоприродной гармонизации и согласования требований науки с нравственными императивами и идеалами, отражающими онтологическую сопряженность человека с субстанциональным (естественным) миром живого и полагающими объективные смысловые горизонты человеческого существования в земном порядке универсума. Планетарное жизнестроительство предполагает в качестве долговременной доминанты стремление субъектов всех уровней социальности к диалогическому поиску консенсуса в ценностных приоритетах и культурных практиках, целью которого должно быть самосохранение и саморазвитие человечества.

Список литературы

1. *Апресян Р. Г.* Нормативная регуляция поведения // *Человек*. 2018. № 1. С. 5—19.
2. *Барлыбаев Х. А.* О философии солидарных отношений // *Вопросы философии*. 2018. № 12. С. 41—42.
3. *Вернадский В. И.* Живое вещество. М.: Наука, 1978. 347 с.
4. *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 270 с.
5. *Вернадский В. И.* Труды по всеобщей истории науки. М.: Наука, 1998. 336 с.
6. *Вернадский В. И.* Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 519 с.
7. *Гиренок Ф. И.* Экология. Цивилизация. Ноосфера. М.: Наука, 1987. 180 с.
8. *Конашев М. Б.* Эволюционная теория и эволюционная практика в эволюционирующем мире // *Вопросы философии*. 2020. № 3. С. 96—97.
9. *Манульский М. А.* Архитектоника идентичности // *Человек*. 2018. № 4. С. 10—23.
10. *Павлов А. В.* Капиталоцен: проблемное будущее капитализма // *Вопросы философии*. 2020. № 8. С. 32—42.
11. *Пирожкова С. В.* Технонаука как социокультурный проект: от идеи начала XX века к современным реалиям // *Вопросы философии*. 2020. № 6. С. 81—91.
12. *Прокофьев А. В.* Коллективная и совместная ответственность в экологической этике // *Этика и экология*. Великий Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2010. С. 26—45.
13. *Прокофьев А. В.* О возможностях реабилитации идеи коллективной ответственности // *Вопросы философии*. 2004. № 7. С. 73—85.
14. *Смирнов Г. С.* Мировая интеллигенция и ноосфера: пространство философского дискурса // *Интеллигенция и мир*. 2001. № 1. С. 69—79.
15. *Смирнов Д. Г.* Ноосферная идея и ноосферная история: введение в универсумную клиософию. Иваново: ИвГУ, 2012. 251 с.
16. *Труфанова Е. О.* Идентичность и Я // *Вопросы философии*. 2008. № 6. С. 95—105.
17. *Фесенкова Л. В.* Ноосферное будущее человечества: научное предвидение или квазинаучный миф? // *Человек*. 2019. № 1. С. 66—74.
18. *Цанн-Кай-си Ф. В.* Карл Маркс и ноосферная история // *Глобальная коэволюция сознания как ноосферная история*. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. С. 94—103.

УДК 1:316

ББК 60.03

DOI: 10.46726/И.2021.3.13

Б. М. Кондорский

РОССИЯ КАК ГОСУДАРСТВО-ОЙКУМЕНА

В статье предпринята попытка осмыслить и привести в определенную систему историю России на основе концепции ойкумены как системы, имеющей свои внутренние законы, как единства природных и социальных явлений и процессов. Рассмотрена специфика ряда ойкумен, сменявших друг друга в пределах Руси: племенной, торговой, городской. Показано, что глубокий кризис древнерусской потестарной системы на рубеже XII—XIII вв. и последующая феодальная революция предопределили переход к феодальной ойкумене в рамках Московского государства. Зафиксировано, что ойкуменский фундамент способствовал восстановлению Российского государства после Смутного времени, а попытка провести индустриализацию после двух с половиной столетий помещичье-крепостной ойкумены окончилась неудачей. Установлено, что эта задача была решена уже большевиками. Сделан вывод о том, что переход к постиндустриальному обществу в России возможен в тесном сотрудничестве не с Западом, а с Китаем и другими интенсивно развивающимися странами.

Ключевые слова: ойкумена, история России, Древняя Русь, феодальная революция, индустриализация, реформа Столыпина.

В. М. Kondorskii

RUSSIA AS A STATE-OIKUMENA

The article attempts to comprehend and lead to a certain system of Russia's history based on the concept of oikumena as a system that has its own internal laws, as the unity of natural and social phenomena and processes. The specificity of the series of oikumena — tribal, trading, urban — which replaced each other within Russia is stated. It is shown that the deep crisis of the ancient Russian fastening system at the turn of the XII—XIII centuries and the subsequent feudal revolution predetermined the transition to feudal oikumena within the framework of the Moscow state. It is recorded that oikoumene foundation contributed to the restoration of the Russian state after the Time of trouble, and the attempt to carry out the industrialization after two and a half centuries of the landlord-serf oikumena ended in failure. It is established that this task has been solved by the Bolsheviks. It is concluded that the transition to the post-industrial society in Russia is possible in close cooperation not with the West, but with China and other intensively developing countries.

Key words: oikumena, history of Russia, Ancient Russia, feudal revolution, industrialization, Stolypin's reform.

Обычно под ойкуменой понимается заселенная человеком часть мира (земной поверхности). Мы же рассматриваем Ойкумену как особую систему, имеющую свои внутренние законы, как освоенное человеком географическое пространство, как единство природных и социальных явлений [15, с. 20]. Системообразующим отношением ойкумены как системы являются потоки

социальной информации. В период древности — в форме миграций (типа «просачивания»), торговли (как правило, престижными вещами), войн (по законам, которые принципиально отличались от современных). Основным субъектом ойкумены является индивид. Не общины, не роды и семьи, а именно индивиды. Мигрировали, торговали, вели войны индивиды. Здесь правильно говорить о кланах как объединениях индивидов-мужчин, в отличие от общины как объединения семей. Индивиды и их объединения, как носители информации, должны большую часть времени находились в движении. В раннем Риме так называемые *gens*, имевшие внутреннюю структуру характерную для классического клана, основную часть своего времени занимались набегами на соседей с целью угона скота [12, с. 33]. Подобного рода ситуация была характерна и для других регионов.

Процессы формирования ойкумен носят обычно сукцессивный, стадийный характер. Так же как и в случае растительных сообществ, сначала появляется пионерная ойкумена, которая начинает осваивать определенный тип региона, создавая условия для последующих стадий. Все это заканчивается так называемой климаксовой ойкуменой, имеющей сложную структуру.

Освоение окрестностей Средиземного моря начали финикийцы. Греки быстро переняли опыт финикийцев в мореходстве, торговле, основании колоний. Рим сначала формирует Латинскую, затем Италийскую и, наконец, Средиземноморскую ойкумену в рамках Империи.

Являясь в своей основе социально-географической системой, каждая ойкумена имеет свои естественные границы. Выход за их пределы всегда чреват тяжелыми последствиями. Здесь действует следующий принцип — субъекты исторического пространства одной ойкумены не могут оказывать определяющего воздействия на исторические процессы в рамках другой ойкумены.

Естественные границы Римской ойкумены проходили по Дунаю и Рейну, а на Востоке по границам Сирии и Палестины. Попытки римлян перейти Рейн при Августе закончились гибелью трех легионов в Тевтобургском лесу, что вызвало серьезные проблемы в Империи [38, с. 119]. Выходя за естественные границы на Востоке в ходе парфянских войн, римляне чаще терпели тяжелые поражения. Это и страшный разгром легионов Красса, и неудачный поход Марка Антония, и гибель императора Каракаллы [4].

Историю заселения славянами Русской равнины нужно рассматривать исходя из закономерностей ойкумены, а саму равнину — как вмещающий ландшафт по Л. Н. Гумилеву [7], который и послужил географической основой сменяющихся друг друга ойкумен различного типа в рамках Древней Руси.

Для славян первой половины и середины первого тысячелетия была характерна ойкумена племенного типа. Основу общин составляли кровнородственные связи. Большую роль в поддержании единства ойкумены играли ритуальные центры. Классическим примером в этом отношении может служить Стоунхендж. Ляхи, которые в VI веке расселились по Висле и Бугу, имели общий ритуальный центр — капище на горе Вавель [1, с. 43]. Можно предположить, что одним из важнейших восточнославянских ритуальных центров были киевские горы.

У славян в первой половине I тыс. н. э. был общественный строй, похожий на таковой у германцев времен Тацита. Существовал совет старейшин. Верховная власть принадлежала народному собранию. Для этого периода характерны временные дружины на основе мужского союза, которые на свой

страх и риск занимались набегами на соседние селения [22, с. 28—30]. Если собственно общины представляли консервативный, то объединение молодых индивидуумов — мобильный компонент ойкумены.

В VIII—IX веках, когда земли Восточной Европы в значительной степени были уже освоены славянским населением, наблюдался приток многочисленных групп славянских переселенцев из Подунавья. В процессе расселения старая племенная старшина утрачивала свои позиции, уступая место служилой [6, с. 19]. Имели место процессы, характерные для Великого переселения народов и сопровождавшиеся разрушением традиционных связей. Подобного рода пришельцы установили контроль над местными общинами на основе общественного договора. В результате появляется князь со своей дружиной, имеющий элементы публичной власти. Происходит усиление роли Перуна в пантеоне славянских богов [2, с. 85], который становится покровителем князей и дружинников [1, с. 42].

В этот период особую роль играют русы как изгои самого различного происхождения. Ибн Фадлан описывает русов как воинов и торговцев, которые не имели единого руководства. Команда каждого корабля обладала определенной автономностью и состояла из равноправных партнеров [33, с. 183—185].

Русы характеризовались отсутствием какого-либо земледелия, недвижимого имущества, централизованной власти [37, с. 75—76] и занимались международной торговлей, в основном невольниками и пушниной [29, с. 118]. Русы здесь предстают в качестве классических акторов ойкумены. В отличие от традиционных общин только русы, как «свободные атомы», могли стать купцами.

В VII—VIII веках с появлением и становлением Арабского халифата начинает формироваться сеть торговых путей, обеспечивающая связи Европы с Востоком. Появляется международная торговая ойкумена. В начале основную роль играет Средиземноморье. Затем появляется потребность в торговле с населением (племенами) Русской равнины, которые могли предложить дефицитные товары — в первую очередь пушнину и мед (воск). А также невольников, которые высоко ценились на Востоке. Здесь мы сталкиваемся с распространенным феноменом, характерным для ойкумены — продажей традиционными общинами «лишних ртов».

В IX—X веках доминировал волжский торговый путь. С ним были связаны несколько объединений русов. Помимо тех, которых описал Ибн Фадлан, можно говорить о донских русах, которые находились в своеобразной симбиозе с Хазарией [19, с. 62]. Хазары не имели своего флота и использовали русов не только для торговых целей, но и для набегов на своих торговых конкурентов в Каспийском море [10, с. 112—115]. Можно также говорить о таманских русах, которые в основном занимались пиратством в Черном море и набегами на византийские земли [19, с. 61—62].

Серьезные политические проблемы, возникшие в X веке на Среднем и Ближнем Востоке, нанесли заметный удар по существующей здесь торговой ойкумене. Это привело к резкому ослаблению Хазарского каганата. Именно эти факторы способствовали его гибели. Происходит разрушение конфедерации донских русов, реликтами которых впоследствии станут так называемые бродники.

Следующая ойкумена была сформирована уже северными (ладожскими) русами. Олег с дружиной (состоящей из русов) и воинами из варягов,

словен, чуды, мери, веси, кривичей устанавливает контроль над территорией смоленщины, а затем подчиняет среднеднепровские племена [32, с. 23]. Та легкость, с которой все это было сделано, связано с «ощущением» потребности в объединении славянских племен Русской равнины и формированием ойкумены нового типа. Подобного рода объединительные процессы в этот период происходят на территории Польши и Чехии. Олег закрепился в Киеве на основе договора с местной общиной, также как в свое время это сделали Аскольд и Дир [28, с. 134].

Для того, чтобы понять базовую специфику ойкумены нового типа, нужно обратиться к биологическим закономерностям. В экологических системах фундаментальным условием нормального биологического круговорота веществ является редукция произведенной биомассы. Именно этот блок выполняет управляющие функции в экосистеме [18, с. 123]. В этот период появляется избыточный продукт (как категория ойкумены), который не надо путать с прибавочным продуктом в рамках собственно экономической системы. Утилизация избыточного продукта в цивилизациях ранней древности была основой появления различного рода культовых сооружений: в том числе пирамид в Древнем Египте и в Мезоамерике. Следует отметить, что избыточный продукт появляется в вождествах, что отличает их от обычных племен типа североамериканских индейцев.

Древняя Русь весь период своего существования была вождеством с оболочкой раннего государства и потестарным типом власти. Не надо быть специалистом, чтобы увидеть кардинальные различия этого образования с государственностью Византии. Первичным звеном этого процесса является полудье. Именно русы, как основа дружины Рюриковичей и становятся главными организаторами этого процесса. Следует отметить, что изъятие избыточного продукта проводилось на основе взаимного согласия. К тому же во время полудья князь выполнял полицейские и судебные функции [3, с. 62]. Конфликт, который возник у Игоря с древлянами, был связан с тем, что князь грубо нарушил существующие на тот момент законы ойкумены.

В начале XI века начинается процесс формирования городской гражданской общины. В Правде Ярослава из 17 статей 10 посвящены правам личности члена городской общины [30, с. 73]. Происходит заметная имущественная дифференциация. Имущество становится принадлежностью не патронимии, а малой семьи. Члены городской общины, которые не могут исполнить свои гражданские обязанности, не имеют для этого достаточного имущественного ценза, превращаются в изгоев (холопов). Оказавшись за пределами городской общины, они переходили под защиту князя [31, с. 414] и благодаря его опеке снова становились частью правовой системы [36, с. 182].

В конце X века происходит упадок городищ как основы предыдущей ойкумены. Протогорода, которые населяли воины-купцы и ремесленники, были связаны с торговыми путями. С формированием ойкумены нового типа рядом с городищами появляются собственно города. Новгород, Смоленск, Ярославль, Ростов не стали прямыми преемниками Рюрикова городища, Гнездова, Тимерева, Сарского городища [9, с. 51].

Следует обратить внимание на очень важный момент. Любой город населялся находниками — людьми со стороны. Новгород это не город словен, также как Киев не город полян [23, с. 60]. В городе в рамках городской общины отсутствовали связи и соответствующий тип сознания,

характерные для традиционных социумов. Население городов в этот период формировалось исключительно на основе законов ойкумены — за счет отдельных индивидуумов.

В конце XII — начале XIII начинается кризис и этой ойкумены. Русь как историческая система уже не имела никакой перспективы дальнейшего развития. Нападения князей друг на друга, несоблюдение ими союзных соглашений, нарушение клятв, грабежи и разорение городов сопровождают историю Древнерусского государства вплоть до конца его существования [21, с. 13]. Происходит консервация городских общин и их социального сознания. Торговый путь «из варяг в греки» теряет свою актуальность вследствие упадка Византии.

Так называемое татаро-монгольское нашествие (как явление ойкуменского характера), как не покажется странным, принесло определенную «пользу», резко ускорив разрушение старой ойкумены. В противном случае мог иметь место процесс длительного «исторического загнивания». И главное — оно обеспечило достаточную глубину феодальной революции.

В Киевской Руси не было феодализма как системы. Имели место процессы феодализации, когда появляются внешние признаки, характерные для феодальной формации. Феодальная революция имела место во второй половине XIII века уже в рамках формирующегося Московского государства и послужила основой его дальнейшего развития почти на 300—400 лет позже, чем в Западной Европе [18, с. 126].

Основной целью любой революции является устранение носителей «старого сознания», часто путем террора. В Северо-Восточной Руси революция сопровождалась репрессиями по отношению к городским общинам со стороны Александра Невского и его сына при помощи татар [26, с. 197]. Революционный период здесь закончился на рубеже XV—XVI веков присоединением последних реликтов Древней Руси — Новгорода и Пскова.

В Западной Европе феодализм как формация потерял свою актуальность уже в конце XV века. Дворяне эпохи Тюдоров и внешне и внутренне отличались от рыцарского сословия времен Войны Алой и Белой розы. Во Франции Людовик XI обладал уже принципиально новым типом общественного сознания и всеми доступными средствами боролся против феодальной «вольницы». Наконец, заключение в середине XVII века Вестфальского мира знаменовало появление европейской межгосударственной политической системы. Законы ойкумены здесь отходят на второй план.

Несколько иная ситуация наблюдалась в рамках Московского государства. Важным моментом перехода от одного этапа исторического развития к другому, посредством революций, является уровень преемственности с предыдущим периодом, который здесь отличался определенной заметностью в плане социального сознания по сравнению с Западной Европой. Все это спровоцировало и междоусобную войну во второй четверти XV века и, главное, явилось причиной опричнины при Иване Грозном, направленной против носителей «старого сознания». Здесь явно прослеживаются рецидивы мужского союза (как института ойкумены), которые касаются даже таких моментов как собачья голова, прикрепленная к шее лошади опричника. Волк (собака) исторически были основным символом мужских союзов у славянских и иранских народов [8, с. 61—75].

Наследие феодальной раздробленности XIV—XV веков, оказавшее определяющее влияние на общественное сознание тогдашней элиты, а также

неблагоприятная геополитическая ситуация, помешали в этот период появлению устойчивого государства. Попытки посредством Ливонской войны сформировать полноценную ойкумену привели к перманентному внутреннему кризису во второй половине XVI века.

Смутное время начала XVII века явилось следствием кризиса феодальной ойкумены. Крайне тяжелые последствия этого периода в экономической, политической и социальной сферах имели и положительную сторону. Сформировался тип общественного сознания, который имел твердый базис, основанный на единстве и целостности российской ойкумены. Именно в этот период появляется Россия как государство-ойкумена. Однако все в истории имеет свою «цену». По существу, начиная с воцарения Романовых, в течение двух с половиной веков мы имеем единую ойкумену, которую условно можно назвать помещичье-крепостной. Более 90 % населения было законсервировано в рамках крестьянских общин, социальное сознание которых не претерпело никаких изменений в течение всего этого периода. В России не было даже намека на английское «огораживание».

Реформы Петра во всех сферах прямо или косвенно были направлены на создание современной армии и флота. Борьба за выход к Балтийскому морю имела для России жизненный характер. Но победа в Северной войне и активная дипломатия Петра в европейском направлении [25] способствовали вхождению России в европейскую систему политического равновесия. При этом Россия стала важнейшим фактором этого равновесия. Европа в течение двух столетий любыми способами втягивала Россию в свои внутренние разборки. Однако блестящие победы русского оружия, сопровождавшиеся тратой огромных людских и материальных ресурсов, не приносили России каких-либо дивидендов. Здесь уместно вспомнить, что выход за пределы естественной ойкумены ни к чему хорошему не приводит¹.

Польша, включенная в состав Российской империи в качестве награды за поход русской армии 1813—14 годах против Наполеона, все сто лет оставалась «инородным телом». То же самое относится к Финляндии. К тому же вчерашние союзники, начиная с Августа Сильного, старались «нагадить» России при первом удобном случае. Единственным исключением был период царствования Екатерины II, которая вела войны исключительно в интересах Российского государства, его ойкумены.

Походы Карла XII и Наполеона на Россию закончились полным крахом, несмотря на то, что их армии были более сильными в военно-профессиональном отношении. Гениальность Петра и Кутузова заключалась в том, что они смогли перевести противника из европейского военно-политического в цивилизационное пространство российской ойкумены, где климатические и географические факторы сыграли не последнюю роль в его разгроме. Следует обратить внимание на партизанское движение в обоих случаях как чисто ойкуменское явление. На Западе нечто похожее было только в Испании.

Уже в начале XIX века существующий тип ойкумены полностью исчерпал свой потенциал. В связи с промышленной революцией в Западной Европе возникла острая потребность в формировании уже ойкумены индустриального типа. Однако, также как и в петровский период реформы Александра II

¹ Забегая вперед, следует отметить, что классическим примером в советский период выхода за пределы естественной ойкумены был ввод войск в Афганистан.

носили форсированный и подражательный характер (имеется в виду Европа). Если при Петре была предпринята попытка насаждения сверху европейского образа жизни, то в 1861 году — насаждения сверху капитализма и некоторых элементов западных свобод. В обоих случаях они затрагивали, в основном, тонкий элитарный слой общества.

В России капитализм не имел своих корней [16, с. 80]. Для российской цивилизации были характерны коллективизм, общинность, приоритет духовных ценностей над материальными [27, с. 29]. Цивилизационная специфика в плане социального сознания отталкивала основную массу населения от капиталистических общественных отношений. Общинная этика отвергала протестантскую. Капитализм в России существовал в виде уклада, а не системы. Уклад не имеет потенциала развития. Для появления капиталистической системы необходима определенная критическая масса капитала — чтобы в дальнейшем пошла «цепная реакция». В России этого не было. Капитал лишь одной американской «Юнайтед Стил корпорейшн» равнялся совокупному капиталу всех индустриальных и торговых компаний России [35, с. 19].

Тип сознания российской традиционной элиты кардинально отличался от таковой на Западе. После реформы 1861 года объем крестьянских выкупных платежей составил около 10 млрд рублей [14, с. 57]. Однако русские помещики, как правило, не вкладывали деньги в развитие экономики, а «проедали», в отличие от Германии и Японии. Реформа 1861 года еще более укрепила власть сельской общины над крестьянами. Следует учесть, что сознание российского крестьянина воспринимало землю как божью, ничью [13, с. 60]. Отсюда — полное неприятие частной собственности на землю, требование отменить ее продажу. Крестьянину был чужд буржуазный взгляд на собственность как источник богатства [24, с. 670]. Землю считали общим достоянием тех, кто ее обрабатывал. Таким образом, даже после реформы 1861 года сельское хозяйство в крестьянском секторе по-прежнему функционировало по законам ойкумены.

Попытка Столыпина разрушить крестьянскую общину, в конечном итоге, закончилась провалом. В значительной степени это объяснялось тем, что ее сочиняли люди, плохо знавшие русскую деревню [11, с. 25]. Сознание кулака принципиально не отличалось от такового обыкновенного члена крестьянской общины. В итоге политика Столыпина — по разным причинам — не смогла устроить ни народ, ни либералов, ни правых, ни левых, ни самого царя [34, с. 135]. Подобного рода проблемы были характерны и для реформ в промышленной сфере. Важность ускоренной индустриализации понимал С. Ю. Витте, который считал, что только она спасет подлинный суверенитет России [5, с. 173]. Основная его ошибка заключалась в том, что основную ставку он делал на привлечение иностранного капитала. Однако опора на заграницу неизбежно ставила Россию в подчиненное положение и создавала угрозу национальной безопасности.

В биологии есть понятие «инадаптивного развития», когда та или иная эволюционная ветвь пытается достигнуть определенных результатов без глубоких преобразований исходной организации. Нечто похожее мы наблюдаем в России в конце XIX — начале XX века. Так что последующую Российскую революцию следует рассматривать как неизбежность.

В 1920-е годы в Советской России сформировалась политическая система, которая по-прежнему имела фундамент на основе законов ойкумены. Советское руководство, в первую очередь в лице Сталина, «чувствовало» эти

законы (в отличие от царских министров) и, главное, следовало им в своей внутренней политике. Коллективизация, как полная аналогия английского «огораживания», привела к разрушению традиционной общины и индивидуализации крестьян, «ввела» их в пространство ойкумены. Индустриализация в СССР проводилась, в отличие от промышленной революции на Западе, в соответствии с ее законами.

Нужно иметь в виду, что все революции, начиная с неолитических и заканчивая Новым временем, происходили по законам ойкумены. Акторами так называемых «буржуазных» революций были не буржуа, а те, кого Ленин называл разночинцами — изгой из своих сословий, индивиды, имеющие общественное сознание, кардинально отличное от корпоративного. Кстати, Сталин всеми доступными средствами боролся против любой корпоратизации в рядах управляющей элиты.

Кризис 1980-х годов в Советском Союзе был кризисом данного типа ойкумены. В 1990-е годы российская руководящая элита наступила на те же «грабли», что и руководство царской России. Причем, если в первом случае это имело форму трагедии, то во втором случае — фарса. Сравнить подобного рода «элисту» со П. Столыпиным и С. Витте, не говоря уже о руководстве партии большевиков — «не поворачивается язык».

Сейчас на Западе много говорят о постиндустриальном обществе. Но с учетом его «исторического возраста» это не более, чем «пена», «обманка». Здесь мы наблюдаем глубочайший внутренний кризис, который в определенной степени проявила эпидемия коронавируса [20]. Из экономического кризиса 2007—2008 годов не было сделано абсолютно никаких выводов. Так что все еще впереди.

Здесь нужно обратить внимание на одну, очень интересную закономерность. Если возникает какое-либо явление, угрожающее безопасности социально-политической (экономической) системы и на него не обращают должного внимания, оно рано или поздно проходит «точку невозврата», увеличиваясь в объеме, автономизируясь, структурируясь. Появляется деструктивная система, которая развивается уже по своим внутренним законам. Если вначале проблему можно решить «малой кровью», то после перехода «точки невозврата» — уже «большой». Однако имеет место и вторая «точка невозврата», после которой появившуюся угрозу нельзя устранить даже «большой кровью» и обычно это заканчивается разрушением существующей системы [17, с. 26].

Специфика данного явления заключается в том, что в процессе автономизации вновь возникшие деструктивные системы начинают действовать по законам ойкумены. В цивилизационных странах, имеющих ойкуменский фундамент, типа России и, особенно Китая, не смотря на издержки, в процессе исторического развития имели место мощные регенерационные потенциалы. В то же время в рамках западной цивилизации в настоящее время ситуация все больше напоминает ту, что была характерна для поздней Римской империи.

Современный Китай в своем развитии твердо опирается на фундамент исторической ойкумены. Автором было показано, что для того чтобы понять глубинную суть проекта «Экономический пояс на Шелковом пути», необходимо углубиться в историю Китая на две с половиной тысячи лет [17]. России и Китаю, вместе с так называемыми странами третьего мира, нужно сформировать собственное политическое, экономическое и финансовое пространство, функционирующее с учетом реальных (объективных) законов Ойкумены.

Список литературы

1. *Алексеев С. В.* Великое расселение славян. М.: Вече, 2015. 352 с.
2. *Алексеев С. В.* Праославяне. Опыт историко-культурной реконструкции. М.: Академический проект, 2015. 430 с.
3. *Асонов Н. В.* Эволюция социально-политических представлений в Домонгольской Руси. М.: Изд-во МГОУ, 2007. 135 с.
4. *Бокщанин А. Г.* Парфия и Рим. Система политического дуализма в Передней Азии. М.: Изд-во МГУ, 1966. 303 с.
5. *Верт Н.* История Советского государства. М.: Весь мир, 2006. 560 с.
6. *Горский А. А.* Русь: От славянского расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. 392 с.
7. *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеиздат, 1990. 528 с.
8. *Гутнов Ф. Х.* Ранние скифы. Очерки социальной истории. Владикавказ: Ин-т цивилизации, 2006. 202 с.
9. *Даркевич В. П.* Происхождение и развитие городов древней Руси (X—XIII вв.) // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 43—60.
10. *Ермолова И. Е.* Политика Византии по отношению к кочевникам в V—VI вв. // Восточная Европа в исторической перспективе. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 72—78.
11. *Зырянов П. Н.* Столыпин без легенд. М.: Знание, 1991. 64 с.
12. *Игнатенко А. В.* Избранное. М.: Норма, 2013. 464 с.
13. *Кабытов П. С.* Русское крестьянство в начале XX века. Саратов: Изд-во СарГУ, 1990. 146 с.
14. *Ковальченко И. Д.* Столыпинская реформа // История СССР. 1991. № 1. С. 52—73.
15. *Кондорский Б. М.* Историческое развитие китайской ойкумены в древности // Общество и государство в Китае. Т. XLVII, ч. 1. М.: ИВ РАН, 2017. С. 20—35.
16. *Кондорский Б. М.* Попытка анализа характера развития капитализма в России в конце XIX — начале XX века с позиций концепции революционного периода // Журнал региональной истории. 2017. № 3. С. 73—91.
17. *Кондорский Б. М.* Историко-экономические и политико-идеологические предпосылки китайского проекта «Экономический пояс Шелкового пути» // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 2. С. 21—28.
18. *Кондорский Б. М.* Рецидивы архаических социальных институтов в рамках политических режимов постсоветских государств // История и современность. 2019. № 3. С. 112—131.
19. *Кондорский Б. М.* Азово-Черноморские русы // Причерноморье в контексте обеспечения национальной безопасности России: материалы конференции. Краснодар: КубГУ, 2020. С. 59—65.
20. *Кондорский Б. М.* Социально-исторические аспекты пандемии COVID-19 (теоретические предпосылки) // Историческая наука и историческое образование в условиях глобальных трансформаций: Материалы XXV Всероссийских историко-педагогических чтений. Екатеринбург: УрГПУ, 2021. С. 84—88.
21. *Котляр Н. Ф.* Удельная раздробленность Руси. Киев: ИИУ НАНУ, 2013. 270 с.
22. *Левченко М. В.* Византия и славяне в VI—VII веках // Вестник древней истории. 1938. № 4 (5). С. 23—48.
23. *Милов А. Н.* Первослово, или Третья Русь. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 504 с.
24. *Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII—XX века. М.: Новый хронограф, 2010. 911 с.
25. *Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Великого. М.: Международные отношения, 1984. 440 с.

26. *Оловинцов А.* Статус Руси в XIII—XVI веках. Тюрки или монголы? Иго или противостояние? М.: Алгоритм, 2018. 432 с.
27. *Ольштинский Л. И.* Советское общество. Кн. 1. Путь России к социализму (1905—1920 гг.). М.: ИТРК, 2014. 184 с.
28. *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. М.: Гнозис, 1995. 330 с.
29. *Петрухин В. Я.* Древняя Русь: народ, князья, религия // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 13—412.
30. *Поляков А. Н.* Древнерусская цивилизация: основные черты социального строя // Вопросы истории. 2006. № 6. С. 67—86.
31. *Пресняков А. Е.* Княжое право древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука. 1993. 642 с.
32. *Темушев С. Н.* Образование Древнерусского государства. М.: Квадрига, 2014. 208 с.
33. *Толочко А. П.* Очерки начальной Руси. К-СПб.: Лаурус, 2015. 336 с.
34. *Тютюкин С. В., Шелохаев В. В.* Марксисты и русская революция. М.: РОССПЭН, 1996. 240 с.
35. *Уткин А. И.* Первая мировая война. М.: Алгоритм, 2001. 592 с.
36. *Фроянов И. А.* Рабство и данничество у восточных славян (VI—X вв.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 512 с.
37. *Шинаков Е. А.* Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. М.: Восточная литература, 2009. 477 с.
38. *Шифман И. Ш.* Цезарь Август. Л.: Наука, 1990. 200 с.

УДК 87.061

ББК 167

DOI: 10.46726/И.2021.3.14

*С. Р. Коголовский***ФОРМАЛЬНАЯ ЛОГИКА КАК НОСИТЕЛЬ КРЕАТИВНОСТИ**

В статье характеризуется подход к обучению математике, при котором формально-логические средства являются средствами преобразования способа мышления учащихся и становятся средствами формирования и развития их теоретического мышления. Отмечается, что, вопреки широко известному утверждению Адамара, ценность математической строгости состоит далеко не только в том, чтобы узаконить завоевания интуиции.

Ключевые слова: обучение математике; эмпирическое мышление; теоретическое мышление; формальная логика; преобразование способа мышления; креативность.

*S. R. Kogalovskii***FORMAL LOGIC AS A CARRIER OF CREATIVITY**

The article characterizes an approach to teaching mathematics, in which formal-logical means are the means of transforming the way of thinking of students and become the means of forming and developing their theoretical thinking. It is shown that, contrary to the well-known statement of Hadamard, the value of mathematical rigor is not only to legitimize the conquests of intuition.

Key words: teaching mathematics; empirical thinking; theoretical thinking; formal logic; creativity; transfiguration of the method of thinking.

Многие учителя математики выражают ее существо тезисом «**Математика — это логика**». При этом они имеют в виду классическую формальную логику и ее роль видят единственно или, по крайней мере, преимущественно в надежных обоснованиях, или доказательствах, теорем. Изучаемые в школе теоремы являются утверждениями, относящимися, в конечном счете, к ведущим понятиям школьного курса математики. Каково происхождение этих понятий? И какие значимые роли играла классическая формальная логика в их становлении?

Следующий ниже вопрос более непосредственным образом относится к проблематике обучения школьников математике. Ведущие понятия школьного курса математики являются его «несущим каркасом». Существенным развивающим средством обучения математике является осуществление процессов их формирования и освоения, строящихся как процессы восхождения от интуитивных представлений к строгим понятиям как к эффективным орудиям поисково-исследовательской деятельности и «средствам производства» таких орудий. Каковы роли формально-логических средств в таких процессах? Прояснение этого вопроса поможет и прояснению вопроса о месте и ролях формально-логических средств в развитии теоретического мышления школьников при их обучении математике.

Но разве последний вопрос нуждается в прояснении? Разве он не решен? *«Формальная логика признает лишь методы рассудочного мышления. Для «развитого» же человека специфично разумное мышление, предпосылкой которого выступает исследование природы самих понятий (рефлексия). Формально-логический подход к мыслительным процессам не вскрывает специфики образования понятий, которая внутренне связана с исследованием самой их природы, с рефлексией»* — говорил В. В. Давыдов [5, с. 61]. Сказанное им согласуется с категоричным «диагнозом» (классической) формальной логике, почти 200 лет назад поставленным Гегелем: *«Так как логические формы в качестве застывших определений лишены связи друг с другом и не удерживаются в органическом единстве, то они мертвые формы и в них не обитает дух, составляющий их живое конкретное единство... Им недостает подлинного содержания»* [4, с. 12].

С тех пор классическая формальная логика претерпела значительное развитие¹. В научный обиход вошли и другие формальные логики. Но процитированное утверждение Гегеля относимо и к сегодняшней классической формальной логике. Оно истинно для всякой формальной логики, если иметь в виду те ее место и роли, какими выделялись место и роли классической формальной логики современникам Гегеля. Оно истинно в таких рамках, как истинно и для языковых форм, например, русского или английского языка, рассматриваемых без обращенности к их отношениям, к семантическим планам, без обращенности к метаязыковым планам, без движения мысли, инициированной этими и многими другими планами. По сути, это имел в виду Гегель: *«Бессодержательность логических форм получается единственно только вследствие способа их рассмотрения и трактовки»* [там же]. Сказанное Гегелем относимо ко всякому одномерному мышлению, безотносительно к тому, каков его предмет. Так, хорошо известны примеры триумфального шествия мертвых костей диалектической логики в трудах демьянов бедных от казенной философии.

И сегодня говорят о несовместимости диалектики (как связанной с движениями, с качественными изменениями) с формальной логикой (как связанной с неизменностью). Но действительно ли диалектика как предмет исследования/освоения несовместима с формальной логикой как орудием исследования/освоения?²

Эмпирическое, или рассудочное, мышление является всепроникающим компонентом теоретического, или разумного мышления, функционирующим на всех его уровнях [13]. То же относится к формально-логическим средствам (якобы *«признающим лишь рассудочное мышление»*). Они функционируют и на предметных, и на метапредметных уровнях теоретического мышления, и на метатеоретическом уровне.

Достижения метаматематики, достижения теории моделей преобразили лицо математики и ее прикладные возможности. Сегодня выступить в защиту

¹ Можно ли было во времена Гегеля помыслить возможность выражения средствами формальной логики процессности, сопровождающейся существенными изменениями, сегодня могущей быть выраженной на языках исчисления предикатов? Можно ли было во времена Гегеля помыслить саму возможность доказательства принципиальной ограниченности возможностей формальной логики **средствами самой этой логики**, которой *«недостает подлинного содержания»*?

² И не помогает ли усмотреть ответ на этот вопрос хотя бы тот факт, что произведения Гегеля представляют неизменные тексты?

формально-логических средств как носителей креативных возможностей значит ломиться в открытую дверь.

Полнокровная реализация креативного начала, несомненно формально-логическими средствами в обучении школьников математике, не может не сопровождаться преодолением извращенного способа обучения, который порождается приверженностью вредной догме, выражаемой тезисом «**Математика — это логика**», понимаемым так, как это описано в начале статьи, и несет блокирование как собственно математического, так и логического развития учащихся. Приверженность этой догме препятствует раскрытию и реализации истинных возможностей формально-логических средств в обучении математике.

Мышление — это многомерный и многоуровневый процесс, включающий и работу внерациональных его форм. Оно не бывает «формально-логическим». Оно есть продукт взаимодействия разных логик³ и внерациональных форм мышления. А значит, неправомерна (или, по крайней мере, непродуктивна) сама постановка вопроса о месте и роли формальной логики *самой по себе*, рассматриваемой изолированно, а не как компонента, не как механизма мышления, в деле развития мышления учащихся. Рассмотрение же ее как такого механизма помогает, прежде всего, осознать, что она является средством достижения таких «*твердости и определенности в знаниях*» [5, с. 59], которые являются началом восхождения на теоретический уровень мышления, тогда как функционирующая «сама по себе» и при этом обретающая главенствующую роль она превращает достигаемые с ее помощью «*твердость и определенность в знаниях*» в порабощающие догматические, пещерные твердость и определенность, становящиеся не только препятствием восхождению на уровень разумного, теоретического мышления, но и убийцами здравого смысла.

«Что такое предел последовательности?», «Что такое касательная к линии в заданной ее точке?», «Что такое вероятность события?» — уже сама подобная постановка вопроса (не говоря уже о таких постановках вопросов, относящихся к корневым, первоосновным представлениям, как «Что такое число?» и «Что такое линия?»), обращенность к ней рождает смысловой скачок⁴, несущий опредмечивание деятельного, инструментального начала

³ Даже элементарные уровни математической деятельности используют далеко не только классическую логику. Так, в процессе открытия школьником доказательства той или иной теоремы используются разные логики: если само искомое доказательство использует классическую логику, то его поиск следует и интуиционистской логике, а его проверка — конструктивной логике. Поли-логичность мышления не может не стать особым предметом исследований в области дидактики, когнитивистики и эпистемологии.

⁴ Здесь естественно процитировать Н. С. Автономову [1]: «*Понимание на высших своих уровнях — это деятельность теоретическая, деятельность связывания идей, установления отношений между ними, приведения их к целостному, системному виду ... Такое понимание не может возникнуть просто из накопления фактов: оно требует перерыва постепенности в этом процессе, того, что может показаться неоправданным и неисповедимым скачком, если бы мы ограничились рассмотрением только одним теоретическим уровнем. ... На уровне более фундаментальных и менее развитых форм осуществляется накопление возможностей... скачка теоретического познания. ... Построение целостностей, или, иначе, понимание, никогда не происходит само собой, автоматически, на основе суммирования наличного материала, но всегда требует отрыва от налично данного, игры фантазии, интуиции, воображения*».

и посредством этого погружение в пространство более первичных, «корневых» значений и смыслов. Это начало восхождения от обыденных, наивных, синкретичных представлений на уровень теоретического мышления, становящееся и началом восхождения к работе формально-логических средств. Это начало восхождения к работе формально-логических средств, становящееся началом восхождения на уровень теоретического мышления. Это начало овнешнения, начало опредмечивания работы скрытых механизмов мышления, прячущихся за эмпирической формой мышления. Это начало восхождения к строгому понятию. Средством, побуждающим учащихся обратиться к такой постановке вопроса, является обращение к пограничным ситуациям, проявляющим нечеткость, размытость представлений, долженствующих стать прототипом формируемого строгого понятия⁵. Такой их характер делает естественным и продуктивным процесс восхождения к формируемому понятию в духе сократических диалогов (являющихся, по сути, онтогенетическими моделями процессов культурного филогенеза и их продуктов). «Обертонными» таких процессов должны быть процессы постижения их логики. Такие процессы активизируют и развивают у учащихся механизмы анализа и рефлексии, являющиеся характеристическими механизмами теоретического мышления. Они осуществляются как развивающиеся процессы теоретического мышления, протекающие (преимущественно) в форме развивающихся процессов эмпирического мышления.

Сформированное в результате понятие — это модель представлений, являющихся его прототипом (и включающих неявные знания). Оно предстает как продукт выделения подходящей стороны дела в этих представлениях (точнее и шире говоря, — связанной с этими представлениями) как в объекте эмпирического исследования, выявляемой как «существо дела». Это есть теоретическое начало, но не как противопоставляемое эмпирическому, а как «выращиваемое» в его лоне и предстающее в эмпирической форме. Это пока еще скрытое теоретическое начало, пребывающее в «потенциальной» форме. Ему еще предстоит актуализироваться с помощью нового смыслового скачка и проявиться как «явно» теоретическому началу.

«Твердость и определенность в знаниях», несомые сформированным понятием, открывают широкие возможности использования формально-логических средств, а тем самым возможность развивать и испытывать на надежность создаваемые на такой базе орудия поисково-исследовательской деятельности.

Используя термин «формально-логические средства», мы тем самым подчеркиваем, что формальная логика функционирует как семантико-синтаксический инструмент, как неразделимое единство синтаксического и семантического планов при ведущей роли семантического плана, а значит, при ведущей роли смыслового начала и тем самым при ведущей роли механизмов понимания. (Иначе дело обстоит разве лишь в специальных исследованиях, связанных с собственно формально-логическим планом и метаматематикой).

Сформированное понятие как строгое понятие несет в себе новый смысловой скачок, осуществимый при его применениях как «погружение» ставших привычными представлений и отвечающих им способов действий

⁵ Такие ситуации предстают как контрпримеры по отношению к отправным представлениям, служащие и наращиванию логико-семантических средств, связанных с формируемым понятием.

в новый, необозримый, трансцендентально идеальный мир, мир трансцендирований, идеальный по отношению к ставшему привычным для учащихся математическому миру. Для его освоения необходимы формально-логические средства. Использование сформированного понятия само по себе еще не обеспечивает ни такого скачка, ни строгости. Но «очищающий» способ мышления, «настраиваемый», порожаемый формальной логикой, превращает это понятие в понятие иной природы, в понятие «трансцендентального» характера по отношению к освоенному до этого миру значений и смыслов. Именно в рамках нового мира посредством использования формально-логических средств (включающих и обыденные логико-семантические средства) происходит переосмысление и более глубокое постижение сформированного понятия как продукта преобразования способа мышления и самого предмета рассмотрения. Это начинается с испытания сформированного понятия на работоспособность, являющегося одновременно первичным его освоением. Уже оно приводит учащихся к усмотрению качественно новых возможностей, несомых этим понятием, и к пониманию того, что строгость превращает его в эффективный метод⁶.

Новый мир становится идеальным полигоном для испытаний сформированного понятия на эффективность, для совершенствования его формы, для расширения возможностей его применения, для наращивания его «дальнодействия», для наращивания «дальновидения» субъекта поисково-исследовательской деятельности.

Погружение в такой мир несет возможность столкновений с качественно новыми ситуациями, возможность *конструировать* и исследовать такие ситуации. Это несет развитие фантазии и воображения учащихся, развитие их способностей к креативности, к рефлексии. Это несет развитие их способностей к использованию и развитию самого осваиваемого понятия как орудия поисково-исследовательской деятельности и как «средства производства» таких орудий. Это ведет к общему математическому их развитию, а тем самым к общему интеллектуальному развитию.

Итак, строгость, рождаемая в лоне эмпирического мировосприятия, открывает возможность полноценного функционирования формально-логических средств. И именно эти средства помогают раскрывать неожиданные для учащихся ситуации, не согласующиеся с их исходными представлениями. Они помогают раскрывать в результатах преобразований представлений в строгие понятия результаты ими же рождаемых преобразований строгих понятий в эффективные и широко применимые орудия поисково-исследовательской деятельности и «средства производства» таких орудий в существенно расширенном «мире». Они помогают раскрывать в результатах ими же рождаемых преобразований предметов и орудий эмпирического мышления предметы и орудия теоретического мышления. Тем самым формально-логические средства служат и «проявителем» того, что за эмпирическим мышлением, работу которого венчает сформированное понятие, скрывается теоретическое мышление, «*вскрывающее* <ею же рождаемые> *переходы, движение, развитие*» [5, с. 61]. Они являются необходимыми средствами формирования, освоения и развития ведущих математических понятий.

⁶ Но, конечно, использование определения сформированного понятия может происходить как формальная, как «техническая» процедура, без участия механизмов понимания, без соотнесения особенностей рассматриваемой ситуации со сложившимися представлениями. В результате учащийся остается в рамках прежних представлений.

Неверно, что формальная логика «признает лишь методы рассудочного мышления». Но верно то, что она «признает методы рассудочного мышления» как продуктивную форму своего функционирования как компонента теоретического мышления, несущего ту высочайшую креативность математической деятельности, которая заставляет говорить о непостижимой эффективности математики.

Было бы неестественно не соотносить все сказанное выше со следующим широко цитируемым тезисом Адамара, звучащим в согласии с процитированными выше тезисами В. В. Давыдова и Гегеля: «Цель математической строгости — ... узаконить завоевания интуиции, и она никогда не имела другой цели» (цит. по [16]). Но действительно ли единственная цель математической строгости (реализуемой использованием формально-логических средств) — узаконить завоевания интуиции? Математическая строгость — это и средство организации знаний в органичную систему, обретающую большую потенцию развития. Освоение ведущих строгих понятий несет и развитие возможностей мыслить свернутыми структурами⁷. Тем самым оно несет нарастание способностей к «дальнодействию» мышления. Строгое математическое понятие, рассматриваемое вместе с идеальным миром, включающим интерпретации этого понятия и (идеальные) орудия их исследования, становится эффективным средством развития этих представлений и методов их исследования, подготавливая новые завоевания интуиции. Принципиально новые возможности, несомые такими средствами, подобны возможностям астробиологии, преображающим не только предметную, но, что особенно важно, метатеоретическую базу геобиологии.

Математическая строгость, процессы восхождения к ней и овладения ею, раскрытие ее продуктивности, ее креативной роли, анализ этих процессов, раскрытие их внутренней логики — это необходимое средство овладения Большой Логикой процессов формирования, освоения и развития строгих ведущих понятий, являющейся стержнем математической, а с нею и общей научной культуры. Приобщение учащихся к этой Большой Логике, раскрытие многомерности и многоуровневости ведущих математических понятий, отражающих сложность механизмов познавательной деятельности, раскрытие посредством этого места и роли *субъектного начала* в математической деятельности, раскрытие гуманитарного существа математики — все это должно стать задачей и школьного и вузовских курсов математики [6, с. 200—201].

Уже из сказанного ясно, что теряет обучение математике без приобщения учащихся к преображающей роли формальной логики, и то, каким должен быть подход к обучению математике, открывающий возможность реализации этой ее роли.

* * *

История математики пронизана прорывами на новые уровни поисково-исследовательской деятельности, сопровождавшимися превращениями внутренних форм математической деятельности. Особенно зримо это проявляется

⁷ Начальной формой способностей мыслить свернутыми структурами является использование представлений. Уже это говорит о важности стадии обращенности к представлениям, являющимся прототипами этих понятий, как к носителям первичной ориентировки в процессах их формирования и освоения.

в современной математике. «Уходя» от своих изначальных объектов посредством многоступенчатых превращений и самих этих объектов, и способов их рассмотрения, посредством многоступенчатых обращений к идеальным моделям и идеальным методам их исследования, развивающаяся математическая деятельность не уходит от их «существа», а приходит к нему как к творческому продукту в том сильном смысле, в каком его понимал А. Ф. Лосев [15]. Творческий продукт *агенетичен*: его рождение не предопределяется логикой «пренатального» процесса и происходит как смысловой скачок в силу его «несводимости к каким-нибудь другим продуктам, ... его самодовлеющей значимости». Математическая деятельность формирует и развивает это «существо» как эффективные механизмы метапредметной деятельности, как эффективные орудия поисково-исследовательской деятельности и «средства производства» таких орудий (и тем самым как бы возвращается к самим этим объектам, подвергнутым когнитивной и эпистемологической «очистке»). Это «существо» представимо, прежде всего, фундаментальными математическими понятиями.

Рождение превращенной формы отправного предмета исследования, как бы подменяющей его другим предметом, представляющим эффективное орудие его исследования, приводит к превращению его в содержательную почву, движущую силу и средство апробации и развития несомого ею метода. Оно приводит к «очищению» математической деятельности, состоящему в «отрыве» этой формы от той почвы, на которой она рождена, и тем самым к достижению ею «самостояния», к выявлению в ней «истинного» предмета математического исследования.

Теоретический подход к исследуемому полю математической деятельности начинается с формирования *предмета исследования*, являющегося моделью этого поля как *объекта исследования*. Предмет исследования как «очищенная», как идеальная, как продуктивная форма представления его объекта, «скрывающая» «фактический» характер объекта, «уводя» от него, «скрывающая» его «собственные отношения и их прямую взаимосвязь косвенными выражениями» (М. К. Мамардашвили [16, с. 316]), тем самым несет созидание его сущности.

Процесс формирования и развития предмета математического исследования нередко выступает как восхождение от абстрактного предметного к конкретному метапредметному. Он является процессом рождения и исследования превращенной формы объекта исследования. Сформированный предмет исследования вместе с его системой связей предстает не просто как форма «проявления существенных отношений», но как сами существенные отношения (ср. [16, с. 316]).

Способ организации математических знаний скрывает то, что они являются творческими продуктами, скрывает их преобразующий характер. Так, почти две с половиной тысячи лет в «Началах» Евклида видят образец построения учебного курса математики и не хотят видеть того, что «Начала» — итог длительного исторического процесса развития математики, логика организации которого как итога скрывает этот процесс, его «нелогичность», скрывает выдающиеся образцы творческих прорывов, скрывает истинную значимость, «завершающий» характер понятий, которые при такой — апостериорной — форме рассмотрения выступают как начальные [6]. Ведь то, что исторически выступает последним, становится логически первым (Гегель). Постигание особенностей математической деятельности, постижение

природы математики невозможно без учета того, что математические знания являются творческими продуктами. Постигание существа фундаментальных математических понятий, а тем более их освоение, требует погружения в процессы формирования их как творческих продуктов, в процессы их освоения, несущие превращения внутренних форм математической деятельности, работы понимания через практику в смысле С. С. Хоружего [18]. Знания, получаемые погружениями в такие процессы, являются Живыми Знаниями. В таких процессах формально-логические средства становятся носителями креативного начала.

Важнейшей задачей обучения математике в средней школе является способствование освоению учащимися строгих математических понятий и как предмета изучения, и как носителей методов и средств их обоснования, и как форм представления стратегий поисково-исследовательской деятельности, как несущего каркаса математических знаний. Поэтому важнейшим направлением исследования продуктивных методов обучения математике является формирование такого подхода к обучению, который способствовал бы успешному решению этой задачи (прежде всего, как задачи осуществления переходов от «натуральных» к «культурным» формам мышления).

Переход от интуитивных представлений, от прото-понятий, или житейских понятий, к строгим понятиям — *«это не дальнейшее движение в том же направлении, не его завершение, а начало нового направления, переход в новый и высший план мысли»*, это преобразование мыследеятельности, преобразование ее внутренней формы. *«Понятие — <это> сложный и подлинный акт мышления... который... требует, чтобы мысль <учащегося> поднялась в своем внутреннем развитии на высшую ступень»* (Л. С. Выготский [3]). В следовании этому — путь построения такой системы обучения математике, которая не только снимает многие трудности обучения, но и способствует более далеко идущему математическому и общему интеллектуальному развитию учащихся. Это путь, требующий не просто освоения формально-логических средств как средств обоснования открываемых результатов. Он требует освоения этих средств как средств преобразования способа мышления, как несущих креативное начало.

В названных ролях формально-логические средства выступают не только тогда, когда строгое понятие уже сформировано, что открывает полнокровные возможности их использования. В заметной степени эти средства используются уже в процессах восхождения к таким понятиям от их «житейских» истоков (см.: [8, 10, 12]).

Строгое понятие вначале мыслится лишь в рамках опыта использования интуитивных представлений или полуинтуитивного понятия, являющегося его прототипом, в рамках уже сформированного пространства процедур, значений, смыслов и ценностей. Многое из того, что связано с этим опытом, «имеется в виду», хоть и не оговаривается явно, а часто и не осознается. Но применение к определению понятия способа мышления, рождаемого формально-логическими средствами, «очищает» понятие от всего неявного и превращает его в понятие существенно иной природы, в понятие «трансцендентального» характера по отношению к сформированному пространству значений и смыслов, и в рамках нового, идеального пространства происходит переосмысление и более глубокое постижение строгого понятия. И это понятие несет в себе качественно иные возможности, чем просто уточнение. Использование формально-логических средств порождает метаморфозу

строгости понятия как продукта «уточнения» в продукт творческого акта, в понятие, имеющее иное содержание, в понятие, предполагающее иную позицию рассмотрения, в понятие, относящееся к иному смысловому пространству. Надконтекстуальность его как строгого понятия ведет к развитию его как понятия поликонтекстуального, а тем самым к развитию интуиции, к развитию взаимодействующих с ним образов, к развитию этого целого, к наращиванию потенциала его развития, а тем самым к наращиванию потенциала развития самого понятия.

Та строгость, которая в математической деятельности достигается посредством формально-логических средств вместе с несомым ими абстрагированием, превращает последнее в *трансцендирующее* абстрагирование. Именно оно рождает смысловые скачки. Прежде всего, оно, несет преобразования способов мышления, превращения его внутренних форм. Прежде всего, оно способствует развитию механизмов понимания. Прежде всего, оно способствует восхождению на новые уровни понимания.

Напомним, что говоря о формально-логических средствах, отнюдь не в последнюю очередь мы имеем в виду логико-семантические средства. К ним относится, в частности, использование контрпримеров. Как правило, последние используются как средство решения вопросов собственно логического характера. Но не менее важны как средство развивающего обучения контрпримеры другого рода, а именно примеры таких моделей ведущих математических понятий, которые не согласуются с первичным опытом их усвоения, как бы противоречат сложившимся представлениям или при всей их естественности воспринимаются учащимися как неожиданные. Такие контрпримеры являются эффективным средством развития их интуиции, средством уточнения их образных представлений, связанных с изучаемыми понятиями. (Роль таких контрпримеров играют и контрпримеры первого рода). Мышление — это *«процесс непрерывно совершаемого взаимного перевода с языка образов на символически-операторный язык»* (Л. М. Веккер [2, с. 134]). А значит, мышление, предмет которого связан с этими понятиями, не будет развиваться без развития его образного компонента. В [7, 8, 9] приводятся сценарии процессов формирования и освоения ведущих понятий, относящихся к началам анализа. Их необходимыми (и органичными) компонентами являются такие контрпримеры.

Если понятия, относящиеся к началам анализа, представляют виды отношений, определяемые в структуре действительных чисел, то понятие евклидовой геометрии представляет вид (класс) целостных структур, являющихся моделями этого понятия, в которых первичные геометрические понятия имеют, вообще говоря, иные смыслы, чем в привычной, стандартной его модели. Даже модели, изоморфные этой привычной модели, образуют необозримое множество структур, являющихся разноприродными геометрическими мирами. Уже все это говорит о важности логико-семантических средств освоения евклидовой геометрии и об ином характере их использования, чем при изучении начал анализа. Освоение того или иного поля математической деятельности — это и освоение связанного с ним логического плана как взаимодействий синтаксического и семантического планов, как их единства, как определенной формы проявления этого единства.

Со всем этим не может не соотносываться методология обучения математике. Только такое соотношение открывает возможность реализации креативного начала, несомого формально-логическими средствами. Только

такое сообразование превращает получаемые учащимися математические знания в Живое Знание. Оно достигается осуществлением процессов формирования и развития ведущих понятий школьного курса математики, но не таким, какое, по сути, представляло бы лишь объяснительное средство, направленное на усвоение формируемых понятий и научение использовать их посредством соответствующих упражнений, а таким, которое является освоением их как Живого Знания, как эффективных орудий поисково-исследовательской деятельности и «средств производства» таких орудий. Для этого процессы формирования и развития ведущих понятий должны выстраиваться как процессы многомерной поисково-исследовательской деятельности самих учащихся (направляемой и корректируемой учителем). Осуществление таких процессов как направляемых метапредметным уровнем и протекающих под постоянным его контролем несет учащимся восприятие их как целостностей, системное их восприятие, и тем постижение их внутренней логики. Ведущее математическое понятие как продукт такого процесса выступает и как предмет и как метод, и как орудие исследования и как «средство производства» таких орудий, и как субъект и как предикат.

Такие процессы являются и средством более качественного освоения школьного курса математики как «части физики». Ведь метапредметный уровень может и должен не только надстраиваться как «верхний этаж» над освоенными знаниями как знаниями предметного уровня, но и быть эффективным средством освоения самих этих знаний. Не менее важно и то, что такие процессы являются эффективным средством приобщения учащихся к математическому моделированию. Такое обучение закладывает потенцию далеко идущего интеллектуального развития учащихся и тем самым в большей мере отвечает и гуманитарным целям и потребностям современного социума. При таком обучении учащийся становится не только каменщиком, но и архитектором своего интеллекта.

Такому обучению отвечает *онтогенетический подход* к обучению математике, представленный, в частности, в статьях [6, 7], в ряде статей автора в журнале «Школьные технологии» и монографиях [8, 9, 12]. При таком подходе подлежащие освоению математические знания, умения, навыки выступают для учащихся «не как совокупность общественно эталонизированных знаний, умений и навыков, а как открытая многомерная система проблемно-творческих задач» (В. Т. Кудрявцев [14, с. 63]). Посредством этого формально-логические средства, являющиеся инструментом, орудием логики познания, становятся орудием логики становящегося субъекта учебной деятельности.

* * *

«Математика — часть физики» — это было однажды высказано В. И. Арнольдом. «Математика — часть физики» — повторяют с тех пор многие представители педагогического сообщества, игнорируя при этом тот контекст, в котором это было высказано В. И. Арнольдом. Если математика — часть физики, то естественно обучать математике в рамках обучения физике. Но разве не очевидны те невосполнимые потери, которые понесло бы обучение математике в таких рамках? И не говорит ли это о том, что математика не есть часть физики?

Очевидно, что средняя скорость (плавного, без рывков) движения материальной точки на временном отрезке совпадает с ее мгновенной скоростью в некоторый внутренний момент этого отрезка. Это положение можно отнести к математике, понимаемой как часть физики. Надконтекстная, «очищенная», «логизированная» форма этого положения предстает как теорема Лагранжа о конечных приращениях, несущая широко действующий эффективный метод исследования функций. Естественно ли ее относить к части физики?

Не далеко ушла бы физика без использования математических методов. Но отнюдь не менее существенно то, что сам язык физики — это в значительной степени язык математики. Так дело обстоит с языками многих наук. Язык математики — это значимая часть языка Культуры. Это язык, который непосредственно или опосредованно обращает к фундаментальным математическим понятиям, образующим «несущий каркас» математики. Выступая в качестве «средств производства» разнообразных орудий математической деятельности как деятельности поисково-исследовательской, фигурируя в необозримо широком разнообразии контекстов и в предметных и в орудийных ролях, эти понятия тем самым проявляют свою метапредметную и метаорудийную природу, свою *надконтекстную* природу. Тем самым они зримо демонстрируют свое логическое существо. Они функционируют как компоненты логики поисково-исследовательской деятельности. **Математика — это Логика.** Это логика поисково-исследовательской деятельности⁸ вместе с металогики, вместе со «стратегическими» и «техническими» средствами ее реализации⁹. Это взаимодействия разных логик. Это их единство. Выступая в логической ипостаси, математика включает в себя классическую формальную логику и как необходимый ее компонент и как механизм ее «само»-развития.

Очевидна ценность такого обучения математике, которое отвечало бы ее роли Логике, такого, при котором математика представала бы не только как Продукт применения логических средств (сплавленных с творческим началом), но и как сами логические средства.

Кричаще неправомерно говорить о логике как о части физики. Но правомерно говорить о частной но важной ипостаси математики как о части физики. И математика в такой ипостаси является предметом обучения в школе не только при обучении физике. Но качественно иной дух, несущий намного более далеко идущее развитие учащихся, обучение ей обретает в контексте обучения математике как логике.

⁸ Эта характеристика математики скрывается за ее характеристикой в [10, с. 33]. См. также [11].

⁹ Говоря о первых, мы имеем в виду логику исторических процессов формирования понятий, входящих в этот «несущий каркас», «очищенные» в том смысле, в каком логическое является «очищенным» историческим. Математика — это не только логика актов. Это, прежде всего, логика процессов. Фундаментальные математические понятия представляют их стратегические планы. Обращенность к «очищенному» историческому процессу формирования такого понятия — это обращенность к внутренней форме соответствующей стратегии и к представляющей эту стратегию логической форме.

Список литературы

1. Автономова Н. С. Метафорика и понимание // Загадка человеческого понимания. М., 1991. С. 95—112.
2. Веккер Л. М. Психические процессы. Т. 2. Л.: Издательство ЛГУ, 1976. 342 с.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь // Выготский Л. С. Собрание сочинений. Т. 2. М.: Педагогика, 1982. С. 5—361.
4. Гегель Г. Ф. Наука логики. Т. 1. М.: Мысль, 1970. 504 с.
5. Давыдов В. В. Теория развивающего обучения. М.: Интор, 1997. 544 с.
6. Когаловский С. Р. О развивающем обучении математике / Когаловский С. Р., Шмелева Е. А., Герасимова О. В. Путь к понятию (От интуитивных представлений — к строгому понятию). Иваново, 1998. С. 192—205.
7. Когаловский С. Р. О ведущих планах обучения математике // Педагогика. 2006. № 1. С. 39—48
8. Когаловский С. Р. Поиски метода и методы поиска. Шуя: Шуйский гос. пед. ун-т, 2006. 368 с.
9. Когаловский С. Р. Развивающее обучение математике как преобразующее обучение. Иваново: Иваново, 2010. 208 с.
10. Когаловский С. Р. Математика в свете идеи моделирования. Идея моделирования в свете математики. 2-е изд., расш. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2017. 258 с.
11. Когаловский С. Р. О природе математики// Философские науки. 2017. № 6. С. 80—95.
12. Когаловский С. Р. Онтогенетический подход к обучению школьников математике. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2018. 316 с.
13. Когаловский С. Р. О традиционном и развивающем обучении математике // Научный поиск. 2020. № 3 (37). С. 11—21.
14. Кудрявцев В. Т. Продуктивное воображение и психологическое развитие ребенка // Первые чтения памяти В. В. Давыдова: сборник выступлений. Рига: Педагогический центр «Эксперимент», 1999. С. 57—100.
15. Лосев А. Ф. Диалектика творческого акта (краткий очерк) // Контекст 1981. М.: Наука, 1982. С. 48—78.
16. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
17. Меморандум американских математиков // Математика в школе. 1964. № 4. С. 90—92.
18. Хоружий С. С. Подвиг как органон. Организация и герменевтика опыта в исихатской традиции // Вопросы философии. 1998. № 3. С. 35—118.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АКСЕНОВ Геннадий Петрович — кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории наук о Земле, Институт истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова РАН, г. Москва, Россия, gen.aksenov@mail.ru

AKSENOV Gennady Petrovich — Candidate of Sciences (Geography), Leading Researcher of the Department of History of Earth Sciences, Institute of History of Natural Science and Technology named after S. I. Vavilov, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, gen.aksenov@mail.ru

АНДРЕЯНОВА Елена Евгеньевна — аспирант, Институт гуманитарных наук, кафедра отечественной филологии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, lenaluna139@yandex.ru

ANDREYANOVA Elena Evgenievna — Postgraduate student, Institute of Humanities, the Department of Russian Philology, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, lenaluna139@yandex.ru

АНЦЫФЕРОВА Ольга Юрьевна — доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, olga_antsyf@mail.ru

ANTSYFEROVA Olga Yurievna — Doctor of Sciences (Philology), Professor, Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia, olga_antsyf@mail.ru

БАЛДИН Кирилл Евгеньевич — доктор исторических наук, профессор, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kebaldin@mail.ru

BALDIN Kirill Yevgenyevich — Doctor of Sciences (History), Professor, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, kebaldin@mail.ru

БЕЛОУСОВ Павел Алексеевич — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и религиоведения, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, Россия, kafedra-fir@mail.ru

BELOUSOV Pavel Alekseevich — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy and Religious Studies, Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletovs, Vladimir, Russia, kafedra-fir@mail.ru

БОГДАНОВА Александра Арсеновна — независимый исследователь, г. Иваново, Россия

BOGDANOVA Alexandra Arsenovna — Independent Scientist, Ivanovo, Russia

ЗОЛИНА Елена Наполеоновна — кандидат филологических наук, независимый исследователь, г. Иваново, Россия, elenanapoleonovna@mail.ru

ZOLINA Elena Napoleonovna — Candidate of Sciences (Philology), Independent Scientist, Ivanovo, Russia, elenanapoleonovna@mail.ru

КОГАЛОВСКИЙ Сергей Рувимович — кандидат физико-математических наук, профессор кафедры математики, физики и методики обучения, Ивановский государственный университет (Шуйский филиал), г. Шуя, Россия, askogal@yandex.ru

KOGALOVSKII Sergey Ruvimovich — Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Professor of the Department of Mathematics, Physics and Teaching Methods, Ivanovo State University (Shuya Branch), Shuya, Russia, askogal@yandex.ru

КОНДОРСКИЙ Борис Михайлович — кандидат биологических наук, независимый исследователь, г. Донецк, Украина, bmkbox@mail.ru

KONDORSKII Boris Mikhailovich — Candidate of Sciences (Biology), Independent Researcher, Donetsk, Ukraine, bmkbox@mail.ru

КРАСОВИЦКАЯ Тамара Юсуфовна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (ИРИ РАН), г. Москва, Россия, tkrasovitskaya@mail.ru

KRASOVITSKAYA Tamara Yusufovna — Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (IRI RAS), Moscow, Russia, tkrasovitskaya@mail.ru

ЛАДАНОВА Анна Алексеевна — архивист отдела публикации и использования документов, Государственный архив Ивановской области, г. Иваново, Россия, ladanova.anyuta@yandex.ru

LADANOVA Anna Alekseevna — archivist of the Department of Publication and Using of Documents of the State Archive of Ivanovo region, Ivanovo, Russia, ladanova.anyuta@yandex.ru

МУРАВЬЕВА Алла Владимировна — аспирант, Институт гуманитарных наук, кафедра отечественной филологии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, a-mour@bk.ru

MURAVEVA Alla Vladimirovna — Postgraduate student, Institute of Humanities, the Department of Russian Philology, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, a-mour@bk.ru

САДВОКАСОВА Закиш Тулехановна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова Комитета науки министерства образования и науки Республики Казахстан, г. Алматы, Республика Казахстан, tungatar_k@mail.ru

SADVOKASOVA Zakish Tulekhanovna — Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher of the Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology CS of MES RK, Almaty, Republic of Kazakhstan, tungatar_k@mail.ru

ТОЧЕНОВ Сергей Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, stochenov@rambler.ru

TOCHENOV Sergey Valerievich — Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, stochenov@rambler.ru

ТЮЛЕНЕВ Владимир Михайлович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, tyulenev.vl@yandex.ru

TYULENEV Vladimir Mikhailovich — Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, tyulenev.vl@yandex.ru

ХУСНУТДИНОВ Арсен Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, arsen1418@mail.ru

KHUSNUTDINOV Arsen Alexandrovich — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, arsen1418@mail.ru

ЦАПЛИНА Наталья Сергеевна — педагог-организатор, Университет непрерывного образования и инноваций, г. Иваново, Россия, tsaplina92@mail.ru

TSAPLINA Natalya Sergeevna — Teacher-organizer, University of Continuing Education and Innovation, Ivanovo, Russia, tsaplina92@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Научный журнал «Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки» учрежден Ивановским государственным университетом. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-60993 от 5 марта 2015 г.), в Международном центре ISSN (номер 2219-5254) и Национальном агентстве ISSN (номер 2500-2791 (online)).

Журнал размещается в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU, включен в систему РИНЦ (Российского индекса научного цитирования). Полнотекстовые версии статей доступны на сайте Научной электронной библиотеки: <https://elibrary.ru/contents.asp?titleid=32858> и Ивановского государственного университета: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php

Журнал публикует оригинальные статьи в области гуманитарных наук, а также материалы, посвященные актуальным гуманитарным проблемам (публикации, обзоры, хронику научной жизни, рецензии и др.).

Периодичность издания – четыре номера в год.

Редакция принимает к публикации материалы, соответствующие специализации журнала, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости, ранее не опубликованные в других изданиях.

Авторами статей могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

Все публикации проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее 70 %.

Статьи направляются в редакцию **только в электронном виде** по адресу:

vestnik.ivgu@mail.ru

(ответственному секретарю Олегу Сергеевичу Горелову).

Материалы, представляемые в редакцию, должны быть оформлены в виде следующих файлов:

1) текст статьи с аннотацией и ключевыми словами на русском и английском языке;

2) сведения об авторе (фамилия, имя, отчество; ученые степень и звание, должность и место работы / учебы или соискательства – на русском и английском языках; домашний и служебный адреса, номера контактных телефонов, адрес электронной почты);

3) отзыв научного руководителя / консультанта для аспирантов и соискателей (отсканированный вариант с подписью и с печатью).

Требования к оформлению статей

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля: верхнее – 2,7 см, левое и правое – 4 см, нижнее – 4,6 см; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 11; межстрочный интервал – одинарный; абзацный отступ – 1 см.

Минимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и списком литературы – не менее 12 тыс. знаков. Максимальный объем текста статьи – не более 30 тыс. знаков с пробелами. Статьи большего объема могут приниматься в случае мотивированной необходимости представить развернутые результаты исследования, а также при высокой теоретической и/или практической значимости публикации.

Материал должен быть оформлен в следующей последовательности:

В верхнем левом углу индексы УДК и ББК.

На следующей строке в верхнем правом углу *полужирным курсивом* (Times New Roman 12) – *инициалы и фамилия автора* статьи на русском и английском языках.

Через интервал название статьи – выравнивание по левому краю, **ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ, полужирным шрифтом**, Times New Roman 12 – на русском и английском языках.

Через интервал аннотация на русском и английском языках (150–250 слов) – Times New Roman 10; словосочетание «ключевые слова» и «*key words*» – *полужирным курсивом* – Times New Roman 10, сами ключевые слова и/или словосочетания на русском и английском языках (5–6) – Times New Roman 10.

Далее через интервал – основной текст.

После основного текста через 1 интервал следует *Список литературы* (Times New Roman 10, ФИО авторов *курсивом*). Список литературы формируется по алфавитному принципу, нумерация порядковая.

Ссылки в тексте статьи приводятся в **квадратных** скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1–2003, 7.0.5–2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс – даты обращения.

Дополнительные рекомендации:

- для выделения слов, фрагментов текста можно использовать курсив, подчеркивание. Разбивка не допускается;
- переносы только автоматические;
- сноски для примечаний постраничные, ставятся автоматически;
- между инициалами и фамилией ставится непрерывный пробел (shift + ctrl + пробел);
- при цитировании используются кавычки «», при внутреннем цитировании ставятся “ ”;
- должно соблюдаться пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: ctrl + alt + минус на правой числовой клавиатуре) от «-» (дефиса);

- для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире). Например, 1920—1930 гг., с. 258—259;
- все текстовые примеры на иностранных языках должны быть снабжены русским подстрочником.

Порядок рецензирования рукописей статей

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят независимое рецензирование.

Статьи аспирантов и соискателей принимаются и передаются на рецензирование только при наличии положительного отзыва научного руководителя/консультанта. Сопроводительные документы должны быть подписаны и заверены печатью (присылаются сканом на электронную почту).

О поступлении статьи и ее дальнейшем рецензировании ответственный секретарь сообщает авторам по электронной почте. Если формальные требования к материалам, представленным на публикацию, не выполнены, то статья к публикации не принимается «по формальным признакам» и об этом сообщается автору.

Рецензирование проводится конфиденциально для автора рукописи, носит закрытый характер. Для проведения рецензирования рукописей статей в качестве рецензентов могут привлекаться как члены редакционной коллегии журнала, так и высококвалифицированные ученые и специалисты, в том числе из других организаций.

Рецензент оценивает: соответствие содержания статьи ее названию; актуальность и новизну рассматриваемой в статье проблемы, обоснованность и продуктивность методов исследования объекта, оригинальность решения проблемы и значимость полученных выводов, логику и стиль изложения, цельсообразность публикации статьи.

Копии рецензий направляются в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию соответствующего запроса.

Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются с учетом создания условий для оперативной публикации статьи, но не более 6 месяцев.

При наличии отрицательной рецензии на рукопись статья отклоняется с обязательным уведомлением автора о причинах такого решения. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

Не допускаются к публикации в научном журнале статьи:

- содержащие ранее опубликованный материал;
- содержащие недобросовестные заимствования;
- представленные без соблюдения правил оформления публикаций;
- авторы которых отказываются от технической доработки публикации;
- авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументировано не опровергают их;
- представляющие собой отдельные этапы незавершенных исследований.

Редколлегия имеет право на собственное редактирование присланной рукописи без ущерба для ее содержания и авторского стиля.

Редколлегия журнала не хранит и не возвращает рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического или технического уровня.

Редакционная этика

Редакция журнала руководствуется рекомендациями Международного комитета по публикационной этике (COPE). В соответствии с этим сформированы следующие *этические правила сотрудничества редколлегии и авторов*.

Для авторов:

- авторы несут персональную ответственность за содержание материалов, точность перевода аннотации, цитирования, библиографической информации, а также за сведения о себе;
- автор подтверждает, что его материалы публикуются впервые, не представлены в несколько журналов одновременно, а также не содержат плагиат в какой-либо форме;
- все лица, внесшие значительный вклад в создание статьи, должны быть указаны как соавторы;
- авторы обязаны раскрывать в своих рукописях финансовые или любые другие существующие конфликты интересов, которые могут быть восприняты как оказавшие влияние на результаты или выводы, представленные в работе;
- авторы имеют право использовать материалы журнала в их последующих публикациях при условии, что будет сделана ссылка на публикацию в «Вестнике ИвГУ».

Для редколлегии:

- журнал не сотрудничает с посредническими организациями и работает напрямую с авторами. В работе с ними редколлегия соблюдает принципы корпоративной этики;
- редакция журнала оценивает интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, гендерной идентичности, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства или политических предпочтений авторов;
- неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, не могут быть использованы членами редколлегии в личных исследованиях без письменного согласия автора(ов);
- если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

Для рецензента:

- рецензент обязан давать объективную оценку, ясно и аргументированно выражать свое мнение, неприемлема персональная критика автора(ов);
- рецензентам следует выявлять значимые опубликованные работы, соответствующие теме и не включенные в библиографию к рукописи. Рецензент должен также обращать внимание главного редактора на обнаружение существенного сходства или совпадения между рассматриваемой рукописью и любой другой опубликованной работой, находящейся в сфере научной компетенции рецензента;
- неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, рецензент не может использовать в личных исследованиях без письменного согласия автора(ов);
- рецензенты не должны участвовать в рассмотрении рукописей в случае наличия конфликтов интересов вследствие конкурентных, совместных и других взаимодействий и отношений с любым из авторов, компаниями или другими организациями, связанными с представленной работой.

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала.

E-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Адрес редакции: 153025, Россия, г. Иваново, ул. Тимирязева, 5, к. 304.

Более подробная информация – на сайте Ивановского государственного университета: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Гуманитарные науки»
2021. Вып. 3**

Издается в авторской редакции

директор издательства *Л. В. Михеева*
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 30.09.2021 г.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская. Усл. печ. л. 13,4.
Уч.-изд. л. 11,5. Тираж 100 экз. Заказ № 123. Цена свободная

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41

E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Вестник Ивановского государственного университета

Научный журнал

В соответствии с тематикой научных исследований журнал издается в 3 сериях:

- **ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ - 4 ВЫПУСКА**
- **ЕСТЕСТВЕННЫЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ - 2 ВЫПУСКА (online)**
- **ЭКОНОМИКА - 4 ВЫПУСКА (online)**

Адресован преподавателям,
научным сотрудникам,
студентам вузов

Распространяется по предварительным заявкам и подписке

Освещает результаты
фундаментальных и прикладных исследований,
осуществляемых по гуманитарным, общественным,
естественным и техническим наукам

Журнал основан в 2000 году

Выходит ежеквартально